

УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

**КРЫМСКОГО ФЕДЕРАЛЬНОГО
УНИВЕРСИТЕТА имени В. И. ВЕРНАДСКОГО.
ФИЛОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ**

Научный журнал

Том 1 (67) №3

Журнал «Ученые записки Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского.

Филологические науки»

является историческим правопреемником журнала «Ученые записки
Таврического университета», который издается с 1918 г.

**Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского
Симферополь
2015**

**Печатается по решению Ученого совета
Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
протокол №12 от 16 сентября 2015 г.**

**Редакционный совет журнала
«Ученые записки Крымского федерального университета
имени В. И. Вернадского. Филологические науки»:**

Богданович Галина Юрьевна, д-р филол. наук, проф.
(главный редактор)

Александрова Ирина Викторовна – д-р филол. наук, проф.
Борисова Людмила Михайловна – д-р филол. наук, проф.
Гуменюк Виктор Иванович – д-р филол. наук, проф.
Ищенко Наталья Анатольевна – д-р филол. наук, проф.
Курьянов Сергей Олегович – д-р филол. наук, доц.
Меметов Айдер Меметович – д-р филол. наук, проф.
Новикова Марина Алексеевна – д-р филол. наук, проф.
Орехова Людмила Александровна – д-р филол. наук, проф.
Петренко Александр Демьянович – д-р филол. наук, проф.
Савченко Любовь Васильевна – д-р филол. наук, проф.
Титаренко Елена Яковлевна – д-р филол. наук, проф.
Шилина Анжела Григорьевна – д-р филол. наук, проф.
Яблоновская Наталья Всеволодовна – д-р филол. наук, проф.
Ященко Татьяна Антоновна – д-р филол. наук, проф.

Егорова Людмила Геннадьевна – канд. филол. наук, доц.
(ответственный секретарь)

Подписано в печать 21.12.2015. Формат 70x100 1/16
30 усл. п. л. Заказ № НП/20
Отпечатано в издательском отделе КФУ
295007, г. Симферополь, пр. Академика Вернадского, 4
<http://sn-philol.cfuv.ru>

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

УДК 82.091(=1.4)/(=1.9)

НАЦИОНАЛЬНЫЙ ИМИДЖ КАК РЕЗУЛЬТАТ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Орехов В. В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: v-orehov@mail.ru*

В статье осуществляется попытка использовать принципы теории межкультурных коммуникаций при решении вопросов имагологии. Предлагается рассматривать межлитературный имагологический диалог в качестве типичной ситуации интеркультурного общения, где в роли автора выступает совокупность французских литераторов, в роли читателя – российская публика, в качестве сообщения – «русский текст» во французской литературе, а в качестве читательского отклика – текст ответной рецепции.

Ключевые слова: имагология, теория межкультурных коммуникаций, рецепция, русская литература, текст.

ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время литературная имагология, ориентированная на исследование национальных типов и образов в различных сферах словесности, находится на стадии формирования методологии и концептуальной основы. В связи с этим представляется своевременным обсудить вопрос о возможных векторах имагологических исследований, о пересечении этих векторов с магистральными направлениями наук гуманитарного цикла.

Цель настоящей статьи – доказать применимость теории межкультурных коммуникаций (ТМК) при решении проблем имагологии, в частности, при исследовании диалогического бытования национальных имиджей в литературе. При этом необходимо решить следующие задачи: обозначить сферу интересов, общую для имагологии и для теории межкультурных коммуникаций; определить степень востребованности принципов ТМК при решении вопросов интерлитературного общения; продемонстрировать продуктивность этих принципов в условиях исследования конкретной ситуации межлитературного диалога. Объект статьи – возможность использования достижений ТМК в области имагологии, предмет – особенности коммуникативной модели русско-французского имагологического диалога. В перспективе результаты статьи могут быть применены в решении актуальных вопросов литературной компаративистики.

ИМАГОЛОГИЧЕСКИЙ ДИАЛОГ

На первых этапах существования имагология была занята почти исключительно реконструкцией национального образа (имиджа) той или иной страны в инонациональной литературе (М. П. Алексеев, Д. С. Наливайко, М. Кадо и др.). Однако отметим, что национальный образ всегда или почти всегда формируется в условиях межлитературного диалога, что оказывает серьезное (если не определяющее) воздействие на содержание и структуру этого образа. В качестве иллюстрации произвольно выберем ситуацию русско-французского имагологического диалога первой половины XIX в.

В этот период французская литература активно осваивала русскую тематику. Формировался французский литературный образ России и русских, воплощенный во множестве разнородных текстов. И важно, что этот процесс привлекал пристальное внимание российских литераторов и читателей. Более того, русская литература стремилась повлиять на имидж России во французской литературе, формулировала «ответ» на французские суждения о России и русских (этот ответ мы будем далее называть «ответной рецепцией»). Завязывался межлитературный диалог, посвященный литературному портрету России. Думается, что рассмотрение этого диалога с позиций теории межкультурных коммуникаций, позволит наметить методологические основы его дальнейшего изучения.

В современной культурологии прочно занял место «диалогический подход». Концепции, связанные с исследованием межкультурного обмена информацией, – прерогатива теории межкультурных коммуникаций. Воронежский исследователь Л. Ботникова высказывает убеждение, что «при соприкосновении одной эстетической системы с другой обязательно возникает момент диалога, неосознанного стремления <...> выразить себя, в том числе и со стороны национального менталитета» [3, с. 8]. Нас как раз и интересуют случаи, когда один из участников выражает себя со стороны национального менталитета, но делает это вполне сознательно, целенаправленно. Иными словами – когда обсуждение менталитета и имиджа страны превращается в тему межкультурного диалога.

На наш взгляд, в наиболее сконцентрированном виде принципы ТМК изложены в работе харьковского исследователя П. Н. Донца [4], обобщившего опыт целого ряда ученых. Его схема межкультурного общения способна внести дополнения в модель диалога между читателем и автором. Впрочем, во многом Донец совершенно солидарен с исследователями читательского восприятия. Так, он, подобно Г. Яуссу, Н. Игнатенко и М. Науману, настаивает на том, что процесс коммуникации имеет «двухвекторную» природу. Случаи, когда обратная коммуникативная связь («ответная рецепция») отсутствует (механическое культурное заимствование), ученый отказывается считать проявлением коммуникации, поскольку при этом отсутствует элемент обмена информацией. Разница с моделью литературной рецепции порой заключается лишь в дефинициях (участников диалога Донец именует коммуникантами, условия коммуникации – ситуаций) и не имеет принципиального значения. Однако на одном терминологическом расхождении необходимо остановиться подробно.

ТЕКСТ

Основной «инструмент коммуникации» (а мы бы сказали «носитель информации») Донец называет «текстом». Заметим: в теории читательского восприятия аналогичный элемент – объект рецепции – называется «художественным произведением», или «продуктом писательской деятельности». Это и понятно: под читательской рецепцией подразумевается прежде всего восприятие художественной литературы, а теория межкультурной коммуникации уже по определению охватывает более широкий спектр явлений. Если же учесть, что рамки предмета, которым занимается теория межкультурных коммуникаций, до сих пор четко не определены, а понятие «культура» вообще относится к одним из самых широких и многозначных, то станет ясным, что к носителям культурной информации можно отнести не только литературу, но и почти любое произведение человеческого разума. Следовательно, и определение для этого носителя культурной информации должно быть максимально обобщающим.

Такая универсальная дефиниция была предложена Ю. М. Лотманом, который модифицировал значение термина «текст». Ученый определил текст как «нечто, наделенное не только единством выражения, но и единством содержания» [12, с. 6], и выразил мысль, что «культура в целом может рассматриваться как текст» [12, с. 18]. С легкой руки Лотмана термин «текст» в обновленном качестве вошел в научный оборот на правах «модного», и, нужно отметить, зачастую используется без ясного понимания, что он выражает. Так, Е. В. Столов, пытаясь разъяснить свою интерпретацию термина, заявляет: «Текст меня интересует не сам по себе, не в качестве объекта науки, а как явление культурное. Текст для меня <...> как бы оболочка, наполняемая смыслом» [25, с. 38]. Даже если отбросить выражение «как бы», которое напрочь лишает формулировку определенности, остается много загадочного. Как, например, текст может интересоваться в качестве «явления культурного», но при этом не интересоваться «сам по себе»? Как может текст становиться предметом научной статьи, но при этом не превращаться в «объект науки»? Как, наконец, текст может существовать в виде одной только «оболочки» до тех пор, пока она не наполнится смыслом?

Гораздо искреннее выглядит позиция Л. Таран – составителя монографии «Женщина как текст». Собрав биографические сведения о трех женщинах-литераторах и фрагменты их творчества, Л. Таран стремилась отразить в названии книги начало, объединяющее материалы, однако в предисловии откровенно признается: «Честно скажу: я не знаю, что это такое – женщина как текст» [5, с. 7]. Среди научных определений «текста» встречаются довольно поэтические, но далеко не конкретные. В. П. Руднев, например, резюмирует: «Реальность – это текст, написанный Богом, а текст – это реальность, созданная человеком» [20, с. 308].

И все же востребованность модифицированного термина «текст» не может вызывать сомнений. Иной вопрос, что его определенность и сейчас составляет предмет обсуждения. В 2003 г. в Северодвинске состоялась международная конференция со значимым названием «Северный текст в русской культуре». Характерно, что из множества обсуждавшихся вопросов именно понятие «северный текст» вызвало наиболее оживленную дискуссию, где высказывались весьма ценные

соображения. К сожалению, сборник материалов конференции не отражает хода этого импровизированного спора, однако даже беглый взгляд на опубликованные статьи позволяет уяснить, насколько разнообразно толкование термина «текст». Между тем, количество материалов, представленных и на эту конференцию, и на другие – с «текстом» в заглавии – говорят о том, что термин более или менее вняттен научной общественности [22].

Думается, полностью преодолеть разногласия в трактовке термина «текст» вряд ли скоро удастся: слишком разнообразны сферы его применения. Целесообразнее остановиться на том, чтобы каждая область знаний (скажем, лингвистика, журналистика, источниковедение) использовала его в соответствии с внутридисциплинарными традициями и потребностями. Исходя из этого, попытаемся определить лишь те качества дефиниции «текст», которые были бы применимы в имагологическом аспекте и, в частности, в решении нашего вопроса.

Ю. М. Лотман выразил мысль, что «законы построения художественного текста в значительной мере суть законы построения культуры как целого»: «Это связано с тем, что сама культура может рассматриваться как сумма сообщений, которыми обмениваются различные адресанты <...> и как одно сообщение, отправляемое коллективным «Я» человечества самому себе» [10, с. 42]. То есть культура как текст представляет собой «иерархию текстов в тексте» [12, с. 18]. Однако как вычленишь из этого «сложного переплетения текстов» [12, с. 18] его составные единицы?

Обратим внимание, что Лотман трактует текст в качестве некоего сообщения. Отсюда следует, что текст как любое сообщение может быть выделен из общего потока информации по нескольким признакам, например: в соответствии с автором высказывания, целью высказывания, адресатом высказывания, темой высказывания и т.д. Практика показывает, что тексты (в широком, лотмановском, культурологическом значении) выделяются исследователями из общекультурного текста в первую очередь исходя из семантики. Так, В. В. Абашев предпринял исследование «пермского текста» [1], Стефания Андрусов – «львовского текста» [2], В. Н. Топоров – «петербургского текста» [27]. Этот ряд можно было бы продолжить. Но отметим, что исследователь может ограничить текст по дополнительным критериям. Так, С. Андрусов сосредоточивает внимание на – «львовском тексте» 1930-х гг., а В. Н. Топоров – на «петербургском тексте», бытующем в русской литературе.

Вычленив определенный текст из общекультурной реальности, исследователь подразумевает, что этот текст, в свою очередь, является совокупностью других текстов (по некоторым определениям «гипертекстом» [20, с. 69], или «сверхтекстом» [1, с. 11]), подчиненных ему иерархически (Лотман именует эти составные единицы «вариациями текста», С. Андрусов – «субтекстами»). Скажем, В. В. Абашев включает в структуру «пермского текста» «все высказывания о Перми и вообще все знаковые манифестации “пермскости”» [1, с. 23], а С. Андрусов включает в «львовский текст» «все вербальные тексты вместе с устными повествованиями, визуальными текстами» [2, с. 50]. То есть текст предстает единством семантически однородных сообщений.

Имеет ли смысл применение модифицированного термина «текст» в литературной имагологии?

Материалом для имагологических изысканий служат литературные отражения инациональных стран и народов. Эти отражения чрезвычайно разнообразны по объему, жанру, значимости и т.д. Определяя материал для конкретного исследования, ученый вынужден перечислять формы воплощения рецепции. В монографии Д. С. Наливайко «Казацкая христианская республика» (1992), например, в поле анализа попадают, кроме западноевропейских художественных произведений, историографические и публицистические сочинения, а также описания путешествий, мемуары, письма, дневники, послания, реляции, трактаты и т.д. [15, с. 15]. Понятно, что при том объеме источников, который использует Д. С. Наливайко, исчерпывающее перечисление хотя бы только их жанров весьма затруднительно.

С проблемой определения источников столкнулись и мы в работе «Миф о России во французской литературе». Тогда мы указали область использованного материала следующим образом: «индивидуально-художественные образцы разрешения «русской» темы, описания, обобщающие рассуждения, замечания и отрывочные упоминания о России Стендаля, П. Мериме, Ж. де Сталь, В. Гюго, О. Бальзака, А. Дюма, П.-Ж. Беранже и ряда других авторов» [16, с. 7]. Но такое описание источников определяет лишь их объем и принадлежность авторам, что нельзя считать исчерпывающей характеристикой.

Впрочем, подобные репрезентации материала занимают в исследованиях, как правило, незначительное место, и связанные с ними затруднения можно было бы не принимать в расчет. Тем более, что момента конкретизации источников избежать все равно невозможно. Но проблема в ином: индивидуальная формула, используемая для представления материала, неизбежно и постоянно должна использоваться в дальнейших рассуждениях – как определение сферы бытования конкретных имагологических образов. Как же быть в тех случаях, когда о множестве фактов литературного воплощения инациональной рецепции приходится говорить в ходе анализа, когда определение суммы этих фактов должно быть предельно лаконичным и всеобъемлющим, внятным для других ученых и отвлеченным от частных?

Подобное определение подбирается наукой, сколько мы можем судить, с конца XVIII – начала XIX в. И. Штриттер, издав в 1770 – 1775 гг. извлечения из византийской источников о славянской истории, озаглавил их «Известия византийских историков...» [30]. Сходную формулу использовал через сто лет Л. П. Рушинский, употребив выражение «сведения иностранных писателей» [21]. Н. Устрялов, В. Ключевский и В. Макушев использовали термин «сказания иностранцев (современников)» [28, 8, 13]. В. Семенов назвал свое собрание «Библиотекой иностранных писателей о России» [23], а Р. Минцлоф поименовал зарубежные источники «иностранными сочинениями о России» [14]. В XX в. часто употреблялось выражение «записки иностранцев» [6, 9]. А Лотман использовал термин «высказывания иностранцев о России» [11]. Кроме того, массив зарубежных

произведений о стране мог именоваться, как, например, у Е. Ю. Пеленского «украиникой» либо, соответственно, «россикой» [19].

Кажется, ни один из приведенных терминов не обладает универсальностью. Так, «известия» и «сведения» акцентируют внимания лишь на историко-фактографической стороне вопроса. Под «сказанием» в современном литературоведении подразумеваются исключительно поэтические произведения [24, с. 355]. «Сочинение» является, по сути, абсолютным синонимом «произведения». Наименование «записки» не способно охватить все жанры художественной литературы. Термины «украиника», «россика», как и «библиотека», слишком ассоциируются с библиотечными каталогами и собраниями книг, специально посвященных стране. К «украинике» (как и к «сочинениям», скажем, никак нельзя отнести фрагментарные упоминания об Украине, рассыпанные во многих зарубежных произведениях.

В романе Э. Сю «Жан Кавалье» один из героев рассказывает: «Во время турецкого похода в моей дружине украинских карабинеров случилось два десятка молодых, способных превзойти самого заклятого палача; так искусно они искрошили сыновей Магомета, захваченных нашей главной стражей <...>» [26, с. 58]. В романе нет иных упоминаний об Украине, и ясно, что этот эпизод и весь роман никогда не войдут ни в один перечень произведений об Украине. Однако этот фрагмент, несомненно, важен с имагологической точки зрения, поскольку отражает традицию европейской литературы XIX в. видеть в украинских казаках подобие пиратов и прочих искателей приключений, описывать необузданность их свободы и суровость нравов. В данном случае весьма точно применим термин Лотмана – «высказывание», но зато эта дефиниция не применима к масштабным произведениям. Условно говоря, «высказыванием» можно было бы назвать любой литературный факт, но все же в приложении к многотомным историческим трудам, философским трактатам, романам и проч. этот термин вряд ли будет гармонировать.

Поэтому мы и предлагаем для объединения всего имагологического материала, закрепленного в слове, – от одной фразы до исторической хроники, от легенды до энциклопедии – коммуникативно-культурологический термин «текст». Причем применительно к конкретному предмету исследований этот термин должен сопровождаться уточняющими характеристиками. Так, в нашем случае речь идет о «российском тексте французской литературы» и о «тексте ответной рецепции».

Эти «сверхтексты», объединяющие множество «текстов в тексте» строятся по принципу типичного текста. Например, в «российском тексте» легко вычлняются основные персонажи (царь, барин, казак, ямщик и т.д.), он обладает определенным хроносом и топосом [см.: 17; 18], наконец, он воспринимается читателем, как нечто целостное и имеет специфические коды (среди которых национальные стереотипы, мифологемы и т.д.). Точно так же в «тексте ответной рецепции» можно найти персонажи (и среди них главный – иностранный автор), можно определить хронотоп (чаще всего – неопределенно-протяженное время в инациональном пространстве) и можно опять же очертить его рамки и выявить коды. Кроме того, эти тексты можно, по примеру Лотмана, представить как в виде отдельных сообщений, отправляемых внутри национальной литературы, так и в виде одного сообщения, посылаемого одной национальной литературой – другой. Но об этом речь пойдет далее.

МОТИВАЦИИ И ИНТЕНЦИИ

Без учета этих факторов даже детальная реконструкция диалога не позволит нам уяснить причин, которые вызвали диалог. П. Н. Донец включает их в коммуникативную модель как неперенные и формулирует их суть следующим образом:

«Мотивации – потребности, интересы, мотивы, побуждающие коммуникантов начинать какую-либо деятельность и/или вступать в коммуникацию. Интенции – намерения, задачи и цели, которые преследуются коммуникантом» [4, с. 50].

В отношении «русского текста французской литературы» вопрос более или менее ясен. Исследователи не раз подробно останавливались на мотивах и целях, заставлявших французских авторов обращаться к русской теме. Здесь прослеживается и интерес французской литературы к экзотике, и стремление к объективным знаниям, и желание отдельных авторов проявить себя на родине в отношении к российскому деспотизму, и надежды приобрести благосклонность русского двора и т.д. и т.п. Однако собственно «русский текст французской литературы» в данном случае нас специально не интересует. Для нас важна иная сторона – мотивации и интенции ответной рецепции. Что заставляло русских авторов реагировать на суждения французов о России? Какие цели они при этом преследовали?

Даже поверхностный взгляд позволяет уловить разнообразный спектр причинно-целевых установок, руководивших русскими литераторами. Кто-то был спровоцирован к полемике конкретным произведением о России, а кто-то – общим настроением французской публицистики и литературы; кто-то вступал в спор из-за уязвленного чувства патриотизма, а кто-то по прямому указанию правительства; кто-то желал высказать соображения о несправедливости иностранных мнений соотечественникам, а кто-то стремился повлиять на мнения иностранных авторов, кто-то желал уяснить особенности национального менталитета на фоне иностранных оценок, а кто-то – вписаться в русло официальной идеологии. Разнообразие причин и намерений делает структуру «текста ответной рецепции» чрезвычайно многогранной.

КОММУНИКАЦИЯ И АВТОКОММУНИКАЦИЯ

Вернемся к той мысли, что текст обладает способностью передаваться по двум коммуникативным каналам: внутрикультурному (внутрилитературному) и межкультурному (межлитературному). Теорию межкультурных коммуникаций интересует последнее. П. Н. Донец определяет при этом внутрикультурное общение как «аппозитивный коррелянт» [4, с. 102] интеркультурного обмена информацией. Однако выскажем соображение, что межкультурные коммуникации невозможны без коммуникаций внутрикультурных, причем именно внутрикультурное общение формирует продукт дальнейшего информационного обмена между разными культурами.

Структура восприятия текста включает в себя момент формирования реакции на текст. По выражению В. Изера, «в процессе чтения существуют два уровня»: чужое “я” и реальное “я”, которые никогда не отделяются одно от другого» [7, с. 275]. Авторское «Я» сталкивается с «Я» читателя, авторский горизонт ожидания взаимодействует с читательским. Несовпадение горизонтов ожидания вызывает потребность читательского отклика. Но читатель должен иметь возможность выработать свою позицию по отношению к тексту, сопоставить новую информацию с собственным тезаурусом, обдумать ответ на текст, то есть – обсудить свою позицию с самим собой. Этот момент «обдумывания», или автокоммуникации, невозможно исключить из общей коммуникативной цепи, поскольку в противном случае придется признать, что в процессе диалога читатель не отправляет новую информацию, а лишь механически отражает полученное сообщение в том виде, в каком его получил.

Это свойство легко проецируется на структуру ответной рецепции. Тексты ответной рецепции зачастую адресованы вовсе не французским литераторам, чьими произведениями они спровоцированы, а – российским читателям и мастерам слова. В российской литературе и публицистике шел процесс обсуждения национального текста ответной рецепции, национальной позиции по отношению к французскому тексту о России. Осуществлялась автокоммуникация, по выражению исследователя В. К. Харченко, «с опорой на национальную идентичность» [29, с. 94]. И только проанализировав внутрилитературный процесс «обдумывания» «ответа за границе» в совокупности с межкультурным функционированием этого «ответа», мы сможем всесторонне оценить феномен ответной рецепции.

ВЫВОДЫ

Итак, мы перенесли проблему имагологии в плоскость коммуникативных теорий. В таком преломлении цель имагологического исследования вообще (и предложенной нами проблемы русско-французских литературных отношений, в частности) должна быть сформулирована следующим образом: доказать, что имагологические образы (образы России и русских) инициировали процесс циркулирующей коммуникации между национальными (русской и французской) литературами. При этом необходимо сосредоточить внимание на интервале «обратной связи», или «ответной рецепции», поскольку именно наличие обратного канала передачи информации подтверждает наличие диалога. То есть зона исследования заявленной нами конкретно-исторической проблемы должна быть сужена до пределов реальной читательской ситуации в условиях межкультурного общения, где в роли автора выступает совокупность французских литераторов, в роли читателя – российская публика, в качестве сообщения – «русский текст» во французской литературе, а в качестве читательского отклика – текст ответной рецепции.

Список литературы

1. Абашев В. В. Пермь как текст. Пермь в русской культуре и литературе XX века / В. В. Абашев. – Пермь: Изд-во пермского ун-та, 2000. – 404 с.
2. Андрусів С. М. Модус національної ідентичності: Львівський текст 30-х років XX ст. / С. М. Андрусів. – Львів – Тернопіль: ЛНУ – Джура, 2000. – 340 с.
3. Ботникова Л. Литература и изучение национальной идентичности / Л. Ботникова // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Мат-лы научн. конф. – Воронеж: ВГУ, 2000. – Т. 2. – С. 4 – 12.
4. Донец П. Н. Основы общей теории межкультурной коммуникации: научный статус, понятийный аппарат, языковой и неязыковой аспекты, вопросы этики и дидактики / П. Н. Донец. – Харьков, 2001. – 386.
5. Жінка як текст: Емма Андіївська, Соломія Павличко, Оксана Забужко: фрагменти творчості і контексти / Сост. Л. Таран. – К.: Факт, 2002. – 208 с.
6. Записки иностранцев о восстании Степана Разина / Под ред. А. Г. Манькова. – М.: Наука, 1968. – 173 с.
7. Ізер В. Процес читання: феноменологічне наближення / В. Ізер // Антологія світової літературно-критичної думки XX ст. – Львів, 1996. – С. 263 – 276.
8. Ключевский В. О. Сказания иностранцев о Московском государстве / В. О. Ключевский. – М.: Прометей, 1991. – 334 с.
9. Ларин Б. А. О записках иностранцев как источнике по истории русского языка / Б. А. Ларин // Труды юбилейной научной сессии ЛГУ. Секция филологических наук. – Л.: ЛГУ, 1946. – С. 71 – 85.
10. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров. Человек – текст – семиосфера – история / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
11. Лотман Ю. М. К вопросу об источниковедческом значении высказываний иностранцев о России / Ю. М. Лотман // Сравнительное изучение литератур. Сб. статей к 80-летию ак. М. П. Алексева. – Л.: Наука, 1976. – С. 125 – 132.
12. Лотман Ю. М. Текст в тексте / Ю. М. Лотман // Текст в тексте. Труды по знаковым системам XIV. – Тарту: ТГУ, 1981. – С. 3 – 18.
13. Макушев В. Сказания иностранцев о быте и нравах славян / Макушев В. – СПб.: Тип. Э. Веймара, 1861. – 178 с.
14. Минцлоф Р. Петр Великий в иностранной литературе. Подробный каталог иностранных сочинений о России (Rossica), находящихся в Императорской публичной библиотеке в С.-Петербурге / Р. Минцлоф. – СПб., 1872. – 691 с.
15. Наливайко Д. С. Казацька християнська республіка (Запорозька Січ у західноєвропейських літературних пам'ятках / Д. С. Наливайко. – К., 1992. – 494 с.
16. Орехов В. В. Миф о России во французской литературе первой половины XIX века. Дисс. на соискание науч.ст. к.ф.н. / В. В. Орехов. – Симферополь, 2001. – 222 с.
17. Орехов В. В. Россия: Север или Восток? Отвечает французская литература первой половины XIX века / В. В. Орехов // Северный текст в русской культуре: Материалы международной конференции, Северодвинск, 25-27 июня, 2003. – Архангельск: Поморский университет, 2003. – С. 223 – 234.
18. Орехов В. В. Французский миф о судьбах России: первая половина XIX в. / В. В. Орехов // Література в контексті культури. Збірник наукових праць. Вип. 10. – Дніпропетровськ: ДНУ, 2002. – С. 24 – 29.
19. Пеленської Є. Ю. Усгаїпіса в західноєвропейських мовах / Є. Ю. Пеленської. – Мюнхен: Бистриця, 1948. – 111 с.
20. Руднев В. П. Словарь культуры XX века / В. П. Руднев. – М., 1999. – 384 с.

21. Рущинский Л. П. Религиозный быт русских по сведениям иностранных писателей XVI и XVII в. /Л. П. Рущинский. – М.: Университетская типография, 1871. – 335 с.
22. Северный текст в русской культуре: Мат-лы междунар. конф., Северодвинск, 25-27 июня 2003 г. – Архангельск: Поморский университет, 2003. – 272 с.
23. Семенов В. Библиотека иностранных писателей о России / В. Семенов. – Отд. I. – Т. I. – СПб., 1836; Отд. I. – Т. II. – СПб., 1847.
24. Словарь литературоведческих терминов. – М.: Просвещение, 1974. – 509 с.
25. Столов Е. В. Текст как система координат для культурной самоидентификации / Е. В. Столов // Текст-2000: Теория и практика. Междисциплинарные подходы. Мат-лы Всероссийской научн. конф. Ч. 1. – Ижевск, 2001. – С. 38 – 40.
26. Сю Э. Жан Кавалье / Э. Сю. – Николаев: Академия, 1994. – 416 с.
27. Топоров В. Н. Петербургский текст русской литературы / В. Н. Топоров. – СПб., 2003. – 617 с.
28. Устрялов Н. Г. Сказания современников о Дмитрие Самозванце. В V ч. / Н. Г. Устрялов. – СПб., 1831 – 1834.
29. Харченко В. К. Теоретические и практические проблемы аутокоммуникации / В. К. Харченко // Проблема национальной идентичности в культуре и образовании России и Запада. Мат-лы науч. конф. (Воронеж – Задонск, 3-6 июля 2000 г.): В 2 т. – Воронеж: ЦИКИ, 2000. – Т. 1. – С. 90 – 97.
30. Штриттер И. Известия византийских историков, объясняющие российскую историю древних времен и переселения народов. В 4-х ч. / И. Штриттер. – СПб. : Императорская академия наук, 1770-1775.

THE NATIONAL IMAGE AS A RESULT OF CROSS-CULTURAL COMMUNICATION

V.V. Orekhov

The article is an attempt to use the principles of intercultural communication theory in dealing imagology. The purpose of this article – to prove the applicability of the theory of intercultural communication in solving imagological problems, in particular, in the study of dialogical existence of national image in literature. It is necessary to achieve the following objectives: to identify the area of interest common to imagology and intercultural communication theory; determine the extent of demand for the principles of the theory of intercultural communication in dealing communication; demonstrate the productivity of those principles in a case study of cross-literary dialogue. Article object – the ability to use the achievements of intercultural communication theory in imagology, subject – particularly communicative model of cross-literary imagological Russian-French dialogue. In future articles the results can be applied in solving urgent issues Comparative Literature.

If further study of cross-literary imagological dialogue proposed to use the concept of "text", "the response reception", "motivation", "intention", "autocommunication". With regard to the theory of intercultural communication purpose imagological research in general (and proposed in the article the problem of Russian-French literary relations, in particular) may be formulated as follows: to prove that imagological images (Russian and Russian images) initiated the process of circulating communications between national (Russian and French) literatures. It is necessary to focus on a range of "feedback" or "reception response" because it is the presence of reverse channel transfer data confirms the presence of dialogue. That is, the study area is declared a concrete historical problems should be narrowed to the limits of the actual readership of the situation in terms of intercultural dialogue, where the role of the author advocates a set of French writers, in the role of the reader - the Russian public, as a message – "the Russian text" in French literature, as well as the reader's response – the text of the response reception.

Keywords: imagology, theory of intercultural communication, reception, Russian literature, text.

УДК 070

ТРАНСФОРМАЦИЯ ЖЕНСКОЙ ПРЕССЫ В НАЧАЛЕ XX в.

Смеюха В. В.

*Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов
E-mail: smeuha@yandex.ru*

Статья посвящена изучению женских журналов, издававшихся в начале XX в. Трансформация социума в указанный период определила активное развитие сегмента женской периодики и степень ее влияния на женскую аудиторию. Используя историко-типологический и описательный методы исследования, автор выявляет типологические, тематические и функциональные особенности женской прессы, выявляет спектр возможностей данного типа периодики, определяемых условиями развития социальной среды. По заключению автора, женская пресса представляла эффективное средство массовой коммуникации, позволявшее учитывать характеристики читательских групп, способствующее развитию их интересов и интеграции в трансформирующийся социум.

Ключевые слова: женская пресса, женский журнал, начало XX в., типология, функции, тенденции.

ВВЕДЕНИЕ

В конце XX – начале XXI вв. обозначился научно-исследовательский интерес к сегменту женской прессы: ученые стали активно изучать как современную женскую периодику [1–5], так и женские периодические издания в историческом контексте [6–9]. Необходимо признать, что наименее исследованными остаются женские журналы дореволюционного периода, что не связывается с их качественными и количественными показателями, а отражает специфику отечественной гуманитарной науки: «...основная масса периодических изданий общедемократического, либерально-буржуазного и монархического характера не исследовалась, хотя на рубеже веков издавалось несколько тысяч газет и журналов. Известное высказывание В. И. Ленина о том, что после 1895 г. в истории освободительного движения демократизм русской интеллигенции уступил место пролетарскому демократизму привело к одностороннему, тенденциозному изучению истории русской журналистики 1900–1917 гг.», – отмечает С. Я. Махонина в своей работе «История русской журналистики начала XX века» [10]. В советский период были рассмотрены некоторые дореволюционные женские журналы, творчество журналистов, публицистов, сотрудничавших с редакциями женских изданий XIX в. [11–15], однако интерес ученых к сегменту женской периодики и ее авторам мотивировался необходимостью изучения революционно-демократической тематики в истории русской журналистики.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В начале XX в. женская пресса демонстрировала типологическое многообразие, определяемое социально-политическими, экономическими и культурными трансформациями общества. Как справедливо отмечает М.В. Шкондин, «средой системы средств массовой информации являются окружающие ее материальные и духовные образования в общественной сфере, которые являются необходимыми условиями существования, формирования и функционирования различных компонентов системы» [16, с. 35], инновационные преобразования общества в начале прошлого века вели к изменению образа жизни населения, выявлению новых интересов и потребностей читательской среды, вследствие чего происходила типологическая трансформация системы СМИ, расширение тематической составляющей периодики. **Целью** данной статьи является исследование типологии, функций, тематики женской прессы начала прошлого века, что позволит определить вектор ее типологических модификаций, специфику реализации информационно-коммуникативных стратегий в условиях преобразования социума.

Под типологическим методом изучения средств массовой информации принято понимать исследование, направленное на выявление типов и видов изданий, представление классификаций, описание типологических характеристик СМИ [17; 18]. По мнению ученых факультета журналистики Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова, «типология помогает понять место изданий в системе СМИ, способствует их взаимодействию, развитию здоровой, нормальной конкуренции, высвечивает место СМИ в рамках географического, информационного, экономического, социального пространства. ... Тип определяется как разновидность, форма, модель, которая характерна для той или иной группы предметов как единица расчленяемой в типологии» [19]. К основным типоформирующим факторам принято относить признаки, оказывающие первостепенное влияние на разработку (утверждение) модели СМИ. М.В. Шкондин считает, что главными типологическими признаками являются: характер аудитории, целевое назначение издания, характер передаваемой информации [20]; Ю.А. Головин к основным типоформирующим признакам периодического издания относит: аудиторную направленность, цели и задачи издания, издающий орган [21].

История отечественной женской прессы началась в последней четверти XVIII в., однако массовое распространение женских периодических изданий пришлось именно на начало XX в., что было связано с популяризацией образования (а, значит, увеличением численности женской читательской аудитории), научно-техническим прогрессом, позволившим повысить качество издательского процесса, благодаря чему стало возможным выпускать издательскую продукцию большими тиражами, использовать цветную полиграфию. Развитие транспортных коммуникаций, в частности железнодорожного транспорта, упростило доставку печатной продукции из Москвы и Санкт-Петербурга в регионы.

В конце XIX – начале XX вв. наблюдалось не только увеличение численности читательской аудитории, но и изменение ее характеристик: чтение становилось доступным различным слоям населения [22], что определяло развитие читательских

практик, формирование типов массовой периодики, получившей широкое распространение и превратившейся не только в источник информации, но и в средство социализации, рекреативный компонент, чтение «становится универсальным и доминантным способом вхождения субъекта в мир» [23, с. 44].

В начале прошлого века отечественная женская пресса дифференцировалась на несколько подтипов: литературно-общественные журналы («Женщина», «Дамский мир», «Женское дело», «Журнал для женщин»); журналы мод, домоводства и рукоделий: «Ворт» (1905–1913), «Домашняя портниха» (1906–1908), «Парижанка» (1908–1910), «Женский мир» (1909–1911), «Белье и вышивки» (1909–1916), «Моды для всех» (1910–1914) и др.; политические: «Женский вестник» (1904–1917), «Союз женщин» (1907–1909), «Работница» (с 1914). В начале XX в. продолжил свою работу педагогический журнал «На помощь матерям» (был открыт в 1894 г.), однако в 1904 г. он прекратил свое существование, потому в рамках данной статьи мы не будем рассматривать его деятельность.

Первые два подтипа – экономически эффективные модели массовой периодики – были направлены на привлечение внимания широкой читательской аудитории. Изменение образа жизни женского населения, привело к появлению «женщины нового типа» [24] – женщины, имевшей возможность самостоятельно реализовывать образовательную, профессиональную, общественную, личностную, семейную, досуговую деятельность. В условиях трансформации типов гендерной идентичности женская пресса начала формировать тематические направления, способные привлечь как семейных женщин, так и современниц, ведущих самостоятельный, экономически независимый образ жизни. Редакции литературно-общественных журналов свою основную цель сводили к оказанию практической помощи и поддержке женщины, в соответствии с чем строилась структура изданий. Так, например, в «Журнале для хозяек» действовали следующие отделы: «Общественные статьи по вопросам правового, экономического, морального и семейного положения», «Вопросы домашнего хозяйства», «Кулинарный отдел», «Модный отдел», «Отдел рукоделий», «Ручной труд», «Юридический отдел», «Отдел воспитания и образования детей», «Вопросы гигиены и домашней медицины», «Косметический отдел», «Красота в повседневной жизни женщины», «Комнатное цветоводство», «Отдел беллетристики» и др.

Журналы мод привлекли внимание отечественной аудитории на этапе своего становления. Периодические издания, распространявшие информацию о тенденциях развития моды, помогали читателям конструировать визуальные репрезентации, что позволяло им идентифицировать с себя с соответствующими социальными классами. В силу низкой скорости распространения информации о модных тенденциях и разных финансовых возможностей женщины, проживавшие в провинции, отличались по внешнему виду от столичных дам. Так, А.В. Белова указывает, что провинциальная горожанка называла столичную дворянку «петербургской франтихой» и с иронией отзывалась о ее чрезмерном увлечении модными нарядами, при этом, встречая гостей у себя дома, она меняла повседневную одежду на более праздничную [25]. Изучая особенности женской одежды в российских регионах, исследователи отмечают, что большая часть

зажиточных семей следовала моде, сведения о которой получала именно из модных журналов [26]. Население покупало готовые наряды, заказывало модные фасоны одежды у портних: «... фабрики готового платья обслуживали в основном средние и малосостоятельные слои, тогда как богатая клиентура, не терпящая шаблонности и требующая выполнения субъективных капризов, долгое время оставалась верной портному. Заказчицы обычно шили у постоянного портного, некоторые портные, обслуживавшие зажиточную публику, имели у себя в мастерских манекены, специально сделанные по фигуре заказчицы, что давало возможность шить без примерки и обслуживать иногородних клиентов. В крупных портновских мастерских хозяин был и закройщиком, а шили наемные мастера» [27]. Таким образом, модная пресса формировала потребительский спрос на модную продукцию и создавала соответствующие вкусы и интересы аудитории.

Подтип женской политической прессы был представлен тремя журналами. Их появление обуславливалось активизацией женского движения, включением женщин в политическую борьбу, а также усилением значимости политической периодической печати. Издания «Женский вестник» и «Союз женщин» выступали за предоставление женщине гражданских и политических прав, что отражало идеи отечественного феминистского движения. Журнал «Работница», созданный по инициативе РСДРП, пропагандировал привлечение женщин к борьбе пролетариата. Издания выходили на взносы и пожертвования, не имели больших тиражей.

Можно выделить несколько значительных событий, оказавших влияние на трансформацию женской прессы. В-первую очередь, это феминистское движение. Расширение его деятельности привело к изменению типологии, функций и тематики изданий. Так, журнал «Женский вестник», организованный в 1904 г. врачом М.И. Покровской, первоначально позиционировался как «общественно-научно-литературный журнал, посвященный женскому вопросу»: освещал положение женщины в образовании, профессиональной деятельности, описывал случаи гендерной дискриминации в обществе и семье, выступил с инициативой организации женского санитарного общества в Санкт-Петербурге. По мнению редактора-издателя и автора «Женского вестника» М.И. Покровской, открывая журнал, редакция обращалась к «женщинам и женской молодежи, которая сознавая ненормальность современного строя, стремится к свету, к знанию, к самостоятельному труду, пытается бороться с невежеством» (Покровская М.И. Возражение рецензенту «Русской мысли» // Женский вестник. 1905. № 3. С. 86–87). Издание отличалось от массовой женской периодики, в нем превалировала общественная тематика. В 1905 г. редакция «Женского вестника» инициировала создание Женской прогрессивной партии, которая была учреждена в 1906 г., после чего журнал превратился в ее периодический орган. Помимо хроники женского движения, информации о дискриминации женского населения издание публиковало теоретические статьи о феминизме. Масштабные события общественно-политического характера находили отображение на страницах журнала, так как, по мнению редакции, оказывали непосредственное влияние на положение женщины.

Открывшийся в 1907 г. общественно-политический журнал «Союз женщин» намеревался способствовать достижению равноправия женщин, предоставлению

избирательных прав женскому населению. Первоначально, согласно объявленной программе, издание разрабатывало вопросы феминистского движения, публиковало хронику женского движения. Однако усиление политической и социально-экономической конфронтации в обществе отразилось на деятельности «Союза женщин»: в его редакции обозначились разногласия идеологического характера, из-за чего часть статей не была допущена к печати, затем коллектив издания принял решение отказаться от разработки теории феминистского движения: «...все это содействовало тому, что журнал в скором времени отказался почти совершенно от агитационной роли» (Несколько слов о задачах журнала // Союз женщин. 1909. № 1. С. 1), и вскоре он был закрыт.

Женские массовые литературно-общественные журналы и издания мод стали размещать на своих страницах хронику женского движения, следили за деятельностью женских организаций (в большей степени это относилось к литературно-общественной периодике). Но, несмотря на внешнее одобрение работы феминисток, направленной на получение женщинами гражданских прав и свобод, авторы массовых женских изданий не поддерживали полностью феминистских концепций, например, «Журнал для хозяек» охарактеризовал отношение редакции к феминизму следующим образом: «Вполне признавая высокие задачи феминизма, как борьбы женщины за свои права и самобытное существование, журнал стоит, однако, на той точке зрения, что умелое руководство женщины как матери, жены и хозяйки есть дело не менее важное, имеющее огромное общественное значение, от которого в большей мере зависит наше благосостояние» (Журнал для хозяек. 1913. № 1. С. 1). Журналы мод также поддерживали традиционные роли женщины. Информирова о достижениях феминисток, авторы модной прессы допускали критику в их адрес. Например, журнал «Модный курьер» опубликовал отчет об одной из акций Русского женского взаимно-благотворительного общества в период Первой мировой войны, в котором сообщалось следующее: «12 января Русское женское взаимно-благотворительное общество устроило в зале Петровского училища публичное собрание на тему «Война и женщина». Послушать доклады на эту благодарную тему явилось много публики – зал был полон. Ожидания публики, однако, не оправдались. Два докладчика не явились: а из делавших доклады об одном лучше не говорить; а другой больше сказал о себе, чем о женщине» (Война и женщина // Модный курьер. 1915. № 11/12. С. 102–104).

Во-вторых, на тематику женских периодических изданий оказали влияние развитие женского образования и интеграция женщин в профессиональную среду. Изменение форм деятельности женского населения было поддержано женской прессой. Издание «Женщина» выпускало тематический номер «Женщина-гражданка», в программу «Женского дела» были включены материалы о положении женщины (общественная жизнь, наука, трудовая деятельность, образование). «Журнал для женщин» разделил тематику издания на две группы, ко второй группе были отнесены публикации о правах женщин, хроника женской жизни. И если литературно-общественная периодика социальные, профессиональные, образовательные трансформации жизни женщин отображала в информационных заметках, информационной хронике, обзорах, статьях, письмах, то модные издания

ограничивались публикацией новостной хроники: «Говорят, что вопрос о женщинах-врачах решен в утвердительном смысле, но практика их будет ограничена лечение только женщин и детей» (Модный свет. Приложение. 1915. № 10. С. 109), «Первая женщина приват-доцент петроградского университета, магистр по кафедре русской истории г-жа Мария Островская известила студентов историко-филологических факультетов, что в будущем учебном году она будет читать им лекции на тему “Московская правительственная среда во второй половине XVII века”», «22 и 23 мая на высших женских курсах состоялась защита слушательницами дипломных проектов по электротехническому и инженерно-строительному факультету» (Вестник моды. 1915. № 25–26. С. 260).

Изменение характера деятельности современниц не всегда положительно оценивалось прессой – менялся традиционный уклад жизни женщины, ее интересы больше не ограничивались сферой дома и семьи, она отказывалась от привычных для нее занятий, что вызывало нарекания со стороны периодики. Например, «Вестник моды» писал следующее: «В чем можно упрекнуть молоденьких девушек XX века? В том, что они совсем не интересуются домашним хозяйством... И это нелестное мнение о хозяйственных талантах наших дочерей происходит, без сомнения, оттого, что жизнь их проходит больше вне дома и семьи, не то, что прежде, когда выходить из дома каждый день считалось для барышни даже не совсем «приличным». ...программа научных занятий для девушек стала настолько обширной, что теперь почти не остается свободного времени для таких тонких и кропотливых работ, над коими терпеливо трудились наши бабушки» (Сделаем из наших дочерей хороших хозяек // Вестник моды. 1915. № 29–30. С. 266).

В-четвертых, значительные изменения в женских изданиях происходили под влиянием общественно-политических событий. С началом Первой мировой войны в женских журналах наблюдались структурные преобразования: появились разделы, рубрики, посвященные хронике военных действий. Редакция издания «Журнал для хозяек и женская жизнь» начала выпуск журнала под названием «Женская жизнь», при этом «Журнал для хозяек» продолжил свою работу, в нем был сохранен отдел «Женская жизнь». Новый журнал был посвящен военным событиям и особенностям жизни женского населения в военный период. Издатели намеревались открыть ежедневную женскую газету, однако в связи с началом военных действий они отказались от реализации данного проекта (От редакции // Женская жизнь. 1914. № 1. С. 1).

Модная пресса также информировала в военных событиях, публиковала военную хронику, сообщала о военных подвигах женщин. Так как у редакций модных женских журналов были свои зарубежные представительства, то издания практиковали размещение информации об участии в военных действиях женщин других стран, например, разместив на страницах «Модного курьера» фотографии Первого отряда английских сестер милосердия, авторы писали: «Мы не имеем возможности давать рисунки, изображающие наших сестер милосердия на театре войны. Мы знаем о них одно, по единогласному свидетельству очевидцев, что это – героини» (Модный курьер. 1915. № 11/12. С. 102).

Издания способствовали формированию патриотических настроений аудитории, инициировали благотворительные акции. Тема войны стала характерной не только для журналистских, публицистических материалов, но и для литературно-художественных.

Первая мировая война изменила отношение аудитории к моде и повлияла на модные тенденции. Публикация модной хроники, описание модных фасонов одежды – одно из главных тематических направлений массовой женской периодики. Однако уже в первые дни войны авторы изданий начали размышлять об этичности материалов о моде. «Вряд ли кому из наших читательниц придет в голову заботиться о модах, туалетах теперь... Да и при всем желании мы не смогли бы сказать ничего нового из области мод, так как доставка из Франции необходимого товара приостановлена», – писал журнал «Женское дело» (Вместо моды // Женское дело. 1914. № 15. С. 25). Журналы не смогли отказаться от публикации модных обзоров и отчетов, но в связи с военными событиями данные материалы могли выходить нерегулярно, а некоторым изданиям, специализировавшимся на описании развития модной индустрии, пришлось изменить периодичность выхода. Например, еженедельный «Модный курьер» был вынужден сообщить читателям о новом графике выпуска номеров издания: «Вследствие медленного сообщения с Парижем (2 недели), откуда мы получаем весь модный материал, журналы «Вестник моды» и «Модный курьер» – до окончания войны будут выходить два раза в месяц (Модный курьер 1915 № 1–2. С. 1).

Журналы констатировали изменения модных тенденций, вызванные условиями военного времени: «Историческая эпоха, нами переживаемая, отразилась, как и следовало ожидать, и на такой важной для нас области, как мода. Самым модным цветом является хаки. Темный и темно-синий также являются “военными” оттенками» (Парижская мода. Письмо нашей специальной корреспондентки // Модный свет. 1915 № 1. С. 5), «Итак, революция в области моды совершилась, и широкая юбка восторжествовала!» (Письмо из Парижа. Весенняя мода 1915 г. // Модный свет. 1915. № 6. С. 5.), «Граурные вуали», «Граурные шляпы» и др. (Модный свет. 1915).

Революционные изменения в стране были отмечены большей частью женских изданий: «Россия обновлена. Старый строй рухнул» (Гражданки свободной России // Женское дело. 1917. № 6–7. С. 1), «Мы можем и должны гордиться той удивительной красотой революции, той высокой ее культурностью, которыми ознаменовались эти святые дни» (Свободные формы жизни // Журнал для женщин. 1917. № 6. С. 8), «Свершившийся государственный переворот сделал Россию свободной страной. Отныне каждый гражданин может пользоваться своими духовными и физическими силами для личного блага и блага своей родины. Отныне и вы, русские женщины, можете пользоваться всеми вашими силами для борьбы за ваши права» (Вестник моды. 1917. № 7 (1 марта). С. 1).

Довольно скоро восторженные отклики сменились призывами к регулированию политической и социально-экономической ситуации: «Не надо больше борьбы классов, партий. Довольно пролито барской крови, довольно ужасов» (Галицкая Е. Они и мы (мысли вслух) // Журнал для женщин. № 18. С. 7). Издания акцентировали

внимание на ухудшении экономических условий жизни населения: «Жизнь полная лишений, которую мы ведем, будет ли лучше после окончания войны? Мы обносились, наголодались, настрадались – кончится ли это все с заключением мира?» (Н.А. Жизнь после войны // Вестник моды. 1918. № 2–3. С. 21).

Анализ содержания изданий показывает, что редакции женских журналов ориентировались на экономические возможности аудитории. И если в 1914 г. «Модный свет» писал, что он обращается к «русской семье со средним достатком» (1914. № 11), то уже в 1915 г. его публикации были рассчитаны на семьи с более низким уровнем достатка: «Маринование фруктов» (№ 35–36), «Домашние передники» (№ 37), «Щи кислые из свежей капусты» (№ 39–40). Издания писали о дороговизне и дефиците продуктов, бытовых товаров, давали рекомендации по приготовлению дешевых блюд, пошиву одежды из старых вещей.

ВЫВОДЫ

Таким образом, можно заключить, что в начале XX в. женская пресса являла собой многочисленный тип изданий, характеристики которого выстраивались в соответствии с изменениями политической и социально-экономической среды. Одним из главных типологических критериев, оказывавших воздействие на типологическую модель издания, была аудитория. Ее социальные интересы, типы гендерной и социальной идентичности определяли цели и задачи журналов, их типологическую структуру, тематику. Организация и выпуск женской периодики обеспечивались по инициативе издателей (частных лиц, представителей партий, движений), формирующих типологическую и тематическую концепции изданий в соответствии с информационно-коммуникативными возможностями прессы, закрепившимися в рассматриваемый период. Вследствие чего женская периодика эффективно реализовывала ряд функций: образовательную, просветительскую, рекламную, имиджевую, функцию социализации (массовая женская периодика), агитационно-пропагандистскую (политическая женская пресса).

Популяризация практики чтения периодической печати, трансформация образа жизни женского населения привели к тому, что женский журнал превратился в средство массовой коммуникации, обеспечивающее информационную компетентность аудитории, формирование ее интересов и потребностей, образа и стиля жизни.

Список литературы

1. Пленкина Е.А. Элитарный женский журнал: типологические и профильные особенности. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / Е.А. Пленкина. – МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2004. – 20 с.
2. Черменская С.М. Зарубежные женские глянцевики журналы в информационном пространстве России: трансформация коммуникативных моделей в условиях глобализации. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.10 / С.М. Черменская. – МГУ имени М.В. Ломоносова. – М., 2006. – 20 с.
3. Шилина А.Г. Русскоязычный женский журнал Украины в аспекте теории текста (синергетический анализ): монография / А.Г. Шилина. – Симферополь: Антиква, 2012. – 280 с.

4. Свитиц Л.Г. Женская пресса в динамике / Л.Г. Свитиц // Гендер и СМИ – 2012. – М.: Изд-во МГУ, 2013. – С. 101–137.
5. Гудова М.Ю., Ракипова И.Д. Женские глянцево-журналы: хронотоп воображаемой повседневности / М.Ю. Гудова, И.Д. Ракипова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2010. – 242 с.
6. Симонова О.А. Массовая беллетристика в структуре женских журналов 1910-х годов. Автореф. дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01 / О.А. Симонова. – Институт мировой литературы им. А.М. Горького РАН. – М., 2008. – 23 с.
7. Минаева О.Д. Журнал «Крестьянка» в 1920 гг.: приемы формирования читательской аудитории / О.Д. Минаева // Вестник Московского университета. Сер. 10: Журналистика. – 2014. – № 6. – С. 128–149.
8. Нестерова В.Л. Культурный мир российской женщины XIX – начала XX вв. на материалах отечественных женских журналов. Дис. ... канд. ист. наук. 07.00.02 / В.Л. Нестерова. – Северо-Кавказский федеральный университет. – Ставрополь, 2014. – 193 с.
9. Подворко Н.В., Исаева В.Н. Историко-типологическое изучение женской прессы / Н.В. Подворко, В.Н. Исаева // Труды Ростовского государственного университета. – 2015. – № 1. – С. 130–134.
10. Махонина С.Я. История русской журналистики начала XX века / С.Я. Махонина. – М.: Флинта, 2004. – 368 с. [Электронный ресурс] URL: http://modernlib.ru/books/svetlana_yakovlevna_mahonina/istoriya_russkoy_zhurnalistiki_na_chala_xx_veka/read/.
11. Занчевский А.И. Сотрудничество Д.И. Писарева в журнале «Рассвет» / А.И. Занчевский // Труды Одесского государственного университета. – Т. 152. Серия: Филологические науки. – 1962. – С. 124–135.
12. Клеветский М. Журнал «Женский вестник» / М. Клеветский // Русская журналистика. Шестидесятые годы. – М., Л.: Академия, 1930. – С. 107–129.
13. Рейфман П.С. Журнал «Женский вестник» / П.С. Рейфман // Уч. зап. Тартус. гос. ун-та. XVIII. Литературоведение. Вып. 266. – 1971. – С. 71–123.
14. Пухов В.В. П.И. Шаликов и русские писатели его времени / В.В. Пухов // Русская литература. – 1973. – № 2. – С. 160–161.
15. Чичинадзе Р. Жизнь и журналистско-литературная деятельность Петра Ивановича Шаликова / Р. Чичинадзе. Автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тбилисский государственный университет. – Тбилиси, 1971. – 26 с.
16. Шкондин М.В. Система средств массовой информации как фактор общественного диалога / М.В. Шкондин. – М.: Пульс, 2002. – 120 с.
17. Бочаров А.Г. Основные принципы типологии современных советских журналов / А.Г. Бочаров // Вест. Моск. ун-та. Сер. 10. Журналистика. – 1973. – № 3. – С. 25–38.
18. Корнилов Е.А. Журналистика на рубеже тысячелетий / Е.А. Корнилов. – Ростов-на-Дону: Донской издательский дом, 1999. – 224 с.
19. Система средств массовой информации России: учебное пособие / под ред. Я.Н. Засурского. – М.: Аспект Пресс, 2001. – 243 с. [Электронный ресурс] URL: <http://evartist.narod.ru/text/61.htm>.
20. Шкондин М.В. Системные характеристики СМИ / М.В. Шкондин // Средства массовой информации России. – М.: Аспект Пресс, 2005. С. 170–205.
21. Головин Ю.А. Журнальная периодика: типологические характеристики / Ю.А. Головин // Вопросы теории и практики журналистики. – 2012. – № 2. – С. 72–82.
22. Кононова Т.Л. Читательская аудитория и чтение в российской провинции во второй половине XIX – начале XX в. (по материалам Центрального Черноземья) / Т.Л. Кононова // Теория и практика общественного развития. – 2014. – № 2. – С. 265–269

23. Гудова М.Ю. Чтение в эпоху постграмотности: культурологический анализ. Дис. ... доктора культурологии: 24.00.01. Уральский федеральный университет имени Б.Н. Ельцина / М.Ю. Гудова. – Екатеринбург, 2015. – 328 с.
24. Семенов М.Ю., Меньшикова Е.Н. Женщина нового типа в культурно-развлекательной жизни русского провинциального города конца XIX – начала XX в. (на примере театральной жизни) / М.Ю. Семенов, Е.Н. Меньшикова // Женщина в российском обществе. – 2014. – № 2 (71). – С. 29–35.
25. Белова А.В. Женская дворянская повседневность в контексте гендерно чувствительной социальной истории / А.В. Белова // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: История России. – 2007. – № 2 (8). – С. 5–14.
26. Калинина Н.Ю. О воспроизводстве журнальной моды жителями Сибири на примере зимней Никольской ярмарки в конце XIX – начале XX века / Н.Ю. Калинина // Вестник Омского университета. 2014. № 4 (74). С. 112–117.
27. Гончаров Ю.М. Одежда горожанок Сибири во второй половине XIX – начале XX вв. / Ю.М. Гончаров // Вестник Нижневартговского государственного университета. – 2010. – № 4. – С. 48–57. [Электронный ресурс]. URL: http://vestnik.nggu.ru/pdf/2010/4/Vestnik_NVGU_2010-4-8.pdf.

TRANSFORMATION OF THE WOMEN'S PRESS IN THE BEGINNING OF XX CENTURY

Smyukha V.

The article is devoted to the study of women's magazines published in the early XX century, the transformation of society in the period identified active segment of women's periodicals and the degree of its influence on the female audience. Using the historical-typological and descriptive research methods, the author reveals typological, thematic and functional features of the women's press, reveals the range of possibilities of this type of periodicals, defined by requirements of development of the social environment. At the conclusion of the author, the women's press has provided an effective means of mass communication, allowing to take into account the characteristics of the reader groups, promotes their interests and inclusion in a transforming society.

Keywords: women's press, women's magazine, the beginning of XX century, typology, functions, trends.

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

УДК 821.161.2-3.09

КРИМСЬКОТАТАРСЬКИЙ СВІТ У ХУДОЖНЬОМУ НАРИСІ МИХАЙЛА КОЦЮБИНСЬКОГО «В ПУТАХ ШАЙТАНА»

Аблаєва У. Т.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
E-mail: uriewka248@gmail.com*

У статті розглядаються особливості репрезентації кримськотатарського світу в нарисі М. Коцюбинського «В путях шайтана». Письменник приїхав до Криму для роботи інспектором філоксерного комітету на виноградниках Південного берега, де зацікавився життям і побутом кримських татар. Кримськотатарські мотиви розкриті у творі за допомогою великої кількості лексичних засобів, семантичні компоненти яких актуалізують ознаки авторського ставлення до зображуваного світу. У статті зазначається, що принципи зображення кримськотатарського світу залежать від індивідуального, суб'єктивного досвіду, особистих поглядів письменника, його світосприйняття та світобачення. У творчості М. Коцюбинського важливу роль займала духовна сфера представників «інонаціональних» або «чужих» («інших») культур, які стали головними героями його творів. Підкреслюється, що гострою конфліктністю в оповіданні позначені стосунки між прихильниками патріархальних звичаїв, традицій та представниками нових європейських віянь: хаджі Бекіром Меметом-оглу, софтою та провідником Септаром. Звертається також увага на порушене письменником питання становища східної жінки в тогочасному суспільстві.

Ключові слова: Михайло Коцюбинський, художній нарис, картина світу, кримськотатарські мотиви, інонаціональність.

ВСТУП

Перше знайомство Михайла Коцюбинського з Кримом відбулося навесні 1895 року. У зв'язку з переслідуванням поліцією М. Коцюбинський погодився на посаду інспектора філоксерного комітету та приїхав до Криму для роботи на виноградниках Південного берега. Тут, в околицях Сімеїза, письменник уперше познайомився з кримською природою. У 1896 році Михайло Михайлович був переведений в Алуштинську долину для боротьби з філоксерою, звідки він переїхав у Куру-Узень, нині Сонячногірське.

Своєрідний образ Криму в житті і творчості Коцюбинського досліджували Н. Калениченко [2], П. Колесник [3], М. Костенко [4], З. Коцюбинська-Єфименко [5], Я. Поліщук [6] та ін. За свідченням дослідників творчості письменника, «сонцепоклонник» уважно вивчав особливості кримського життя. «Зручним місцем для цього була кав'ярня його квартирного господаря Фадікова – місце зібрань усього чоловічого населення селища. У татарській кав'ярні зазвичай обговорювали життєві події і конфлікти, а в процесі суперечок ставали зрозумілими індивідуальні риси характерів, вимальовувалася специфіка моралі й особливості мови тих людей, які згодом стали прототипами персонажів новел Коцюбинського» [7, с. 265]. Незважаючи на зайнятість, завантаженість роботою в Криму, письменник увібрив у себе своєрідність побуту, традицій і звичаїв кримськотатарського народу, що знайшло відображення в його творах, написаних вже вдома.

Дослідник кримських мотивів творчості М. Коцюбинського В. Гуменюк відзначає «екзотичність» творів кримського циклу, яка пов'язана, зокрема, з «етнографічно яскраво й водночас поетично одухотворено й психологічно проникливо окресленим буттям «татарського царства» (власне визначення Коцюбинського), невіддільна від плідних модерних шукань і здобутків письменника» [1, с. 61].

Метою статті є з'ясування особливостей репрезентації кримськотатарських мотивів у художній картині світу М. Коцюбинського (на матеріалі нарису «В путях шайтана»). Важливу роль у творчості М. Коцюбинського займає духовна сфера «інонаціональних» або «чужих» («інших») культур, представники яких ставали головними героями творів письменника, зокрема й приналежних до кримського циклу. Як слушно підкреслюють дослідники, письменник протягом усього життя намагався вирішити національні та соціальні проблеми, поринаючи у внутрішній світ своїх головних – інонаціональних – героїв [7, с. 266]. У числі творів інонаціональної, власне кримськотатарської, тематики – оповідання «В путях шайтана» (1899), яке продовжує тему, порушену в російській літературі А. Чеховим («Довгий язик») та О. Купріним («У Криму (Меджид)»). У центрі цих творів – характери людей, які приїхали до Криму в пошуках пригод. У кінці XIX – на початку XX століть молоді кримськотатарські провідники все частіше й тісніше за інших кримських татар спілкувалися з російською аристократією, нерідко ставали об'єктами пильної уваги столичних панянок, чим дуже пишалися. Крім цього, провідники – кримські татари також непогано заробляли: «бариня его любил... денга давал» [1, с. 70].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Твір М. Коцюбинського «В путях шайтана» має авторське жанрове означення «нарис», де художньої осягаються соціальні мотиви, які повсякчас цікавили й хвилювали митця. У центрі оповідання – конфлікт між прихильниками патріархальних звичаїв, нерідко забобонів, та нових європейських віянь. Представниками усталених звичаїв та традицій є хаджі Бекір Мемет-оглу і софта – духовна особа, яка прибула зі Стамбула; їм в опозицію виступає провідник Септар. На фоні правовірних мусульман, багатих дівчат-«європейок» і провідника Септара, який має погану репутацію серед віруючих співвітчизників, автор зобразив образ сільської дівчини Емене. По буднях вона невтомно працює на плантаціях тютюну, винограду, городі або порається біля набілу. У день мусульманського свята душу її охоплює нудьга, туга, лінь, її гризе почуття самотності. Автор протягом усього твору підкреслює це: «<...>але в свято, от як тепер, коли буркотлива мати поснула, батько молиться, а робота чекає будня, дівчина не знає, що з собою чинити»; «Емене байдужно дивиться на знайомий краєвид: їй нудно»; «З лінивими рухами одаліски вона потягнулась, розпростувала гнучке молоде тіло, звелася і апатично обвела круг себе очима»; «Що їй робити, чим заповнити святну нуду?»; «Але й се видалось їй нудним»; «В самому повітрі розлита нуда, про нуду тихо дзюрчить струмок по камінчиках подвір'я, од нуди скаче на ланцюгу старий пес і, глухо побрязкуючи залізом, хрипливим голосом скаржитья небові» [1, с. 68–69].

Письменник реалістично зобразив протест дівчини проти вікових морально-побутових звичаїв. Вона заздрить приїжджим пані, «європейкам», їхній можливості гуляти без супроводу, вільно спілкуватися з чоловіками і демонструвати свою красу: «Алла-алла! – думає Емене. – Ти Справедливий, але чому невірним жінкам краще живеться на світі, ніж правовірним?..»; «Мов різнобарвні метелики, пурхають дівчата по зеленому моріжку, а хлопці підбігають до них, обіймають отак впоперек, стискають руки ... зазирають в очі і кружляють разом, як зірвані вітром квітки ... Співи, сміх, веселі поклики лунають по гаях, а в Емене росте серце и горять очі» [1, с.70]. Однак її протест не переходить в бунт: дівчина не відступає від вікових традицій народу, до якого належить, вона намагається протівитися путам шайтана: «Грішні думки путаються в голові у дівчині. А нині Байрам, а нині свято! Досадно дівчині, що до неї приступає шайтан та нашіптує неподобні думки і хвилює дівочу кров ... » [1, с. 70].

Загальна тональність описів природи, характер її «звучання», вибір епітетів не лише передають душевний стан Емене, а й умотивовують її інтерес до життя «гяурів», яке здається їй вільним, самостійним, таким, де жінки не ховають обличчя.

М. Коцюбинський окремо зупиняється на зовнішньому вигляді персонажа, хоча лише побіжно описує портрет дівчини, відзначаючи тільки струнку постать, руді свіжопофарбовані коси, підмальовані чорним брови і червоні, теж пофарбовані, нігті на руках і ногах. Детально описаний костюм Емене: «Емене <...> накинула на себе новий халат з дивними арабесками і підперезалася косинкою так, що яскраво розмальований кінець її закривав її фігуру, відповідно етикетові, ззаду нижче стану. Потому вона начепила на шию своє багатство – рясне намисто з золотих дукачів, а на голову накинула маленький фез, густо зашитий монетами. Легка чадра на плечі і червоні капці доповняли її туалету. Лишалось ще нарум'янити лица та звести докупи фарбою дуги брів» [1, с. 73–74]. При цьому читач відчуває деяку авторську іронію: «Коли вона була готова, то виглядала, як індійський божок, і була дуже задоволена з себе» [7, с. 74].

Права жінки – це питання, яке особливо гостро звучало на рубежі XIX – XX століть. Так само, як і в інших своїх творах кримськотатарської тематики, автор торкається питання становища східної жінки в суспільстві. Дівчата – кримські татарки не мали права залишати будинок без супроводу дорослих або чоловіків, не могли з'являтися на очах у чужих чоловіків, які приходили в будинок: «Враз при фіртці калатнув розбитий дзвоник. Емене здригнулась, мов зловлена на гарячому вчинку, і, забувши на капці, прожогом кинулась у сіни. Дзвоник прохрипів ще раз. То був знак, що надходить чужий мужчина» [1, с. 71]; «Вона дівчина – «киз», і не для неї се невідоме, повне чар море: вона ніколи не перепливе його, як ніколи не переступить похмурої яйли, що он там, за батьківською хатою, за селом, грізно здіймає догори кам'яні хребти, одділяючи Аллахів край од сторони невірних» [1, с. 68].

Авторське співчуття відчуваємо, читаючи опис життя дівчини Емене: «Вона бідна невільниця, замкнена в тісних межах свого подвір'я, в заграбованій, пильно стереженій від мужеського ока жіночій половині, – все ж таки мала очі і дивилась туди, вниз, на білі оселі серед розкішних гаїв, і не могла не бачити іншого, ніж їхне

татарське, життя, не могла не рівняти того життя з власним»; «Вона бачила, як та «невірна» жінка <...> заходила до мечету, мов до себе в хату, тоді як вона, правовірна дочка Аллаха, не сміє переступити й порога мечету, немов яке нечисте створіння...» [1, с. 71].

Образи кримських татар, однак, представлені з позицій етноцентризму – психологічної традиції сприймати й оцінювати інші культури й поведінку їхніх представників крізь призму своєї культури. Певний етноцентризм можна помітити у тлумаченні заповідей релігії головних героїв. Автор називає їх «синами», «дочками» Аллаха, у той час коли іслам категорично забороняє причисляти людей до дітей Божих. Цьому є підтвердження у священній книзі мусульман: «Аллах не родив і не був народжений» [8, с. 476]. М. Коцюбинський описував події крізь призму розуміння своєї релігії, де людей вважають дітьми Бога. «<...> заходила до мечету, мов до себе в хату, тоді як вона, правовірна дочка Аллаха, не сміє переступити й порога мечету, немов яке нечисте створіння...» [1, с. 71].

Етноцентризм помітний і у сцені спілкування Емене та її матері з російськими дівчатами: «Цілком осмілена, Емене просто накинулась на гостей: вона гладила їм руки, лице й волосся, зазірала в очі, плескала по плечах, тулила до себе, розглядала й обмацувала кожну дрібничку їх туалету» [1, с. 73]; «Стара татарка теж не одставала од дочки, і незабаром європейки опинились немов у неволі у диких; вони почали уже боятися коли не за цілість боків, то за одяжу» [1, с. 73].

Провідник Септар, який так хвилює душу Емене, – справжній зразок чоловічої краси і привабливості: «Серце в неї тьохнуло: вона пізнала Септара – красу кучуккойського парубоцтва, завзятого провідника, образ якого бідна дівчина довго носить у серці, хоч не сміє й очей звести на свій ідеал, як се й пристало порядній татарській киз» [1, с. 70]. Як відомо, портрет є способом авторської оцінки персонажа і дає широкі можливості для характеристики не тільки його зовнішності, але й внутрішнього світу. У зовнішності провідника відзначені: «міцне, здорове, як огірок, тіло, тісно затягнене в тонке сукно», «гладко голений, червоний й блискучий, як стиглий помідор, вид, що виглядав з-під круглої з золотим верхом шапочки».

На нашу думку, порівняння зовнішнього вигляду героя з овочами розкриває іронічне ставлення автора до цього персонажа. Використані під час опису портрета Септара епітети можуть також свідчити про упереджене ставлення автора до нього: «На його <...> виду малювалась зарозумілість з одтінком презирства до жіноти»; «Емене любила <...> його нахабним поглядом, який приймала за ознаку сміливості й лицарського духу»; «А він <...> зухвалим хижим поглядом оглядав жінку в синьому». Схожу точку зору висловлюють і дослідники творчості М. Коцюбинського. «Портретні штрихи автора-оповідача з елементами характеристики практично розкривають зухвалу та егоїстичну чоловічу суть молодого татарина» [7, с. 267]. Однак у фіналі твору Септар викликає певне авторське співчуття й розуміння, навіть симпатію. Він здатен рішуче й ефективно протистояти заклику софти – духовної персони, яка прибула зі Стамбула, покинути рідні місця, де «старі звичаї ламаються, пропала чесність, простота, щезає страх Божий... нечестиві

заразили гріховними болячками правовірних... розпуста... ракія, крадіжка навіть» [1, с. 76], та переїхати в Туреччину.

Граничне напруження конфлікту між хаджі Бекіром і Септаром відбувається у фіналі твору. Виявляється, що хаджі Бекір, який вважав молодого провідника гяуром, глибоко в душі задрить провідникові, з чим пов'язане й негативне ставлення до нього: «Ей, старий, я знаю, тебе задрощі хапають на мої зарібки, яких ти через власну запеклість не маєш...» Ах, се була правда, глибоко, старанно затаєна правда – і хаджі не витримав. Забуваючи на свою повагу й гідність хаджі, він схопився з місця і все своє обурення виплюнув в лице Септарові» [1, с. 78].

Оповідний плин прози М. Коцюбинського містить інформацію про кримськотатарський народ у контексті етнологічного екскурсу: описи зовнішнього вигляду кримських татар, їхнього побуту, звичаїв, особливостей виховання, національної кухні. Текстова тканина твору ніби «прошита» словами й висловами кримськотатарською мовою, що розкривають екзотичність та інонаціональність сюжету. В оповіданні вони представлені також авторським перекладом у виносках: киз 'дівчина', кепек 'собака', ямурта 'яйця', чишме 'фонтан', імбрик 'казанок', кель мунда 'іди сюда' тощо. Однак кримськотатарські слова, які використовує письменник, не завжди відповідають літературним нормам. Це пов'язано, мабуть, з тим, що він сприймав їх на слух. Так, слово «собака» кримськотатарською мовою звучить як копек, слово «яйця» – йымырта, «казанок» – йыбрькъ та ін. Втім, це можуть бути й діалектні форми, притаманні жителем тієї місцини, мешканці якої діють у творі. Слова, які називають загальнотюркські та ісламські реалії, виконують аналогічну функцію: хаджи 'людина, яка здійснила паломництво в Мекку', гяур 'невірний', фез 'головне вбрання дівчини', муедзін 'служитель мечеті, який закликає мусульман до молитви' та ін.

Кримськотатарська картина світу експлікована також власними іменами різного типу, насамперед антропонімами (особистими іменами людей): Емене, Бекір, Септар, Фатьма, Мустафа, Мемет та інші.

ВИСНОВКИ

Своєрідний художній орієнталізм М. Коцюбинського характеризується документальністю, емпіричною достовірністю, мозаїчністю образних екзотичних деталей, в яких зображені справжні факти та події з життя кримських татар. Особливості зображення кримськотатарського світу в прозі М. Коцюбинського визначені позицією автора, його ставленням до відтворюваної дійсності та героїв творів. Кримськотатарські мотиви сформовані у художній картині світу письменника під впливом його особистого знайомства з кримськими татарами. Для характеристики кримськотатарського світу письменник використовує національно марковані одиниці мови, які входять в окремі фрагменти тексту, що посилює його емоційну виразність.

Список літератури

1. Гуменюк В. І. Кримські мотиви у новій українській літературі (кінець XIX – початок XX ст.) / В.І. Гуменюк. – Сімферополь: Таврія, 2007. – 320 с.
2. Калениченко Н. Великий сонцеклонник: життя і творчість Михайла Коцюбинського / Н. Калениченко. – К.: Дніпро, 1967. – 251 с.
3. Колесник П. Коцюбинський – художник слова / П. Колесник. – К.: Наук. думка, 1964. – 536 с.
4. Костенко М. Художня майстерність Михайла Коцюбинського / М. Костенко. – К.: Рад. школа, 1969. – 173 с.
5. Коцюбинская-Ефименко З. Крым в жизни и творчестве М. М. Коцюбинского / З. Коцюбинская-Ефименко. – Симферополь: Крымиздат, 1958. – 125 с.
6. Поліщук Я. І ката, і героя він любив... Михайло Коцюбинський. Літературний портрет / Я. Поліщук. – К.: Академія, 2010. – 304 с.
7. Останіна Г. Г. Любов по-татарськи: (за малою прозою М. Коцюбинського) / Г. Г. Останіна // Актуальні проблеми слов'янської філології. Серія: Лінгвістика і літературознавство. – 2013. – Вип. 27; ч. 3. – С. 265–272.
8. Священный Коран / Перевод смыслов Э. Кулиева. – Симферополь, 2013. – 480 с.

КРЫМСКОТАТАРСКИЙ МИР В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ОЧЕРКЕ МИХАИЛА КОЦЮБИНСКОГО «В ПУТАХ ШАЙТАНА»

Аблаева У. Т.

В статье рассматриваются особенности репрезентации крымскотатарского мира в очерке М. Коцюбинского «В путях шайтана». Писатель приехал в Крым для работы в должности инспектора филоксерного комитета на виноградниках Южного берега, где заинтересовался жизнью и бытом крымских татар. Крымскотатарские мотивы в произведении раскрыты посредством множества лексических средств, семантические компоненты которых актуализируют признаки авторского отношения к изображаемому миру. В статье отмечается, что принципы изображения крымскотатарского мира зависят от индивидуального, субъективного опыта, личностных установок писателя, его мировосприятия и мировидения. В творчестве М. Коцюбинского важную роль занимала духовная сфера представителей «инонациональных» или «чужих» («других») культур, ставших главными героями его произведений. Автор статьи конфликтом рассказа обозначает отношения между сторонниками патриархальных обычаев, традиций и представителями европейских ценностей: хаджи Бекиром Меметом-оглу, софтой и проводником Септаром. Обращается также внимание на затронутый писателем вопрос положения восточной женщины в обществе того времени.

Ключевые слова: художественный очерк, картина мира, крымскотатарские мотивы, инонациональность.

**THE WORLD OF CRIMEAN TATARS IN THE FICTION ESSAY BY MYKHAYLO
KOTSIUBYNSKY «IN THE CHAINS OF DEVIL»**

Ablayeva U.

The article under discussion is intended to examine the representation peculiarities of Crimean Tartar's world in M. Kotsiubynsky's essay «In the Chains of Devil». The writer became interested in Crimean Tatars' mode of life, when arrived to Crimea for working as the inspector of phylloxera's committee on the vineyards of the South bank.

Crimean Tartar's world is bound with lots of lexical means of representative, which semantic components reveal the author's attitude to portray the world and is dependent on author's knowledge of the world and his world-view.

The ecclesiastical world of representatives of stranger cultures, which are the main characters in M. Kotsiubynsky's works, occupies the important place in his creative work. The sharp conflict breaks out between adherents of patriarchal customs and tradition and representatives of new European ideas in the story. They are hajji Bekir Memet-ogly, seminarian and Septar. Also the question of eastern woman of that time position arises in the story.

Keywords: Mykhaylo Kotsiubynsky, story, essay, the world around, Crimean Tartar's world, strange culture.

УДК 821.161.2-3.09

ШЕВЧЕНКІВСЬКІ ТРАДИЦІЇ ХУДОЖНЬОГО ОСВОЄННЯ ФОЛЬКЛОРУ У ТВОРЧОСТІ ВАСИЛЯ ГОЛОБОРОДЬКА

Баклажова О. І.

*ДБОУ ВО «Кримський інженерно-педагогічний університет», Сімферополь
E-mail: baklagova@ukr.net*

У статті аналізується проблема співвідношення фольклору й писемної поетичної творчості, розглядається специфіка взаємодії фольклору й літератури в різні періоди її розвитку, насамперед на прикладі романтичної поезії Тараса Шевченка та модерної лірики яскравого представника Київської школи поетів Василя Голобородька. Взаємини фольклору і літератури в основному двоаспектні: фольклоризм літератури та літературність фольклору. Наявність фольклорного субстрату в літературному творі визначають як фольклоризм. Різновиди фольклоризму зумовлені складним характером зв'язку фольклору з літературою. Художнє освоєння фольклорних джерел, фольклорних образів та мотивів належить до сутнісних рис Шевченкової творчості. Притому шевченківський фольклоризм здебільшого далекий від зовнішньої стилізації, і навіть ті окремі поетичні зразки, де така стилізація більш-менш відчутно дається взнаки, позначені печаттю неповторної авторської самобутності. Подібний пієтет до фольклору, а водночас і цілком оригінальне відлуння його традицій, вияв з допомогою цих традицій власної творчої суб'єктивності глибоко притаманний модерній поезії Василя Голобородька. Творчий доробок Тараса Шевченка став важливим джерелом поетики сучасного автора. Під таким кутом зору розглянуто характерні вірші поета. Підкреслено, що його індивідуальна поетика різними своїми компонентами спрямована на зображення людського буття як певної історичної й культурної тяглості. В такому контексті фольклорні елементи набувають особливої значимості.

Ключові слова: Тарас Шевченко, Василь Голобородько, фольклоризм, художні традиції, творча індивідуальність, поетика.

ВСТУП

Багато вчених досліджували проблему співвідношення фольклору з іншими аспектами духовної культури. Адже фольклор тісно пов'язаний з зі світом міфів, сказань, а також і з писемною літературою. У різні часи фольклор взаємодіяв з літературою неоднаково, неоднорідно. Спершу зразки літератури, як зазначає Олександр Потебня, багато в чому нагадують настрій, думки, властиві народній поезії, а «в яскравих, відомих творах народної, тобто усної та безособової, поезії ми маємо бути налаштовані зустріти підготовку літературних явищ» [9, с. 13].

ОСНОВНА ЧАСТИНА

З погляду історичного розвитку та співіснування фольклору й літератури Д. Медріш вирізняє два типи фольклорно-літературних зв'язків: відкритий (контактний), коли близькі за функцією писемні та усні жанри протягом цілих епох співіснують і здійснюють один на одного помітний взаємний вплив, та закритий (паралельний), коли різні усні та писемні жанри утворюють у національній словесності єдину і вельми сталу протягом кількох століть жанрову систему за принципом доповнюваності [8, с. 10].

Взаємини фольклору та літератури в основному визначаються вченими як двоаспектні: фольклоризм літератури (тобто, коли фольклор потрапляє в

літературу) та літературність фольклору (коли літературний твір потрапляє у фольклор). Проте взаємодія фольклору з літературою може мати і складніший характер: наприклад, коли фольклорний елемент (сюжет, герой тощо) потрапляє в літературний твір, а літературний твір осмислюється народом і переходить знов у фольклор (так зване явище «бумерангу») [10].

Наявність фольклорного субстрату в літературному творі визначають як фольклоризм. Про фольклоризм, його дефініції, його різновиди тривають суперечки. Вони зумовлені складним характером зв'язку фольклору з літературою, неоднозначним розумінням дослідниками суті самої проблеми фольклоризму. Термін фольклоризм стосується не тільки літератури. Запропонував його французький фольклорист ХІХ ст. Поль Себійо для означення різноманітних занять і захоплень фольклором (у житті, мистецтві тощо). Фольклоризм визначають як наявність фольклорного субстрату в літературному творі. Так само, як інші впливи, він може бути випадковим, у вигляді прямого наслідування, а також – переплавленим у авторській свідомості. В більшості монографічних робіт фольклоризм трактується як не тільки пряме, але частіше і як опосередковане (літературною традицією чи творчим методом письменника) засвоєння фольклору в усій різноманітності форм його входження на всіх етапах творчості і на різних рівнях художньої структури твору. Література засвоює свої національні народнопоетичні надбання; фольклорні джерела сусіднього народу; опрацьовує інтернаціональні фольклорні сюжети та мотиви. Фольклор осмислюється митцями на різних рівнях та різними засобами. Virізняють такі основні етапи освоєння літературою фольклору: стилізацію, психологічну інтерпретацію фольклорних мотивів, переосмислення народної міфології [4, с. 531]. Трапляється, що фольклоризм – лише наслідування фольклорних зразків, стилізація чи механічне перенесення автором у власний твір фольклорного багатства, декорування чи орнаментация тексту народнопоетичною образністю. В такому випадку він є слабкою стороною літературної творчості [5, с. 32]. Особливої уваги заслуговують плідні форми фольклоризму, які здатні сягнути через сюжетне запозичення, введення в текст окремих фольклорних мотивів чи образів, символічне переосмислення фольклорних міфологічних першоелементів. Дослідники називають таких яскравих представників цього фольклоризму в українській культурі: Т. Шевченко, М. Лисенко, П. Тичина, О. Довженко та інші [5, с. 34].

В контексті розвитку української літератури простежується певна закономірність домінування в різні епохи того чи іншого типу фольклоризму. В період романтизму відбулося зближення фольклорної та літературної традицій, що виражалось у стилізації текстів під фольклорні зразки, запозиченні фольклорних сюжетів і символів. У ХХ ст. зростає інтерес до народнопоетичної символіки та міфології, домінує тенденція переосмислення фольклорного джерела на рівні символіки. У сучасній українській поезії, помітним представником якої є В. І. Голобородько, фольклоризм проявляється переважно через поетично трансформований міфологічний символ [4, с. 450].

Аналізуючи поезію Т. Г. Шевченка, можна простежити взаємодію творчості народної та індивідуальної. На етапі становлення нової української літератури геній

Кобзаря витворив своєрідну поетику, якій властиве органічне «проникнення» усної словесності у власні мистецькі зразки. Зацікавлення фольклоризмом творів Т. Г. Шевченка простежується у творчості в М. Костомарова, П. Куліша, І. Франка, згодом у В. Голобородька.

Саме творчість Т. Г. Шевченка стала неперевершеним зразком високого естетичного рівня фольклоризму художніх творів. Це «не просто вдосконалення народних взірців, це нова якість, генетична спорідненість структур поетичного мислення» [7, с. 256]. Саме творчий доробок Т. Г. Шевченка, як переконують науковці (І. Дзюба, М. Коцюбинська та ін.), став важливим джерелом естетики й поетики В. Голобородька. У фольклоризмі письменника ця близькість виявилась особливо рельєфно й переконливо. При цьому поет не ставить собі за мету спеціально звертатись до фольклорних засобів, це спосіб його мислення, який іде від інтуїтивного народного світогляду, визначаючи таким чином поетичне кредо автора. «У Голобородька ніби оживає світ прадавніх анімістичних уявлень про природу — світ далекого «наївного» предка або довірливої дитини, заселений дивними істотами, наповнений чарівними звуками, кольорами, пригодами; світ української народної, язичницької ще, демонології, казки, загадки, думи...» — підкреслює І. Дзюба [6, с. 126].

Зупинимось на деяких особливостях фольклоризму письменника, що виступають важливими структуротвірними компонентами його текстів і пов'язані з його авторською міфотворчістю. Відомо, що засадничою підставою фольклоризму В. Голобородька є його здатність осмислити непросте життя українського народу, побачити в ньому себе і своїх сучасників, передати відчуття і переживання. В ліриці митця пульсує шевченківська відповідальність перед народом, відчуття своїх гордощів за дорогу, пов'язану з «прадавніми шляхами». «Кожен народ відображає дійсність через мову і культуру, тому дійсність... відображена в українській мові, є унікальною» — писав В. Голобородько [3, с. 42]. У поезії «Ми йдемо» автор показав людей, які гордо йдуть своєю віковичною землею:

*Ми йдемо по Україні:
від степів до гір,
від лісів до морів —
звідусіль виходимо на прадавні шляхи,
і немає нам ліку [2, с. 832].*

Про плідний вплив на формування літературної мови давніх, зокрема й фольклорних, традицій йдеться у вірші «Наша мова». Символічні образи Пісні й Літопису тут цілком промовисті:

*Кожне слово
нашої мови
проспіване у Пісні
тож пісенними словами
з побратимами*

*у товаристві розмовляємо
кожне слово
нашої мови записане у Літописі
тож хай знають вороги
якими словами
на самоті мовчимо [2, с. 860].*

Відмовившись від розділових знаків, поет побудував строфи на анафорі та перенесенні. Ці стилістичні засоби забезпечують логічні наголоси майже на кожному слові (бо всі вони важливі), а також емоційні паузи. Поняття «нашої мови», «слова з Пісні», «слова з Літопису» стають пластичними образами. Однією з провідних рис народної пісні усіх жанрів є ліризм, в ній знайшли відображення душа народу, його ментальність, морально-етичний кодекс. Літописи ж фіксували історичні події, серед яких чимало героїчних, але немало й трагічних. І всі треба пам'ятати. Пісня і Літопис у Голобородька з великої літери, хоча сам вірш починається з малої. Це теж засіб увиразнення образів-понять, що засвідчує їх визначальну роль у художньому світі поета.

Помітив поет подібність квітки конвалії до крихітного дзвіночка і створив поезію «Дзвінки конвалії». Ліричний герой виходить на ріг вулиці, щоб роздати людям свої квіти, поділитися з ними красою, подарувати радість:

*Почеплю на нитку кілька росинок
І вийде конвалія дзвінка,
Стану на розі вулиці з пучечками в руках –
Продавати конвалії дзвінки... [2, с. 151].*

Вірить поет у те, що на Івана Купала розмовляють рослини. У поезії «Мова рослин» автор передав тиху розмову цілющого зілля:

Сон-трава каже:

*«Я — щоб дитині добре спалося».
Ранник каже:
«Я — щоб рани скоро гоїлися».
Розрив-трава каже:
«Я — відкриваю таємниці» [2, с. 591].*

Саме фольклоризми в такій взаємодії формують підтекст поезії. Подібний спосіб максимально широкої смислової перспективи засвідчує й побудований на трансформації знакових для українського фольклору образів ідіостиль В. Голобородька. Здатність фольклоризму в новітніх ідіостилях зберігати своє генетичне й семантичне начало і водночас виходити за його межі суто авторського світосприйняття зумовлює його піднесення до символічних обріїв. Яскравим підтвердженням такої індивідуально-авторської рецепції фольклорного образу є наведений нижче поетичний фрагмент:

*Засвідчуємо терени
свого існування піснями:
пісня лунає від обрїю до обрїю— тут ми живемо [2, с. 674].*

Характерною прикметою багатьох поезій В. Голобородька є те, що в них відбувається розвиток одного тематичного образу, який часто закладається в заголовок. Саме тому творчість В. Голобородька дивує нас своєю незвичайністю, дивовижністю. Поет нічого не нав'язує, не повчає. Він творить ліричні оповіді, які розкуто, вільно, органічно передають читачеві образні відчуття й міркування. Автор не спеціально використовує ідею фольклоризму у своїх творах, його творчість пронизана народним життям, фольклорними традиціями і побутом.

ВИСНОВКИ

Найкращий прояв фольклоризму – це сміливе творче «переплавлення митцем у своїй індивідуальній манері народнопісенних зразків з метою художньої реалізації ідей своєї доби і загальнолюдського звучання». Саме індивідуальна поетика Василя Голобородька різними своїми компонентами спрямована на те, щоб зобразити буття людини як певну історичну і культурну тяглість, вводячи фольклорні елементи у сучасний контекст. Сам поет осмислює це таким чином, що ставить сучасні події у контекст Вічності: «Ситуація, вихоплена з невпинного плину життя, набуває сенсу лише тоді, коли вона проектується на щось таке, що не підлягає часові, що існує поза часом і вище часу, – це фольклор, це історичні події, які є, які були, але не такі, що характеризують лише певний відтинок історичної лінії» [3, с. 15]. Поет розкриває неосяжність духовного потенціалу народу, одвічного прагнення до гармонії, і водночас трагізм світовідчуження ліричного героя, зумовлений складністю історичного буття. Усі компоненти Голобородькової поетики спрацьовують на донесення цього змісту.

Список літератури

1. Восточнославянский фольклор: словарь. научной и народной терминологии / редкол.: К. П. Кабашников (отв. ред.) и др. – Мн., 1993. – 478 с.
2. Голобородько В. І. Ми йдемо. Вибрані вірші. Вступна ст. М. М. Сулими. – К., Рівне: Планета-друк, 2005. – 1056 с.
3. Голобородько В. І. Посівальник / В. І. Голобородько. – Луганськ: Альма-матер, 2002. – 80 с.
4. Гром'як Р. Т. Літературознавчий словник-довідник / Р. Т. Гром'як, Ю. І. Ковалів та ін. – К.: ВЦ «Академія», 1997. – 752 с.
5. Дей О. І. На крилах народної пісні / О. І. Дей, М. К. Дмитренко. – К.: Знання, 1986. – 48 с. (Сер. 6: Література і мистецтво. – № 10).
6. Дзюба І. М. У дивосвіті рідної хати / І. М. Дзюба // Голобородько В. І. Летюче віконце / Василь Голобородько. - К.: Укр. письменник, 2005. – 444 с.
7. Коцюбинська М. Х. Мої обрїі: в 2 т. / М. Х. Коцюбинська. – К.: Дух і літера, 2004 – Т. 1. – 336 с.
8. Медриш Д. Н. Взаимодействие двух словесно-поэтических систем как междисциплинарная теоретическая проблема / Д. Н. Медриш // Русская литература и фольклорная традиция: сб. науч. трудов. – Волгоград, 1983. – С. 5–16.

9. Потебня А. А. Из записок по теории словесности / А. А. Потебня. – Харьков: Изд. М. В. Потебня, 1905. – С. 1–17.
10. Шутенко Ю. Фольклор / Юлія Шутенко // Ел. ресурс, режим доступу:
<http://nte.etnolog.org.ua/zmist/2004/N5/Art16.htm>

ШЕВЧЕНКОВСКИЕ ТРАДИЦИИ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ОСВОЕНИЯ ФОЛЬКЛОРА В ТВОРЧЕСТВЕ ВАСИЛЯ ГОЛОБОРОДЬКО

Баклажова А. И.

В статье анализируется проблема соотношения фольклора и письменного поэтического творчества, рассматривается специфика взаимодействия фольклора и литературы в разные периоды ее развития, прежде всего на примере романтической поэзии Тараса Шевченко и современной лирики яркого представителя современной Киевской школы поэтов Василя Голобородько. Взаимоотношения фольклора и литературы в основном двухаспектны: фольклоризм литературы и литературность фольклора. Присутствие фольклорного субстрата в литературном произведении определяется как фольклоризм. Разновидности фольклоризма обусловлены сложным характером связей фольклора с литературой. Художественное освоение фольклорных истоков, фольклорных образов и мотивов принадлежит к сущностным чертам творчества Шевченко. При этом шевченковский фольклоризм преимущественно далек от внешней стилизации, и даже те отдельные поэтические образцы, где такая стилизация весьма ощутима, обозначены печатью неповторимого авторского своеобразия. Подобный пиетет к фольклору, а в то же время и целиком оригинальный отзвук его традиций, проявление с помощью этих традиций собственной творческой субъективности глубоко присущи современной поэзии Василя Голобородько. Творческое наследие Тараса Шевченко стало важным источником поэтики современного автора. Под таким углом зрения рассмотрены характерные стихотворения поэта. Подчеркнуто, что его индивидуальная поэтика различными своими компонентами направлена на изображение человеческого бытия как определенной исторической и культурной перспективы. В таком контексте фольклорные элементы приобретают особую значимость.

Ключевые слова: Тарас Шевченко, Василь Голобородько, фольклор, художественные традиции, творческая индивидуальность, поэтика.

SHEVCHENKO'S TRADITIONS OF ARTISTIC RECEPTION OF FOLKLORE IN THE WORKS BY VASYL HOLOBOROD'KO

Baklazhova A. I.

The article analyzes the problem of the relationship of folklore and written poetry, considered the specificity of the interaction of folklore and literature in different periods of its development, particularly on the example of the romantic poetry by Taras Shevchenko and bright representative of modern Kyiv School of poets Vasyl Holoborod'ko. Relations between folklore and literature mainly two-pronged: folklorism of literature and literary folklore. The presence of the folklore of the substrate in a literary work is defined as folklorism. Varieties folklorism due to the complex nature of relations with the folklore literature. Artistic development of folk roots, folk images and motifs belong to the essential features of creativity Shevchenko. Here Shevchenko folklorism mostly far from exterior styling, and even those individual poetic samples where such styling is very evident, marked printing unique identity of the author. Such reverence for folklore, and at the same time the completely original echo of its traditions, the manifestation of these traditions using their own creative subjectivity deeply inherent modern poetry Vasyl Holoborod'ko. The creative legacy of Taras Shevchenko became an important source of contemporary poetics of the author. Under this point of view are considered characteristic of the poem of the poet. It was emphasized that his individual poetics of the different components of its focus on the human being as the image of a certain historical and cultural perspective. In this context, folklore elements are of particular importance.

Keywords: Taras Shevchenko, Vasyl Holoborod'ko, folklore, artistic traditions, creative individuality, poetics.

УДК 821.161.2-09

ЖІНОЧІ ПОСТАТІ В ЛІРИЦІ ЛЕСІ УКРАЇНКИ ТА ІРИНИ ЖИЛЕНКО

Голота С. С.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
E-mail: golota.lana@mail.ru*

У статті з'ясовуються особливості окреслення жіночих постатей у поетичних творах Лесі Українки та Ірини Жиленко. Подається типологія відповідних образів, яка дозволяє детальніше окреслити їхню специфіку. Питання самоствердження жінки-митця, подолання суспільних гендерних стереотипів, формування міцного характеру в першу чергу стають актуальними у жіночій літературі, розвиваються разом з жіночою літературною традицією. Леся Українка є зачинателем такої традиції в українській літературі, а Ірина Жиленко гідно продовжує її, робить спробу проінтерпретувати відповідну проблематику у контексті нової епохи.

У творчості Лесі Українки можна виділити такі типи жінок: жінка-гінь; жінка-принцеса; жінка-альтруїстка. Під відповідним кутом зору розглянуті жіночі постаті в поетичних творах авторки, зокрема в драмах «Одержима», «Лісова пісня», «Бояриня», «Камінний господар». У ліриці Ірина Жиленко виокремлюються такі жіночі типи як матір, господиня, естетка, поетеса. Про це зокрема свідчать вірші із поетичних збірок «Соло на сольфі», «Вікно у сад», «Дівчинка на кулі», «Євангеліє від ластівки».

У поетичних творах як Лесі Українки, так і І. Жиленко не можна знайти надто чіткої межі поміж виділеними типами жінок. Та все ж ці типи своєрідно означаються у вишуканій поетичній диференціації в художньому світі обох поетес.

Ключові слова: художній образ, лірична постать, жіноцтво, альтруїзм, Леся Українка, Ірина Жиленко.

ВСТУП

Гендерні студії останніх десятиліть дають змогу говорити про певну своєрідність художнього світу жінки, жіночої моделі образної системи. Ця своєрідність виразно дається взнаки у творчості письменниць, які плідно працюють в українській літературі. Яскравим прикладом тут можуть слугувати такі знакові постаті як Леся Українка та Ірина Жиленко. Питання самоствердження жінки-митця, подолання суспільних гендерних стереотипів, формування міцного характеру в першу чергу стають актуальними у жіночій літературі, розвиваються разом з жіночою літературною традицією. Леся Українка є зачинателем такої традиції в українській літературі, а Ірина Жиленко гідно продовжує її, робить спробу проінтерпретувати відповідну проблематику у контексті нової епохи. Загалом образи жінок, які постають у творчості Ірини Жиленко, ще мало досліджені. Окремі аспекти відповідної теми розглядали В. Агеєва, І. Дзюба А. Костикова, М. Коцюбинська О. Забужко.

Метою роботи є аналіз гендерних аспектів лірики Лесі Українки та Ірини Жиленко, осмислення самотньої типології жіночих постатей, з'ясування їх спільних та відмінних ознак, які розглядаються в контексті такого мистецького явища як фемінне (жіночне) письмо. Поставлена мета передбачає розв'язання таких завдань: окреслити літературознавчі контури таких понять як образ, образ жінки, жіноцтво; визначити типи жінок в поетичних творах Лесі Українки; визначити типи

жінок в ліриці Ірини Жиленко; проаналізувати сутність особистості жінки в поезії авторок та своєрідність їх художнього вираження.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

У творчості Лесі Українки можна виділити такі типи жінок: жінка-тінь; жінка-принцеса; жінка-альтруїстка. Леся Українка стає однією з перших на засадах зміщення акцентів щодо становища жінки в суспільстві. Вона наполягає на тому, що жінка вільна обирати свій шлях самостійно. Леся Українка поставила себе в один ряд з чоловіками-літераторами – це було першим її кроком на феміністичну сцену.

Семантика слова «тінь» нашоухує на думку, що така жінка є спокійним, беззахисним створінням, що непевно крокує за своїм чоловіком, дивлячись йому у спину, а без нього вона взагалі не має права на існування. За спиною свого чоловіка жінці нічого не видно – ні інших людей, ні світу взагалі. Для неї існує тільки її чоловік, якому вона віддає себе повністю, не маючи бажання на самостійне існування. У власному житті вона сама грає не головну роль, головну – її чоловік. Адже вона – чоловіча тінь, що існує тільки в позиції «після чоловіка». У творчості Лесі Українки жінка-тінь семантично відрізняється від визначення за словником. Героїня стає іншою, зберігаючи тільки одну рису від своєї первісної семантики – палке кохання до чоловіка. Такий тип жінки показує, що тінь – це ознака щасливого чоловіка, тінь – це захисниця його душі та життя, яка вкриє від ніг до голови від негараздів.

Образ жінки-тіні притаманний драматичній поемі «Одержима». У Гетсиманському саду, в моменти найбільшого страждання Месії та його молитви «про чашу», Міріам, відкинена Месією, говорить: «...я вкупі з ним страждаю, тут же, поруч, / та я німа, як мур оцей, не видна, / як сядь тінь, так, мов я не людина, / так, наче в мене і душі нема» [8, т. 3, с.143]. Так, Міріам була закохана в Месію і була готова заради нього на все. Але коли Месія вимагає від неї зречтись не лише ближніх, не лише земних благ, але зречтись себе, власної індивідуальності, що для Міріам неможливо, то вона виявляє себе сильною, відмовившись від цього. Героїня Лесі Українки не зрадила собі, лишивши право остаточного вибору за собою.

До типу жінки-тіні певною мірою належить і Мавка з драми-феєрії «Лісова пісня». Мавка відчула палке кохання до земного чоловіка – Лукаша, для якого вона готова стати і служницею, і рабинею. Так, Мавка стане тінню Лукаша, тільки б він ніколи не покинув і не зрадив її. За цими фактами, Мавка – слабка, не гідна стати на один рівень з чоловіком. Але є факти, які доводять протилежне: Мавка перша говорить Лукашеві про кохання, тим самим ламаючи закоренілу традицію, за якою першим обирати повинен чоловік; Мавка, як винятково сильна жінка, змогла пробачити Лукашеві зраду, після якої знаходить сили простягнути руку допомоги зраднику; Мавка знаходить у собі сили переродитися і народитися як Вічна Жінка.

Образ жінки-принцеси зустрічається зокрема в таких драмах Лесі Українки як «Камінний господар» і «Кассандра». Героїні мають не тільки високе походження, а й відповідні манери та характер, який не дозволить стати чоловічою тінню або принести себе в жертву заради кохання. Ім притаманні жадання незалежності, бажання підкорювати собі інших. Характер Анни з «Камінного господаря»

наповнений «високістю» натури. Анна – сильна, горда, незалежна, самостійна жінка, яка хоче досягти успіху, слави і влади, використовуючи усталені суспільні форми і структури, змушуючи інших служити її власним інтересам. Більше того, у стосунках з Дон Жуаном Анна бере на себе чоловічу роль. Прикметні в цьому сенсі слова Дон Жуана: «Анно! / Я досі вас не знав. Ви мов не жінка, / і чари ваші більші від жіночих! [8, т. 6, с. 161]. Особливість Кассандри – це насамперед шляхетна піднесеність її думок і слів. Вона володіє даром передбачувати майбутнє. Слово Кассандри має особливу вагу. Передбачення, слова і думки жінки-віщунки – «вищі», адже вони сягають набагато далі, ніж думки і слова людські, бо вони пов'язані не з теперішнім, а з майбутнім.

Третій тип – жінка-альтруїстка. Це жінка, ладна на самозречення, вона в умовах будь-якого соціального та психологічного стану дбає про добробут ближнього. Вона прагне подолати неповноту, вторинність жіночого існування в патріархальному суспільстві. Аби довести, що вона – повноправний цього суспільства, така жінка обирає шлях жертвування собою. Першим проявом альтруїзму Оксани з драматичної поеми «Бояриня» стає самопожертва власними інтересами, власною любов'ю до України заради кохання. Заради кохання до Степана Оксана поступається всім тим, до чого встигла прив'язатися і що полюбила. Оксана жертвує своїми моральними принципами, щоб Степан не потрапив у царську «немилість». Вона повинна давати себе цілувати боярам, що приходять до її чоловіка. Тільки заради того, щоб на Степана не впала ніяка підозра (наприклад з приводу того, що його дружина підтримує зв'язки з Дорошенком), прагнучи, аби ніщо не обернулося проти нього, Оксана погоджується на бездіяльність і мовчання. «Ця, на перший погляд, слабка жінка, що вмирає від туги за рідним краєм на чужині, – слушно підкреслює В. Агеєва, – має ще й стійкий, залізний характер. Вона знаходить у собі сили жертвувати найдорожчим, що в неї є, заради іншої людини» [1, с. 81]. Долорес – героїня поетичної драми «Камінний господар», змушує свою душу нести одвічне каяття за очищення душі її коханого – Дон Жуана. Долорес знаходить вихід у духовному саморозп'ятті, в спокутуванні чужих гріхів. Вона жертвує собою, щоб повернути Дон Жуанові не надто цінні для нього королівські привілеї. Ця дівчина жертвує собою не лише для того, щоб добути коханому королівське прощення (вона знає, що лицар волі не надто того потребує і не надто високо поцінує), але для того, щоб порятувати грішну душу Дон Жуана всупереч його власному бажанню. Долорес робить вибір за нього, вона силоміць нав'язує йому певні моральні норми й зобов'язання, які вона (а не він!) вважає достойними. У такій ситуації пасивним об'єктом виступає чоловік, а жінка, попри традицію, суб'єктом активної дії.

Своєрідно продовжує й розвиває феміністичні мотиви у своїй творчості видатна українська поетеса другої половини ХХ – початку ХХІ ст. Ірина Жиленко. У її ліриці можна виділити такі жіночі типи: матір, господиня, естетка, поетеса. І. Жиленко, не відходячи від слов'янського канону, глибоко розкриває відчуття материнства, щастя очікування появи на світ нової істоти, щастя, яке переполює жінку, коли дитина потребує захисту й догляду. З біологічної точки зору жінка, завдяки материнству і можливості його відчутти, має беззаперечну фізіологічну

перевагу. Образ жінки-матері в І. Жиленко співзвучний з прадавнім, міфологічно обарвленим образом Берегинею. Одна зі смислових домінант цих образів – не лише абсолютизація жіночих репродуктивних функцій, а й відчуття задоволення, насолоди від почуття материнства. Поетеса творить своєрідний неоміф про життя і призначення жінки, програмує наратив приватного життя, вона ідеалізує материнське почуття. Цю тезу яскраво підтверджують зокрема такі поетичні рядки: «Бо я не Іов. Прокляну за крихітну синову слізку...», «Дурепа, бабера – нехай! Я згодна – дурепа і квочка. Аби лиш синок посміхавсь. Аби не боліло синочку» [4, с.34]. Поетеса майстерно вплітає у віршований плин рядки колискових, як-от у циклі «Три колискових і зоря»: «Ой люлечки-люлі! Прилетіли гулі. Принесли в торбинці для сина гостинці» [4, с. 142].

У віршах І. Жиленко лірична героїня виражає любов до своїх дітей через еднання з ними. Для жіночої ідентичності загрозливим є відокремлення. Тому так пронизливо сумно звучать рядки Ірини Жиленко про дорослішання дітей:

*Де його із життя подіти –
день, коли виростають діти
із сандаликів і стрічок,
залишивши тебе, розкрити,
і беззахисну, мов стручок? [2, с. 64].*

Інша невід’ємна складова світу ліричної героїні поезії І. Жиленко – роль господині дому, опікунки родини і берегині домашнього вогнища. Поетеса спробувала показати парадокс життя домогосподарки. Життя домогосподарки не легке, вона більше за інших відчуває свою самотність. Їй притаманне відчуття будня, яке розчавлює, відчуття життя, що минає. Драматизм буття, як це не парадоксально, – в комфорті дому. Поетеса і родинні, і особисті, і суспільні стосунки між людьми розглядає шляхом відображення та осмислення подробиць щоденного побутового життя:

*Пані, ота, що знаменна не зростом, –
Сіно згрібала, зривала горох.
Потім білизну в струмку полоскала.
Потім полола петрушку й цибулю.
І озивалася словом ласкавим
До горобини, собаки, зозулі... [4, с. 142].*

Лірична героїня показана переважно в межах дому (локалізація – кухня, кімната), але в цьому просторі твориться макросвіт ілюзії, казки, який значно ширший за просту кімнату. Дім – це або квартира в місті, або будиночок у селі. Героїня віршів щиро мріє: «Прокинутися з повним домом щастя!» [2, с. 18]. Вона має лише один дім – там, де її родина, всі інші для неї чужі, і героїні нічого звідти не треба: «...за ту любов, яка і кат (бо напрокат, з чужого дому)» [2, с. 47].

Жінка у поезії Ірини Жиленко – особистість із творчим началом. У процесі самовизначення творча особистість весь час фіксує навколо себе межі й водночас сама виступає як своєрідна межа. За Юнгом, «кожна творча людина є подвійність чи синтез парадоксальних властивостей» [6, с. 84]. Творчій людині взагалі властивий «жіночий компонент», який зумовлює високу сприйнятливість, вразливість, чутливість.

Жіноча суб'єктивність Ірини Жиленко переживає провину (за свою «писанину»), адже жінці властиві співчуття, співпереживання, схильність до емоційної залученості. Ці особливості жіночої суб'єктивності роблять її вразливішою, здатною відчувати так звану «загальнолюдську» провину. «Так виникає жіноча «етика турботи», яка породжується «провиною за всіх», на противагу чоловічій «етиці справедливості» [5, с. 21].

Образ жінки-естетки особливим чином орієнтований щодо свого внутрішнього світу, така жінка створює навколо себе свій мікросвіт, де вона – головна. Ідеали комфортного буття жіночої суб'єктивності ліричної героїні: єдність з природою, оптимізм, панівне почуття любові у найрізноманітніших проявах, а звідси й прагнення опіки над кимось, можливість писати вірші:

*До півночі вона ще ждала.
Ні, не страждала, але так,
немонби гасла, прив'ядала,
з лиця спадала, опадала
рум'янями, як пізній мак [2, с. 47].*

Жінка-естетка цікавиться навколишнім світом, її хвилює філософське питання швидкоплинності людського життя:

*І сімдесят, і далі... І ще, і ще – і все!
Хтось тяжко заригає. Хтось квіти принесе.
По східцях, як по гамі, донизу – о печаль!
І плаче донька-мама і донька-онуча.
Червоні черепиці на пагорбах горять.
Мені ж ласкаво спиться... Кому там докорять?
Це так було красиво – збігать
по сходах вниз!
Горошок синій-синій, і повні очі сліз... [2, с. 47].*

Жінка-поетеса парадоксально і з мужнім розумінням дивиться в очі неминучому, героїня усвідомлює, що після неї ще будуть поети, треба давати шанс усім:

*Допишу я вірш, і тайкома
передам Останньому: скажи там,
хай ніхто вже черги не займа... [2, с. 204].*

Героїня віршів І. Жиленко переживає душею кожен свій вірш. Теми, яких вона торкається поетеса, «болять» у її серці: «Я вірші не пишу – я ними плачу» [3, с. 91], «І жінка з мирним іменем Ірина прокинеться і пригадає рими» [2, с. 79].

Феміністичні ідеї Лесі Українки знайшли своє відображення в її жіночих образах. Всі вони, незважаючи на слабкості, які в кожній з героїнь є індивідуальними та надають кожній з них особливої зворушливості й життєвості, все ж таки криють у собі відчутні феміністичні риси. Жінки Лесі Українки – натури сильні, і кожна з них по-своєму прагне подолати вторинність жіночого існування в патріархальному суспільстві. Кожен з типів жінок у творчості Лесі Українки має якості альтруїстки, кожна кохає і хоче бути коханою.

ВИСНОВКИ

І. Жиленко дає своє бачення жінки та її духовної природи. Таке бачення чітко не відповідає канонам і завданням дискурсів щодо сутності жіноцтва взагалі, але й не підкоряється патріархальному. Лірична героїня, приналежна до кожного з типів жінок, які фігурують у її поезії, усвідомлює велику відповідальність перед Богом за своїх рідних та близьких, за власне життя. Жінка-мати, жінка-господиня за всієї своєї художньої означеності також мають риси постатей, далеко не чужих сферам естетики, філософії, поетики. Поетеси змальовують жінку багатосторонньою, мудрою, обізнаною. Причиною таких спостережень є опора авторки на власний досвід як поетеси і як жінки. Лірична героїня її поезії значною мірою віддзеркалює традиційний український стереотип сильної і слабкої жінки одночасно, щоправда у модифікованому вигляді.

У поетичних творах як Лесі Українки, так і І. Жиленко не можна окреслити надто чіткої межі поміж виділеними типами жінок. Та все ж ці типи своєрідно означаються у вишуканій поетичній диференціації в художньому світі обох поетес.

Список літератури

1. Агеєва В. Поетеса злама століть. Творчість Лесі Українки в постмодерній інтерпретації: монографія / Віра Агеєва. – К.: Либідь, 2001. – 264 с.
2. Жиленко І. В. Соло на сольфі: поезії / І. В. Жиленко. – К.: Молодь, 1965. – 79 с.
3. Жиленко І. В. Вікно у сад / І. В. Жиленко. – К.: Молодь, 1978. – 346 с.
4. Жиленко І. В. Дівчинка на кулі / І. В. Жиленко. – К.: Молодь, 1987. – 104 с.
5. Жиленко І. Євангеліє від ластівки: вибр. твори / Ірина Жиленко. – К.: Пульсари, 2006. – 486 с.
6. Жулинський М. Та, що молиться Богові віршами / Микола Жулинський // Жиленко І. Євангеліє від ластівки: вибр. твори / Ірина Жиленко. – 2-е вид. – К.: Пульсари, 2006. – С. 4–30.
7. Коцюбинська М. Вікно у сад: «Вибране» Ірини Жиленко / Михайлина Коцюбинська // М. Коцюбинська Мої обрії: у 2 т. – Т. 1. – К., 2012. – С. 106–122.
8. Українка Леся. Зібр. творів: у 12 т. / Леся Українка. – К.: Наук. думка, 1975–1979.

ЖЕНСКИЕ СИЛУЭТЫ В ЛИРИКЕ ЛЕСИ УКРАИНКИ И ИРИНЫ ЖИЛЕНКО

Голота С. С.

В статье выделяются особенности определения женских фигур в поэтических произведениях Леси Украинки и Ирины Жиленко. Подается типология соответствующих образов, которая позволяет более детально определить их специфику. Вопрос самоутверждения женщины-художника, преодоления общественных гендерных стереотипов, формирование прочного характера в первую очередь становятся актуальными в женской литературе, развиваются вместе с женской литературной традицией. Леся Украинка является первооткрывателем такой традиции в украинской литературе, а Ирина Жиленко достойно продолжает ее, пытается проинтерпретировать соответствующую проблематику в контексте новой эпохи.

В творчестве Леси Украинки можно выделить следующие типы женщин: женщина-тень; женщина-принцесса; женщина-альтруистка. Под соответствующим углом зрения рассмотрены женские фигуры в поэтических произведениях автора, в частности в драмах «Одержимая», «Лесная песня», «Боярыня», «Каменный хозяин». В лирике Ирина Жиленко выделяются такие женские типы как мать, хозяйка, эстетка, поэтесса. Об этом в частности свидетельствуют стихи из поэтических сборников «Соло на флейте», «Окно в сад», «Девочка на шаре», «Евангелие от ласточки».

В поэтических произведениях как Леси Украинки, так и И. Жиленко нельзя найти слишком четкой границы между выделенными типами женщин. И все же эти типы своеобразно обозначаются в изысканной поэтической дифференциации в художественном мире обоих поэтесс.

Ключевые слова: художественный образ, лирическая фигура, женщины, альтруизм, Леся Украинка, Ирина Жиленко.

WOMAN PERSONAGES IN LYRICS BY LESSIA UKRAINKA AND IRINA ZHYLENKO

Holota S. S.

The article shows us the features of sketch female figures in the poetical works of Lesya Ukrainka and Iryna Zhylenko. Served a typology of relevant images, which allows more detail to determine their specificity. The question of self-assertion of a female artist, overcoming social gender stereotypes, the formation of strong character, in particular, become relevant in women's literature, develop together with women's literary tradition. Lesya Ukrainka is the first who used this traditions in the Ukrainian literature, and Iryna Zhylenko worthily continues her attempts to interpret the issues in the context of a new era. In the works of Lesya Ukrainka are the following types of women: woman is the shadow; the woman is a Princess; a woman altruda. The angle of view the female figure in the poetical works of the author, particularly in the drama "Possessed", "Forest song", "boyar", "Stone master". In the lyrics of Iryna Zhylenko are such types of women as mother, housewife, estetic, poet. This is particularly evidenced by verses from books of poetry "Solo self", "hot", "girl on the ball", "the gospel of swallows". In the poetical works of Lesya Ukrainka, I. Zhylenko, you cannot find too clear boundaries between the selected types of women. And yet these kind of types are indicated in a refined poetic differentiation in the art world of both poets.

Keywords: artistic image, lyrical figure, women, altruism, Lesya Ukrainka, Iryna Zhylenko.

УДК 398.838 (=512.145)

**МОРСЬКИЙ ПЕЙЗАЖ В ХУДОЖНІЙ СТРУКТУРІ КРИМСЬКОТАТАРСЬКОЇ
ФОЛЬКЛОРНОЇ ЛІРИКИ (НА ПРИКЛАДІ ПІСЕНЬ «КЪАРА ДЕНЪИЗ»
ТА «ДЕНЪИЗ ДАЛГЪАСЫЗ ОЛМАЗ»)**

Гуменюк О. М.

*ДБОУ ВО «Кримський інженерно-педагогічний університет», Сімферополь
E-mail: olvity@mail.ru*

У художній структурі кримськотатарської народної пісні важливу функцію виконують пейзажі, які не лише передають чарівність рідної землі, а постають засобом окреслення тонких душевних порухів чи бурхливих пристрастей суб'єктів та об'єктів ліричної оповіді. Тут зустрічаються здебільшого лаконічні, але не раз і розгорнуті описи степів, гір, ущелин, долин, садів, лісів, річок... Серед найбільш характерних – мариністичні образи й мотиви. У пісні «Къара денъиз» («Чорне море») образ безкрайого моря, здається, поданий лише як початковий штрих у двох рядках першого куплету, але заявлене цим штрихом відчуття невсипущої бентеги виразно проймає весь дальший пісенний плін, для якого характерна хвилююча мінливість тривоги і надій. У скріплених ефектними римами чітких дворядкових строфах пісні «Денъиз далгъасыз олмаз» («Моря без хвиль не буває») означаються невимушені поетичні паралелі поміж грайливістю моря й солодкою бентегою любовних почуттів.

Морський пейзаж в кримськотатарській фольклорній ліриці відіграє доволі суттєву роль. Він постає складником промовистого поетичного паралелізму, який сприяє проникливій, метафорично мальовничій передачі бентежних відчужень і переживань закоханого. Відзначена мальовничість, образна яскравість невіддільна від особливої музикальності поетичного тексту пісень, яка виявляється в їх вишуканій ритмічній та звуковій організації.

Ключові слова: фольклор кримських татар, пісенна лірика, пейзаж, мариністика, поезика.

ВСТУП

У художній структурі кримськотатарської народної пісні особливу роль відіграє пейзаж. В одних пісенних творах він постає лише в окремих образних штрихах, в інших подається доволі розлого, слугуючи поетичними паралелями відчужень і переживань ліричного героя. Народна лірична пісня, на що звертає увагу один з її дослідників Р. Музафаров, належить до найбільш вивчених сфер кримськотатарського фольклору [5; 6]. Про неї писали зокрема такі фольклористи як О. Олесницький [7], А. Кончевський [4], А. Рефатов [9], Я. Шерфедінов [8], М. Веліджанов [2], Ф. Алієв [1]. Однак роль пейзажу, зокрема й морського, в образній структурі кримськотатарської народної пісні ще не була предметом ґрунтовного наукового дослідження. Не вдалося належним чином висвітлити це питання і в моїй дисертаційній роботі, зокрема з огляду на доволі жорсткі вимоги щодо обсягу відповідних досліджень [3]. Певною мірою заповнити означену прогалину покликана пропонується публікація. Мета публікації – відзначити важливу роль мариністики в кримськотатарській пісенній ліриці та проаналізувати під відповідним кутом зору її характерні зразки.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Морський пейзаж фігурує в багатьох кримськотатарських народних піснях. У пісні «Къара денъиз» («Чорне море») [8, с. 120] образ безкрайого моря, здається, поданий лише як початковий штрих у двох рядках першого куплету, але заявлене цим штрихом відчуття неосяжних переживань, невсипущої бентеги виразно проймає весь дальший пісенний плін, для якого характерна хвилююча мінливість тривоги і надій:

*Къара денъиз джол берсе де, кадай,
Джалдамай кечмем, асабай, кадай.
Сен къартаймай, мен ольмий де, кадай,
Ич вазгечмем, асабай, кадай.*

*Къарагъа къара ярашмаз да, кадай,
Шерт болмаса, асабай, кадай.
Тевеккель джигит “ах” демез де, кадай,
Дерт болмаса, асабай, кадай.*

*Эки къолунъ бем-без да, кадай,
Джебингъе де сыймай, асабай, кадай.
Оледжекмен дертинъден де, кадай,
Кимселер дуймай, асабай, кадай*

*(Як Чорне море заступить шлях, мила,
Я далі попливу, рідна, мила.
Ти постарієш, а я помру, мила,
Аж доти з тобою не розлучусь, рідна, мила.*

*Чорне чорному не пасуватиме, мила,
Без облямівки, рідна, мила.
Марно не зітхатиме джигит, мила,
Як не буде журби, рідна, мила.*

*Свої руки білі-білісінькі, мила,
Не ховай, рідна, мила.
Помираю з туги за тобою, мила,
Та ніхто й не здогадується, рідна, мила).*

У цій дещо піднесеній і водночас лагідній пісні поетичні паралелі різко не означаються, а радше вгадуються. Це засвідчують і вже згадана ненав'язлива символіка бентежної морської широчіні, і такий доволі несподіваний, можна сказати, абстрактний образ двох чорнот, відсвічених облямівкою (тут можна углядіти певну паралель до тяжких переживань двох закоханих)... На тлі цієї подвійної чорноти особливої, сказати б, графічної виразності набувають білі-

білісінькі (бем-бєяз) руки коханої, на які все хочеться дивитись і дивитись (звідси заклик не ховати їх)...

Вельми своєрідне в цій пісні римування. Можна сказати, що рим як таких тут майже нема. Їхню роль виконує раз у раз повторюване наприкінці кожного рядка лагідне звертання до милої (кадай – сестрице), яке в кожному другому рядку посилюється звуково й смислово співзвучним йому словом «асабай» (рідна, близька). У першому куплеті до цих проникливих звертань, пройнятих доволі рясним завуальованим вигуком «ай», додаються внутрішньо-міжрядкові рими: Джалдамай – къартаймай. У другому куплеті останні зникають, а в третьому з'являються знову: сыймай – дуймай. Таке посилення прикінцевих тавтологічних співзвуч внутрішніми римами, які то зникають, то з'являються, при тім з'являються відчутніше, безпосередньо примикаючи до згаданих прикінцевих співзвуч (сыймай, асабай, кадай – дуймай, асабай, кадай), нагадує гру морських хвиль, які то вщухають, то все навальніше наростають. Усе це ефектно співвідноситься з передачею душевної бентеги ліричного героя.

Морський пейзаж, суголосний емоційній схвильованості закоханої душі, подається також у пісні «Денъиз далгъасыз олмаз» («Моря без хвиль не буває») [8, с. 113–114]. Тут у чітких дворядкових строфах, скріплених ефектними римами, означаються невимушені поетичні паралелі між грайливістю моря й солодкою бентегою любовних почуттів. Відтінювані особливою піднесеністю приспіву, який при тім не втрачає характерної тут грайливості, згадані поетичні паралелі окреслюють легкий ліричний сюжет. Тут оспівується кохання як найдорожчий життєвий скарб і виявляється настійне прагнення досягти порозуміння з милою:

*Денъиз далгъасыз олмаз,
Къызлар севдасыз олмаз...*

*Денъиз устюнде далгъа,
Сени денъишем малгъа...*

*Денъиз устю далгъалы,
Наслы сени алмалы...*

*Денъизде ялдар къайыкъ,
Сен гузель мангъа ляйыкъ...*

*(Моря без хвиль не буває,
Дівчат без любові не буває...*

*На поверхні моря хвилі,
Не проміняв би тебе на жодні скарби...*

*Море таке хвилясте,
Як же тебе до себе прихилити...*

*По морі човен пливе,
Ти, красо, саме для мене...)*

Поетичні паралелі тут, як говорилося, невимушені, різко не означені, що є одним із джерел грайливості пісні, легкості її плину. Однак ці паралелі мають не лише суто емоційне, але й семантичне обарвлення. Скажімо, хвилювання на морі може ускладнити досягнення мети для того, хто пливе по ньому, тож такий образ кореспондується з бажанням ліричного героя всупереч труднощам і тривогам зійтися з коханою, про що зокрема безпосередньо йдеться в третьому куплеті. Промовисті й інші паралелі. Човен і море загалом являють собою гармонійну картину, така ж гармонія уявляється закоханому стосовно його майбутнього поєднання з обраницею серця.

Як зазначалося, ліричний сюжет відтіняється й увиразнюється піднесеним приспівом, пойдяним світлою вірою в це поєднання:

*Ой, ой, яreme де машшалла,
Къавушырмыз ишшалла
(Ой, ой, кохана моя, така чарівна,
Господь, сподіваюсь, поєднає нас).*

Напрочуд багаті співзвуччя прикінцевих рим, підсилені внутрішнім звукописом (не раз повторюється розкішний «ш» та ще й огортається яскравим «а»), надають приспіву особливої урочистості. При тім ця урочистість не перекреслює провідної в пісні жвавості, грайливості, зокрема завдяки подвійному вигуку «ой», яким він починається. Такий вигук у кримськотатарських піснях стрічається досить рідко, значно рідше, наприклад, ніж в українських.

Позначена мальовничою образністю, пройнята жвавою невсипущою грайливістю, суголосною світлим переливам морських хвиль, пісня «Денъиз далъгъасыз олмаз» поетизує молодецьку завзяття, щирість любовних почуттів.

Як і більшість інших кримськотатарських любовних пісень, ця пісня найчастіше трактується як юнача, але вона може виконуватись і від дівочого імені, тим більше що другий рядок першого куплету говорить про те, що насамперед дівчат немає без любові.

ВИСНОВКИ

Розглянуті пісні засвідчують, що морський пейзаж в кримськотатарській фольклорній ліриці відіграє доволі суттєву ролі. Він виступає засобом промовистого поетичного паралелізму, який сприяє проникливій, метафорично мальовничій передачі бентежних відчужень і переживань закоханого. Відзначена мальовничість, образна яскравість невіддільна від особливої музикальності поетичного тексту пісень, яка виявляється в їх вишуканій ритмічній та звуковій організації.

Морський пейзаж доволі часто фігурує в любовних піснях кримськотатарського фольклору. Окрім вищерозглянутих тут можна назвати й такі пісенні перлини, як «Къара денъиз устюнде» («Чорне море бушує»), «Кок денъиз кенарында» («Край

берега синього моря»), «Шу Ялтадан» («Оце з Ялти»), «Ялтанынь багчасында» («В ялтинськiм саду») та iншi. Маринiстичнi образи й мотиви вiдiграють суттєву роль i в художнiй структурi iнших жанрово-тематичних циклiв кримськотатарського пiсенного фольклору, наприклад в емигрантських пiснях. Тут маємо широке поле для дальших дослiджень.

Список лiтератури

1. Алиев Ф. М. Антология крымской народной музыки – Къырым халкъ музыкасынынъ антологиясы / Ф. М. Алиев. – Симферополь: Крымское уч-пед. гос. и-во, 2001. – 600 с.
2. Велиджанов М. Къырымтатар халкъ йырларынынъ сѣзлери акъкъында / Муртаза Велиджанов // Къырымтатар халкъ йырлары / Ил. Бахшыш, Э. Налбандов. – Акъмесджит: Таврия, 1996. – С. 5–57.
3. Гуменюк О. М. Любовна лiрика в кримськотатарському пiсенному фольклорi: тематичнi мотиви, особливостi поезики: автореф. дис. ... к. фiлол. н., 10.01.07 – фольклористика / Гуменюк Ольга Миколаiвна. – К. : НАН України, I-т мистецтвознавства, фольклористики та етнологiї iм. М. Т. Рильського. – 20 с.
4. Кончевский А. К. Песни Крыма / Собраны и записаны А. К. Кончевским. – М., 1929. – 50 с.
5. Музафаров Р. Об изучении фольклора крымских татар / Р. Музафаров // Советская тюркология. – Баку, 1970. – № 6. – С. 110–113.
6. Музафаров Р. Очерки фольклора тюркоязычных народов: Автореферат дис... д. филол. н. / Рефик Музафаров. – Баку: Академия наук Азербайджанской ССР, 1967. – 28 с.
7. Олесницкий А. Песни крымских турок. Текст, перевод и музыка / Алексей Олесницкий; Под ред. Вл. Гордлевского. – Москва: Лазаревский и-т восточных языков, 1910. – 85 с.
8. Шерфединов Я. Звучит кайтарма – Янърай къайтарма / Ягъя Шерфединов. – Ташкент: Изд-во л-ры и и-ства им. Г. Гуляма, 1979. – 232 с.
9. Refatov H. Qъгъm tatar halq musikas / H. Refatov // Refatov H. Qъгъm tatar jъrlagъ / H. Refatov. – Qъгъm devlet nesrijatъ, 1932. – 52 + 98 b. – B. 13–20.

**МОРСКОЙ ПЕЙЗАЖ В ХУДОЖЕСТВЕННОЙ СТРУКТУРЕ
КРЫМСКОТАТАРСКОЙ ФОЛЬКЛОРНОЙ ЛИРИКИ (НА ПРИМЕРЕ ПЕСЕН
«КЪАРА ДЕНЪИЗ» И «ДЕНЪИЗ ДАЛГЪАСЫЗ ОЛМАЗ»)**

Гуменюк О. Н.

В художественной структуре крымскотатарской народной песни важную функцию выполняют пейзажи, которые не только передают очарование родной земли, но и являются средством отображения тонких душевных движений или же бурных страстей субъектов и объектов лирического повествования. Здесь встречаются преимущественно лаконичные, но не раз и весьма пространные описания степей, гор, ущелий, долин, садов, лесов, рек... Среди наиболее характерных – маринистические образы и мотивы. В песне «Къара денъиз» («Черное море») образ бескрайнего моря, кажется, выразительно представлен лишь как вступительный штрих в двух строках первого куплета, но заявленное этим штрихом ощущение неусыпной тревоги выразительно пронизывает все дальнейшее песенное течение, для которого характерно волнительное чередование тревог и надежд. В скрепленных эффектными рифмами четких двустрочных строках песни «Денъиз далгъасыз олмаз» («Моря без волн не бывает») означаются ненавязчивые поэтические параллели между игривостью моря и сладостной тревогой любовных ощущений.

Морской пейзаж в крымскотатарской фольклорной лирике играет довольно существенную роль. Он предстает составной частью красноречивого поэтического параллелизма, содействующего проникновенной, метафорически живописной передаче пылких ощущений и переживаний влюбленного. Отмеченная живописность, образная яркость неотделима от особой музыкальности поэтического текста песен, которая проявляется в их изысканной ритмической и звуковой организации.

Ключевые слова: фольклор крымских татар, песенная лирика, пейзаж, маринистика, поэтика.

**THE SEASCAPE IN THE ARTISTIC STRUCTURE OF CRIMEAN TARTAR
FOLKLORE LYRICS (BY WAY OF EXAMPLE THE SONGS “THE BLACK SEA” AND
“THE SEA IS NOT WITHOUT WAVES”)**

Humeniuk O. M.

The sceneries play an important function in the artistic structure of Crimean Tartar folk song that not only reveal the charm native land, but are means of representation delicate emotional impulse or violent passions of individuals and objects of lyric narration. There are mainly laconic but more than once and quiet vast description steppes, mountains, dongas, valleys, gardens, forests and rivers... Among them the most distinctive are seascape images and motifs.

The image of boundless sea seems expressively represented only as an opening trait in the two lines of the first couplets in the song “Kara Deniz” (“The Black Sea”), but according this trait feeling of vigilant anxiety expressively runs through all further song current, which is typical of disturbing interchange of anxieties and expectancies. The unobtrusive poetic parallels between frivolous sea and delightful anxiety of love feeling are bound with effective rhymes of efficient verses of two lines in the song “Deniz dalgasys olmaz” (“The Sea is not without Waves”).

The seascape plays rather important role in the artistic structure of Crimean Tartar folklore lyrics. It provided the element of expressive poetic parallelism, which is conducive to heartfelt and metaphorical picturesque of lover’s passionate feeling and worry. Marked picturesqueness and figurative brightness are inseparable from particular musicality of poetic lyrics that is appeared in their refined rhythmic and sound organization.

Keywords: Crimean Tartars’ folklore, lyric song, scenery, seascape, poetic.

УДК 82-1/9

НЕВЕРБАЛЬНЫЕ СОСТАВЛЯЮЩИЕ ОБРАЗА В ХУДОЖЕСТВЕННОМ ДИСКУРСЕ

Кашина Н. К.

*Костромской государственный университет имени Н. А. Некрасова, Кострома
E-mail: kashtann55@rambler.ru*

В статье рассматривается роль невербальных (органолептических) составляющих литературных образов, их смыслопорождающую способность на примере произведений А. Фета, В. Розанова. В контексте модернизма поиски новых путей создания образа приводили к утончённой эстетизации, отстаивая своё право на создание «другой» литературы, В. Розанов возводит элементарные ощущения в онтологическую перспективу.

Ключевые слова: невербальный органолептический компонент образа, миф, символ

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей статьи – выявить функцию невербальных составляющих образа в художественном дискурсе на примере творчества А. Фета и В. Розанова.

Достижению поставленной цели способствовало решение следующих задач:

- уточнить возможность применения понятия «невербальный» в исследовании своеобразия литературного творчества;
- исследовать функции мифа в контексте литературных процессов рубежа XIX – XX вв.;
- определить специфику обращения к органолептическим составляющим образа в произведениях А. Фета и В. Розанова;
- исследовать пути трансформации органолептических символов в онтологический уровень.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Употребление термина «невербальный» применительно к литературе может показаться, мягко говоря, неуместным. Однако, в художественном дискурсе словесный образ не столько называет предмет, сколько очерчивает его восприятие. Риторика, как искусство красноречия, (или по Аристотелю: искусство находить способы убеждения относительно каждого данного предмета) предполагает определённые приёмы выразительности, посредством которых создаётся не прямое название предмета. В классической литературной традиции предмет – лишь способ выявить и обозначить сложный духовный момент, переживаемый автором или его героем. Иное понимание отношений автора к миру складывалось в неклассической литературе.

Одной из основополагающих черт мировоззренческих основ культуры модернизма является недоверие к рациональному началу, философии позитивизма. Нередко это недоверие приводило к бунту против самого слова, ставшего лишь средством выразительности.

Из всего многообразия *попыток* определить основное содержание модернизма обратимся к опыту М. Гаспарова: «Модернизм не только в русской, но и во всей европейской литературе сознательно стремился к обновлению поэтических средств в том, чтобы выразить обновление мировосприятия – смену больших исторических эпох» [1, 9].

Процесс этот вывел как основную модель постижения мира миф. Предчувствия приближения времени мифа выражены и в музыке Р. Вагнера, и в творчестве Ф. Ницше. Но по-настоящему миф заговорил о себе в русской литературе рубежа XIX – XX вв. Он привлекал многогранностью восприятия действительности, обещал вернуть миру подлинность, а от художника требовал свежего, первобытного взгляда на мир. На этом основании естественно слились "символистские вздохи и футуристские крики" в поисках скрытых потенциалов языка.

Поиски эти приводили к отказу от вычурных риторических фигур, затейливых художественных изобретений. Так В. Розанов неоднократно обвинял риторику даже в обескровлении христианства. Любопытно замечание мыслителя о разнице двух ветвей философии: первая «...вербальна, а не реальна. Т. е. она не движется вовсе около *naturam rerum*, исследует не самую природу вещей, трудится не над темами философии; но, около этих тем или по поводу этих тем, собирает и классифицирует крохи древнего и нового мышления» [7, 150].

Эта традиция, подчёркивает В. Розанов, исчерпана. Истощённое слово сам В. Розанов восполняет органолептической, невербальной материей текста.

Д. Шукуров обратился к опыту футуристов: «Радикализм таких авторов, как Игнатьев и Гнедов, - заметил автор, - был направлен, в конечном итоге, на преодоление в искусстве вербального дискурса как такового и активизацию невербальных аспектов коммуникации – запаха, цвета, вкуса, звука» [9, 74]. В художественной практике футуристов эта тенденция выразилась в поисках причудливых форм книжной графики, сценического жеста, в экстравагантных попытках услышать запах звука.

Изощённому эстетскому изобретательству можно противопоставить традицию в русской поэзии, возникшую задолго до опытов футуристов. Предшественником символистов справедливо признан А. Фет. Его образы, отличающиеся высокой частотностью, явно выступают в роли символов: это и Весна, и Она, которая пишется с заглавной буквы, но все эти символы лишены изощённости. Порой он просто называет их, не предваряя восприятие читателя эпитетами, сравнениями. Но очень важно заметить: символичность рождается в результате погружения слова в различные контексты, свойственные единому целому. Таков образ Весны, представленный в различных ипостасях: от природности до одухотворённости. Удивительно при этом, что сам образ Весны переводится в эти ипостаси посредством органолептического признака – запаха.

Так в цикле «Весна» из стихотворения в стихотворение выстраивается его семантика:

*Уж верба вся пушистая
Раскинулась кругом;
Опять весна душистая
Повеяла крылом.[8, 86]*

В следующем стихотворении – новая интерпретация: А я иду – душистый холод веет \ \ В лицо – иду – и соловьи поют. Затем прилагательное "душистый" приобретает всё более конкретное значение: душистая нега ("Ещё весны душистой нега..."), душистая сирень ("Пчёлы"), душистый ландыш ("Весенние мысли"), душистая чистота ландыша ("Первый ландыш"). В стихотворении "Ещё майская ночь" сам запах (аромат) никак не назван, он лишь обозначен: Из царства льдов, из царства вьюг и снега \ \ Как свеж и чист твой вылетает май. ... И в воздухе за песнью соловьиной \ \ Разносится тревога и любовь. И, наконец, запах весны – примета приближающегося весеннего возрождения: Глубь небес опять ясна, \ \ Пахнет в воздухе весна, Каждый час и каждый миг \ \ Приближается жених... В запахе весны присутствуют и вздохи неба из растворённых врат эдема. Таким образом, фетовская символика запахов обозначает встречи с другим миром, наделена повышенной семантической напряжённостью.

В текстах В. Розанова дыхание и запахи предвещают встречу с Творцом: «Бог есть зерно, Бог есть ядро, а мир есть Сад. И все души вернуться к Нему, слетятся к Нему. Буду Его вдыхать, буду Его обонять. Вся жизнь превратится в одно обоняние; нос – черта "будущего века" в нас; и вкус языка, и губ, и рта – тоже черта будущего века. Для теперешней и земной грубой жизни этого всего не нужно» [4, 239].

Вкус и обоняние у В. Розанова есть категории космического, в его иерархии это категории высшего порядка: «Вот ещё о чём никто не спросил себя: что физиологические вкус и обоняние, т.е. космическая пахучесть и вкушение явств, – не суть ли основание и причина бессмертия плотей?» [5, 233]. Столь высокий статус физиологии определяется тем, что сам Господь "вдунул в лице человека душу бессмертную": «А не "дал", не "устроил", не "сделал, как горшечник горшок", душу человеку. Не дал ему, как "машине", – "пар". Сделал бы (Бог) человека как "машину" и потом напустил бы в неё "пар". "Работай", пока не "изотрёшься". – Мир явно не так сделан, по Писанию» [5, с. 233].

Обоняние есть признак жизни, настоящей или прошлой («Могила воняет»). Но это особая, озирианская пахучесть, запах умирающих цветов, цветов на могиле, только сама могила – жилище Озириса, умирающего – воскресающего.

В вечной «Песни песен» В. Розанов вновь обращается к запаху. Вся поэма, по его мнению, говорит о пахучести тела, о его испарениях, а слова, обращённые к Суламифи, переводятся в итоге так: «Как пахуче твоё тело... От ароматичности его – самое имя твоё; и когда его услышишь – точно вдохнёшь запах мира, переливаемого из сосуда в сосуд» [5, с. 453].

Аромат, запах способен переливаться из предмета в предмет, из существа в существо, что делает обоняние ближе, теснее, интимнее в общении, чем, например, зрение. И в древнееврейском храме, и в христианском воздух пропитан особыми запахами, несущими мистериальную тайну храмового действия. Запах трактуется как

универсальный символ, не нуждающийся в переводе, охватывающий собой всё живое. Изоморфизм подобного символа миру достигается не на основе метафоры, а в результате углубления корневого значения лексемы. Роль невербальной составляющей в смыслопорождении В. Розанова требует глубокого изучения.

В мифе, его синкретичной природе, это явление органично и естественно. Зрительный, звуковой, органолептический элемент в слове неотделим от его смысла. Эстетическое в языке мифа уступает своё первенство в рождении смысла непосредственному ощущению. Миф изначально онтологичен, и в его пространстве обыденное становится космическим.

«Холод» в текстах В. Розанова позволяет автору непосредственно вызвать у читателя со-чувствие в самом прямом смысле: чувство холода не просто знакомо каждому, но обладает комплексом потенциальных движений от желания согреться до ощущения ухода жизненных сил (вспомним некрасовские строки из поэмы «Мороз – Красный нос»). «Больше любви; больше любви, дайте любви. Я задыхаюсь в холоде. У, как везде холодно» - читаем мы в первом коробе «Опавших листьев» [6, 223]. Холод постепенно завоёвывает себе жизненное пространство, становясь космическим. Но ему есть альтернатива, удивительно простая и доступная: «Папироска после купанья, малина с молоком, малосольный огурец в конце июня, да чтоб сбоку прилипла ниточка укропа...» [6, 280]. Называя, и не более того, эти нехитрые радости В. Розанов напомнил их читателю, вызвал его к со-проживанию удовольствия обычной, а поэтому и вечной жизни. Эти микроскопические, казалось бы, единицы перечёркивают кажущиеся судьбоносными моменты: финал процитированного фрагмента на первый взгляд совершенно неожиданный: « - вот моё "17-е октября". В этом смысле я "октябрист"» [6, 280].

Интересные результаты, на наш взгляд, может дать изучение розановской, по его собственному определению, «другой» литературы в контексте литературы постмодернизма. Тексты В. Розанова физиологичны в том смысле, что не обнаруживают жёсткой конструкции, воплощающей некий предварительный замысел. Их философия есть «философия жизни», а не «философия игры», ставшей основой понимания творчества постмодернизмом.

Духовные искания русской культуры рубежа XIX – XX вв обращены к Богу. Процессу вырождения (М. Нордау) [3] в них противопоставлено непреодолимое стремление к возрождению человека в новом качестве. Поиски бессмертия неизменно приводили к мысли об освящении природы человека. Так русское средневековье ответило на вседозволенную раскрепощённость телесности итальянского Возрождения рублёвской «Троицей», приглашающей молящегося человека замкнуть на себе композиционный круг. Только символ позволял «собрать» мир, непомерно разрастающийся мир цивилизации, и, преобразовав его таким образом, ввести в вечный космос. В этой ситуации крайне необходимой становится достоверность, документальность символа, которая и достигается непосредственностью называемого органолептического свойства.

Актуализация органолептических образов становится одним из способов воплощения телесности мира в литературе. В европейской традиции декаданса

(именно её М. Нордау рассматривает как вырождение) телесность лишена онтологической перспективы. Так в романе Гюисманса «Наоборот» [2] она трансформирована в причудливые фантазии Дезесента. Один из центральных фрагментов этого романа посвящён тому, как герой фабрикует свою реальность, подменяя естественный мир имитациями: вместо морского купания – погружение в ванну с подкрашенной водой, а глаз наслаждается видами из рекламного проспекта. Игры его распространяются и на предметный мир, и на чувства. Трагический финал – смерть героя в оранжерее, где воздух отравлен ароматами коллекции собранных им орхидей, - горький итог этой ненастоящей жизни «наоборот».

ВЫВОДЫ

В отличие от эстетизации ощущений, сделавшей человека заложником изменённых (а не природных) чувств, в отечественной традиции развивался и другой процесс – стремление к полному и подлинному восприятию мира, его природной телесности. Эта устремлённость наделяла ощущения способностью к символизации, делала их явлениями онтологического порядка. Невербальные составляющие в таком аспекте позволяли совместить в образе как минимум два плана бытия: обыденное, общедоступное в своей естественности (запах, холод, вкус) трансформируется в величины космического уровня. Но следует подчеркнуть, что совмещение этих планов бытия никак не комментируется, не предваряется – путь этот должен совершить сам читатель, которому, как другу, доверяет автор.

Список литературы

1. Гаспаров М. Л. Поэтика серебряного века /Русская поэзия серебряного века, 1890 – 1917. Антология. - М., 1993. – 784с.
2. Гюисманс Ж.-К. Наоборот. Пер. с фр. и вступ. ст. И. Карабутенко. - М., Объединение «Всесоюзный молодёжный центр», 1990. – 240 с
3. Нордау Макс. Вырождение /Пер. с нем. и предисл. Р. И. Сементковского; Современные французы /Пер. с нем. А. В. Перельгиной /Послесл. В. М. Толмачёва. М.: Республика, 1995. – 475 с.
4. Розанов В. В. Собрание сочинений. Апокалипсис нашего времени /Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2000. – 429с.
5. Розанов В. В. Собрание сочинений. Возрождающийся Египет /Под общ. ред. А. Н. Николюкина. М., 2002. – 526с.
6. Розанов В. В. О себе и жизни своей. /Сост., предисл., комментарий В.Г.Сукача. М.: Моск. Рабочий, 1990. - 876 с.
7. Розанов В. В. Собрание сочинений. Природа и история (Статьи и очерки 1904 – 1905 гг.)/Под общ. Ред. А. Н. Николюкина, П. П. Апрышко, О. В. Быстровой. М. - СПб., 2008. 766с.
8. Фет А. А. Сочинения. В 2-х т. Т. 1. Стихотворения; Поэмы; Переводы/ Подгот. текста, сост., вступ. ст., коммент. А. Е. Тархова. М.: Худож. Лит., 1982.: 575 с.
9. Шукуров Д. Л. Концепция слова в дискурсе русского литературного авангарда. СПб., Иваново, 2007. – 440с.

NONVERBAL COMPONENT OF THE IMAGE IN ART DISCOURS

Kashina N. K.

The article discusses the role of non-verbal (sensory) components of literary images, their ability to sense and meaning to the example of the works of A. Fet, V. Rozanov. In the context of modernism search for new ways to create leads to the subtle aesthetization, defending their right to the establishment of the "other" literature, V. Rozanov raises elementary sensations in an ontological perspective

Keywords: nonverbal component of the image, myth, organoleptic element, symbol.

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

УДК 81.923

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКИЙ КОНЦЕПТ РЕВОЛЮЦИЯ В ЯЗЫКОВОЙ МАТРИЦЕ ИДИОСТИЛЯ А. АВЕРЧЕНКО

(НА ПРИМЕРЕ ПАМФЛЕТА «ПОЭМА О ГОЛОДНОМ ЧЕЛОВЕКЕ»)

Бахича Э. А.

*ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь
E-mail: selnara26@mail.ru*

В статье представлена языковая матрица лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ. Через соотнесение, сопоставление положительных и отрицательных коннотаций данного концепта выявлены лингвокультурные доминанты, репрезентирующие культурные установки русского национального сознания.

Ключевые слова: лингвокультурологический концепт, лингвокультурема, коннотация, антитеза, языковые единицы.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение языка как феномена культуры – это новое видение мира сквозь призму национального языка, ориентированное на культурный фактор в языке и на языковой фактор в человеке, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности.

Исследование языка художественных текстов в лингвокультурологическом аспекте в настоящее время стало актуальным в области познания культуры определенного социума. Выявление лингвокультурологических элементов текста позволяет изучить лингвокультурные доминанты, которые, с одной стороны, репрезентируют культуру общества, а с другой, являются их вербальным выражением. Такой лингвистической доминантой в лингвокультурологии является лингвокультурологический концепт.

Цель статьи – представить языковую матрицу лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В ходе анализа лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ учитывались его следующие дифференциальные признаки:

- лингвокультурологический концепт – атрибут культуры;
- лингвокультурологический концепт – «сгусток культуры в сознании человека»;

- концепт – многомерная глобальная структура, состоящая из понятий, эмотивно-оценочного блока, сжатой истории и этимологии;
- концепт объективен и исторически детерминирован;
- лингвокультурологический концепт может иметь статус константы культуры, если существует постоянно или долгое время;
- концепт играет роль принципа культуры [1, с. 84].

В лингвокультурологическом понимании концепт РЕВОЛЮЦИЯ – это ментальная макроединица, которая структурируется представлениями, научными и обыденными понятиями, культурными установками, идеологемами, стереотипами.

Концепт РЕВОЛЮЦИЯ является одним из ключевых у А. Аверченко, известного русского писателя-сатирика и театрального критика (слово РЕВОЛЮЦИЯ входит и в состав названия сборника памфлетов «Дюжина ножей в спину революции»). Прделанный нами анализ показывает, что представление о революции у писателя двоякое: с одной стороны, это – явление, нужное для России, это – «избавление», с другой, революция – «разрушающая сила».

В Предисловии книги «Дюжина ножей в спину революции» писатель восторженно пишет о революции: *Революция – сверкающая прекрасная молния, революция – божественно красивое лицо, озаренное гневом Рока, революция – ослепительно яркая ракета, взлетевшая радугой среди сырого мрака!..; «Революция есть гроза. Гроза кончается быстро и освежает воздух, и ярче тогда жизнь, красивее цветут цветы»; Нужна была России революция? Конечно, нужна. Что такое революция? Это – переворот и избавление [2].*

В представленном контексте автор приводит положительные коннотации лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ: *прекрасная молния, красивое лицо, яркая ракета, нужна революция, ярче жизнь, переворот и избавление*. Данная парадигма объединена одной семьей СВЕТ – «то, что делает ясным, понятным мир, то, что делает радостной, счастливой жизнь; символ истины, разума, просвещения или радости, счастья» [3]. Положительная, «коннотативная аранжировка», по Г. Токареву, лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ соотнесена здесь с русскими культурными установками [4, с. 69].

В том же Предисловии А. Аверченко пытается развести революцию и ее последствия – «хорошую» по определению революцию испортили «плохие» люди. Здесь слышны несколько иные ноты с уже отрицательными коннотациями (отмечены подчеркиванием): *«Да есть ли у нас сейчас революция?..; Разве та гниль, глупость, дрянь, копоть и мрак, что происходит сейчас, – разве это революция?»; Когда революция переходит в сатанинский вихрь разрушения – тогда правда становится безгласной или превращается в ложь.*

Построенный на антитезе представленный контекст показывает оценку культурной информации лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ, прежде всего по шкале «хороший – плохой».

Герои А. Аверченко – дворяне, купцы, чиновники, военные, рабочие – с ностальгией вспоминают о прошлой жизни, сокрушается об ужасной гибели России. Писатель воспринимает революцию как обман рабочего человека, который должен в определенный момент спохватиться и вернуть все на свои места в этой стране.

Особенно ярко отрицательное восприятие революции показано в «Поэме о голодном человеке». Здесь автор пишет не о зверствах большевиков, а о судьбе простых, измученных людей, цепляющихся за свои воспоминания о еде, как за последние кусочки «старого мира». Тема *еды* становится одной из центральных в творчестве писателя.

А. Аверченко ярко, наглядно, убедительно опровергает все теоретические разглагольствования большевиков, всю бессмысленность демагогических рассуждений о защите эксплуатируемых от эксплуататоров обыденным фактом голода. «Поэма о голодном человеке» – очередной «нож возмездия», зажатый в «костлявой руке» голодающего.

Попытаемся эксплицировать культурную значимость языковой единицы РЕВОЛЮЦИЯ на основе соотнесения прототипной ситуации с другой языковой единицей *голод*.

Для иллюстрации физиологического состояния голодного человека приведем следующий контекст: *«Когда тусклые серо-розовые сумерки спустятся над слабым, голодным, устало смежившим свои померкшие, свои сверкающие прежде очи – Петербургом, когда одичавшее население расплзается по угрюмым берлогам коротать еще одну из тысячи и одной голодной ночи, когда все стихнет, кроме комиссарских автомобилей, бодро шиняряющих, проворно, как острое шило, вонзающихся в темные безглазые русла улиц, – тогда в одной из квартир Литейного проспекта собираются несколько серых бесшумных фигур и, пожав друг другу дрожащие руки, усаживаются вокруг стола пустого, освещенного гнусным воровским светом сального огарка».*

Лингвокультурологический концепт «революция» представлен в данном контексте как «разрушительная сила», как «голодная ночь». Данные языковые единицы раскрываются через эмотивно-оценочный блок: *«слабый, голодный Петербург», «померкшие очи», «темные безглазые русла улиц», «серые бесшумные фигуры», «дрожащие руки», «пустой стол», «гнусный свет».* Описанный с отрицательной характеристикой блок резко противопоставляется следующим проявлениям «большевистской России»: *«комиссарские автомобили», «бодро шиняряющие», «проворные», «острое шило», «вонзающие».*

Здесь следует подчеркнуть, что лингвокультурологический концепт РЕВОЛЮЦИЯ строится на антитезе – *«померкшие – светящиеся прежде», «дрожащие – проворные, бодрые», «тишина – шум».* «Одичавшее население» представляет нам РЕВОЛЮЦИЮ как голодного, ничего не соображающего, человека.

Коллективное представление лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ как конкретного абстрактного явления («коренной переворот во всей социально-экономической структуре общества, приводящий к переходу от исторически отжившего общественного строя к более прогрессивному» [3]) противопоставляется конкретному индивидуальному представлению революции.

На протяжении всего рассказа прослеживается *«могильное молчание», «тихий, хриплый голос», «шепот»* революции – *«творца голода и смерти»,* приведшего к *«обессиленному, с полузакрытыми глазами»* желанию «повалить» на землю

Троцкого, проткнуть пальцем глаз, ходить по его лицу, ножичком отрезать ему ухо и засунуть ему в рот – «*пусть ест!!*». Но в одну секунду это желание улечивается: «*А знаешь, если бы Троцкий дал мне кусочек жареного поросенка с кашей – такой, знаешь, маленький кусочек, – я бы не отрезывал Троцкому уха, не топтал бы его ногами! Я бы простил ему...*»

Здесь следует отметить, что эмотивно-оценочный блок как дифференциальный признак лингвокультурологического концепта РЕВОЛЮЦИЯ играет основную роль в его многомерной глобальной структуре. Являясь ментальной макроединицей, концепт РЕВОЛЮЦИЯ с его отрицательными коннотациями включает языковые единицы (представления о голоде) в разных языковых проявлениях (лексемы, лингвокультуремы), составляя в совокупности некую языковую матрицу (представлена схематично).

ВЫВОДЫ

Лингвокультурологическое пространство рассказа «Поэма о голодном человеке» представляет собой структурированную совокупность положительных и отрицательных коннотаций концепта РЕВОЛЮЦИЯ. Актуализация уже известных знаний происходит при соотнесении, сопоставлении нового смысла со старым. Культурная специфика плана содержания анализируемого лингвокультурологического концепта проявляется в таких культурных установках, эталонах, ценностях русского человека, как *надежда* и *прощение, свет*.

Список литературы

1. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования / Ю.С. Степанов. – М. : Академический проект, 2001. – 990 с.
2. А. Аверченко. Дюжина ножей в спину революции [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rulit.me/books/dyuzhina-nozhej-v-spinu-revolyucii-read-63943-1>.
3. Малый академический словарь русского языка (онлайн версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.classes.ru/all-russian/dictionary-russian-academ.htm>
4. Токарев Г.В. Лингвокультурология : учебное пособие / Г.В. Токарев. – Тула : Издательство Тул. гос. пед. ун-та им. Л.Н. Толстого, 2009. – 135 с.

Представим языковую матрицу концепта
РЕВОЛЮЦИЯ схематично:

**LINGUO-CULTURAL CONCEPT REVOLUTION IN THE LINGUISTIC STYLE OF
A. AVERCHENKO (THE PAMPHLET "A POEM ABOUT A HUNGRY MAN")**

Bakhicha E. A.

The article presents language linguistic and cultural matrix of the concept of REVOLUTION. Through the mapping, the mapping of positive and negative connotations of this concept identified culturological dominants, representing the cultural attitudes of the Russian national consciousness.

The study of language as a phenomenon of culture is a new vision of the world through the prism of the national language-oriented cultural factor in language and the language factor in man, when a language acts as the expression of a particular national mentality.

The study of the language of literary texts in linguistic-cultural aspect at the present time has become urgent in the field of knowledge of the culture of a particular society. The identification of linguistic elements of the text allows to examine linguocultural dominants, which, on the one hand, represent the culture of the society, and on the other, are their verbal expression. This linguistic dominant in cultural studies is a linguistic and cultural concept.

Heroes of A. Averchenko – nobles, merchants, officials, military, workers with nostalgia about a past life, lamenting about the terrible loss of Russia. The writer perceives the revolution as a sham, which must at some point miss and return to their seats in this country.

Especially the negative perception of the revolution is shown in "Poem about a hungry man". Here the author writes about the atrocities of the Bolsheviks, and the fate of a simple, exhausted people clinging to their

memories of food, as for the last bits of "old world". The topic of food becomes a Central one in the work of the writer.

A. Averchenko brightly, clearly, convincingly refutes all the theoretical rhetoric of the Bolsheviks, the futility demagogic arguments about the protection of the exploited from the exploiters everyday fact of hunger. "Poem about a hungry man" – another "the knife of vengeance" sandwiched in "bony hand" starving.

Emotive-evaluative unit as a differential symptom of culturological concept of REVOLUTION plays a major role in its multidimensional global structure. As mental microagility, the concept of REVOLUTION with its negative connotations include linguistic units (ideas about hunger) in different linguistic signs (lexemes, linguaculture), representing in aggregate some linguistic matrix.

Collective representation of linguo-culturological concept of REVOLUTION as a concrete abstract phenomenon ("radical change in the entire socio-economic structure of the society leading to the transition from a historically obsolete social system to a more progressive") is opposed to specific individual performance revolution.

Keywords: linguocultural concept, linguoculture, connotation, antithesis, language units.

УДК 811.161.1`38;811.161.1`42

ОПЫТ АНАЛИЗА ТЕКСТА ПОЛИТИЧЕСКОГО ВЫСТУПЛЕНИЯ

Васильев А. Д.

*ФГБОУ ВО «Красноярский государственный педагогический университет им. В. П. Астафьева»,
Красноярск*

E-mail: vasileva@kspu.ru; rlc_siberia@kspu.ru

Современный российский политический дискурс предоставляет лингвистам информативный материал для исследования. Таковы, в частности, публичные выступления В.В. Путина. В статье рассматривается текст его обращения к Федеральному Собранию 18.03.2014 по поводу принятия в состав России Республики Крым и города Севастополь. В результате анализа установлено, что этноним русские используется здесь как воплощение одного из ориентиров, задаваемых универсальной семиотической оппозицией «свой»/«чужой».

Ключевые слова: политический дискурс, русские, семиотическая оппозиция.

Мы — русские!

Какой восторг!

А. В. Суворов

ВВЕДЕНИЕ

Универсальная семиотическая оппозиция «свой»/ «чужой» способна обретать самые разнообразные вербально-тематические воплощения, пронизывая и формируя тем самым все области индивидуального и общественного сознания, конструируя и выражая национальную ментальность и свойственную ей языковую картину мира. Совершенно очевидно, что одна из важнейших в этом отношении ролей принадлежит автоэтнонимам.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Автоэтнонимы выполняют функции, весьма значимые в ряде аспектов. Среди них, по крайней мере, следующие. Во-первых, это вербальная граница, четко дифференцирующая макрогруппы человечества на «своих» и «чужих» (см. об этом [9]), причем осознаваемая и теми, и другими. Во-вторых, поскольку «самоописание системы есть последний этап в процессе ее самоорганизации» [7, с.368], постольку автоэтноним выступает как предельно сконцентрированное самоописание народа. В-третьих, автоэтноним фигурирует в качестве фундаментального компонента языковой картины мира, предназначенного для самоидентификации и идентификации носителей данного языка.

Следует прежде всего констатировать, что на протяжении последних двадцати с лишним лет российской истории использование этнонима русский и в официальных публичных речевых актах, и в повседневном дискурсе отечественных средств массовой информации имело вполне определенный характер. Этноним принудительно отягощался негативно-оценочной коннотацией, естественным образом распространявшейся и на его обладателей. Собственно, этот манипулятивно-пропагандистский ход по-своему логично основывался на всячески

популяризовавшемся при Советской власти постулате о якобы исчезновении русских как нации, о чем прямо или косвенно сообщали официальные справочные издания того периода. См., например, внутренне противоречивый пассаж: «русские, нация, осн. нас. РСФСР [хотя понятно, что они же были частью населения и других республик. — А.В.] <...>. После Октябрьской революции в ходе социалистических преобразований Р. консолидировались в социалистическую нацию и вместе с другими нациями и народностями СССР образовали новую ист. общность — советский народ» [11, с. 1144] (разрядка здесь и далее наша. — А.В.). Любопытно, что в то же время цитируемое издание ничего не сообщает о подобной «консолидации в социалистическую нацию» грузин, казахов, узбеков, украинцев и прочих, с которыми, следовательно, такие радикальные метаморфозы не произошли. А вот русские, превратившись в малопонятный социалистический конгломерат, не обладающий складывающейся многими веками ментальностью, были, по существу, лишены статуса нации. При этом делалось всё для забвения государствообразующей роли русского народа и фактора его исконной национальной и религиозной терпимости, благодаря которым возникла исторически уникальная страна.

Те же векторы были максимально успешно продолжены несоветской властью, усиленно — и при этом во многих случаях утонченно и изощренно пропагандирующей чудесное превращение русских в национально безликую биомассу, толпу мифических «россиян», точно так же, как и «советский народ», не обладающую ни общей историей, ни едиными культурными традициями, ни, следовательно, и спланированной и одухотворяющей ментальностью (подробнее см. [4], [5, с.359-499]). Вероятно, решающую роль здесь играют усилия космополитичных российских либералов, «демшизы», представители которой, как правило, имеют про запас так называемую «историческую родину» — по существу, это те же самые борцы с «великодержавным шовинизмом», еще более непримиримые, чем их предки (причем иногда не только в сугубо идейно-политическом смысле) из числа воинствующих интернационалистов революционной эпохи.

Однако буквально в последнее время (кстати, на ставшем обыденным фоне абсурдных заявлений о якобы многонациональной РФ — см. [5, с. 351-352]) стали появляться публичные речевые акты, несколько в иной тональности представляющие этноним русский. По-видимому, импульсом к этому послужили некоторые политические события, позволившие по-другому оценить и известные реалии, и их пропагандистское освещение.

Рассмотрим в качестве примера выступление В.В. Путина 18 марта 2014 года, предварявшее рассмотрение Федеральным Собранием Конституционного закона о принятии в состав России в статусе ее субъектов Республики Крым и города Севастополь, а также ратификацию договора об их вхождении в Российскую Федерацию (источник: [сайт президента России <http://kremlin.ru/news/20603>]).

Текст выступления грамотно структурирован в риторическом отношении. Здесь перемежаются и логично сопрягаются фрагменты, имеющие единый семантический стержень — и при этом достаточно явно различающиеся в функционально-стилевом

отношении. Так, начиная с приведения сухих статистических данных о результатах референдума в Крыму 16 марта 2014 года, оратор переходит к пронизанному высоким пафосом краткому историко-культурному очерку, затем — к критике решения Хрущева, волонтаристски передавшего Украине Крым и Севастополь; далее — комментарию по поводу естественной реакции жителей Крыма и России и на этот судьбоносный шаг, и на позднейшие попытки украинских нацистов и русофобов произвести принудительную ассимиляцию русских (в том числе — и посредством отказа им в естественном праве пользоваться родным языком); далее — о неадекватных откликах западных деятелей на итоги упомянутого референдума. Естественным образом череду суждений о не подкрепленных международным правом шагах США, НАТО, Запада в целом (наконец-то обоснованно аргументируемую напоминанием об исторически константном модусе поведения западных «партнеров» по отношению к России, вне зависимости от ее социально-политического устройства); выражение готовности к дружбе с Украиной — при готовности защищать интересы русских, проживающих на Украине, политическими, дипломатическими и правовыми средствами. Наконец, оратор в качестве решающего аргумента приводит данные о результатах социологических опросов граждан России, в подавляющем большинстве своем выступивших за присоединение Крыма к России.

Вполне понятно, что данное выступление В.В. Путина (не следует, впрочем, забывать о том, что этот текст, как и многие подобные публичные речевые акты, вряд ли всецело принадлежит перу лишь главы государства — по-видимому, активно участвовали и штатные речеписцы), венчающееся директивно-воодушевляющим иницирующим воззванием «Не сомневаюсь в вашей поддержке!», произвело на аудиторию прогнозируемый эффект. Тем более, что вряд ли кому-то из членов Федерального Собрания хотелось бы оказаться среди тех, кого президент — в этой же речи — квалифицировал как «некую пятую колонну — разного рода «национал-предателей» (такая характеристика, кстати, вполне заслужена некоторыми российскими политиками, бизнесменами и деятелями СМИ, но неоправданно редко применяется в отечественном официозно-речевом обороте).

Очевидно, для придания высказываниям большей выразительности (то есть — для повышения их эмоциональности и, соответственно, усиления манипулятивного воздействия на аудиторию), оратор вводит в них лексические и фразеологические единицы, относительно сниженные в функционально-стилевом ключе, что мало свойственно текстам подобного жанра. Впрочем, такой риторический прием довольно характерен для публичных выступлений данного речедеятеля.

Так, например: «вопрос [о передаче Крыма и Севастополя Украине в 1954 году] решили кулуарно, междусобойчиком»; «...вот тогда уже [после того, как Крым оказался под властью незалежной Украины] Россия почувствовала, что ее даже не просто обокрали, а ограбили»; «в 2004 году, чтобы провалить нужного кандидата на президентских выборах, придумали какой-то третий тур <...>. Просто абсурд и издевательство над конституцией»; «миллионы русских легли спать в одной стране, а проснулись в другой»; «... крымчане <...> говорят, что тогда, в 1991 году, их передали из рук в руки просто как мешок картошки»; «за годы «самостийности»

<...> власть, что называется, их [граждан Украины] «достала», опостылела просто»; «они [правители] «доили» Украину»; «сами [США] написали, раструбили на весь мир, нагнули всех...»; «... мы против того, чтобы военная организация [НАТО] хозяйничала возле нашего забора».

Можно отметить в связи с этим и такие обороты: «<...> большевики <...>, пусть Бог им будет судья...»; «Ну что, Россия? Опустила голову и смирилась, проглотила эту обиду»; «<...> хорошо, что они [западные политики] хоть вспомнили о том, что существует международное право, и на том спасибо, лучше поздно, чем никогда»; «трудно было в это [натовские бомбардировки Белграда в 1999 году] поверить, глазам своим не верил»; «нам всё время одно и то же твердили [западные коллеги]: «Ну, вас это не касается». Легко сказать, не касается»; «сегодня [западным партнерам] необходимо прекратить истерику»; «они [натовские моряки] <...> отличные парни, но лучше пускай они к нам приезжают в гости в Севастополь, чем мы к ним» и др.

Такие и аналогичные по стилистической тональности слова и сочетания достаточно гармонично, как ни парадоксально, в этом тексте сочетаются и переплетаются с возвышенно-пафосными лексемами и синтагмами. Среди них, например, фрагменты вводной части: «В Крыму буквально всё пронизано нашей общей историей и гордостью. Здесь древний Херсонес, где принял крещение святой князь Владимир. Его духовный подвиг – обращение к православию – предопределил общую культурную, ценностную, цивилизованную основу... В Крыму – могилы русских солдат, мужеством которых Крым в 1783 году был взят под Российскую державу. Крым – это Севастополь, город-легенда, город великой судьбы, город-крепость и Родина русского черноморского военного флота <...>. Каждое из этих мест свято для нас, это символ русской воинской славы и невиданной доблести. Крым – это и уникальный сплав культур и традиции разных народов <...>. В сердце, в сознании людей Крым всегда был и остается неотъемлемой частью России. Эта убежденность, основанная на правде и справедливости, была непоколебимой, передавалась из поколения в поколение, перед ней были бессильны и время, и обстоятельства, бессильны все драматические перемены, которые мы переживали, переживала наша страна в течение всего XX века» и т. д.

Однако полагаем, что наибольший интерес вызывает характер использования некоторых этнонимов в данном тексте. Само их появление в нем объясняется, конечно, специфическим национальным составом населения Крыма, где в качестве доминирующих выступают три этнические группы: русские, украинцы и крымские татары.

Приведем контексты, в которых они фигурируют: «Русские и украинцы, крымские татары и представители других народов жили и трудились рядом...»; «<...> сегодня из 2 миллионов 200 тысяч жителей Крымского полуострова — почти полтора миллиона русских, 350 тысяч украинцев <...>, порядка 290-300 тысяч крымских татар»; «<...> к крымским татарам <...> была проявлена жестокая несправедливость»; «крымские татары вернулись на свою землю»; «<...> процесс реабилитации крымско-татарского народа»; «почему-то то, что можно албанцам в Косово <...>, запрещается русским, украинцам и крымским татарам в Крыму»;

«дорогие друзья <...>, мы с вами — и русские, и украинцы — можем вообще потерять Крым» и др.

При этом, что вполне естественно, особо информативны фрагменты выступления, содержащие знаковое для очень многих речедеятелей слово русский. Эти эпизоды могут быть условно дифференцированы на две группы: в первой данное слово выступает как собственно этноним, во второй выполняет атрибутивную функцию.

Высказывания первой группы: «Русские и украинцы, крымские татары и представители других народов...»; в Крыму «почти полтора миллиона русских...»; «от репрессий тогда пострадали многие миллионы людей разных национальностей, и прежде всего, конечно, русских людей»; «миллионы русских [после развала СССР] легли спать в одной стране, а проснулись за границей»; «раз за разом предпринимались попытки лишить русских исторической памяти, а подчас и родного языка»; «<...>русские, как и другие граждане Украины, страдали от постоянного <...> кризиса»; «<...> то, что можно албанцам <...>, запрещается русским, украинцам и крымским татарам»; «Россия должна защищать интересы русских и представителей других национальностей <...> в Крыму».

Высказывания второй группы: «В Крыму — могилы русских солдат...»; «Крым — это <...> Родина русского черноморского военного флота»; «... Балаклава и Керчь, Малахов курган и Сапун-гора <...> — символы русской воинской славы...»; «... 350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком...»; «... от репрессий тогда пострадали многие миллионы людей разных национальностей, и прежде всего, конечно, русских людей»; «в Крыму <...> будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский»; «...русский народ стал <...> самым большим разделенным народом в мире»; «... Крым — это исконно русская земля, а Севастополь —русский город»; «... и на Украине, и в Крыму живут миллионы русских людей»; «... рассчитываю, что граждане Германии также поддержат стремление русского мира <...> к восстановлению единства»; Крым «был и останется и русским, и украинским, и крымско-татарским»; «... в городе русской воинской славы»; «Киев — мать городов русских»; «... на Украине живут и будут жить миллионы русских людей».

Совершенно справедливо оратор неоднократно упоминает о важнейшей роли языкового фактора (хотя лингвисту, да, наверное, и мыслящему нелингвисту — тоже, он неизменно представляется весьма существенным — и не только в свете описываемых президентом событий [3]): в Крыму «350 тысяч украинцев, которые преимущественно считают русский язык своим родным языком»; «будет правильно, если в Крыму <...> будет три равноправных государственных языка: русский, украинский и крымско-татарский»; «раз за разом [украинскими властями] предпринимались попытки лишить русских <...> родного языка»; «первым делом так называемые «власти» внесли скандальный законопроект о пересмотре языковой политики, который прямо ущемлял права национальных меньшинств»; «первым на очереди [для репрессий и карательных операций со стороны Украины] был <...> русскоязычный Крым»; «на Украине живут и будут миллионы русских людей, русскоязычных граждан» и др.

Рассмотренный нами текст политического выступления заслуживает внимания и в лингвистическом, и в ряде иных аспектов.

Это несомненно примечательный в риторическом плане дискурсивный акт. Оратор в целях достижения максимального эффекта воздействия (и эмоционального в том числе) на аудиторию использует разностилевые языковые средства, впрочем, оказывающиеся равно действенными как инструменты создания образности, несомненно уместной и для данного жанра, и для описываемых в конкретном случае событий. Можно достаточно уверенно предполагать, что данное выступление в значительной степени повлияло на сознание не только тех слушателей, к которым непосредственно обращался президент, но и немалой части населения России.

Следует отметить, что в рассматриваемом выступлении оппозиция «мы» / «они» (в иных модификациях — «свой» / «чужой» и проч.) получила зримое воплощение. Известно, что это противопоставление носит фундаментальный характер: «Путем отрицания «их» формируется «наше» <...>. Мировая история и прогресс самого человека могут быть рассмотрены как оппозиция полярных «они» и «мы» [9, с. 210].

Начнем с различных вербальных воплощений в данном тексте компонента «они» («чужие»). Эта составляющая тематически может быть дифференцирована на подгруппы.

К первой из них относятся именованья украинских властей (надо обратить внимание на то, что цитируемый оратор неоднократно, четко и последовательно отграничивает от них и их сторонников «братский украинский народ» — так в тексте). Это украинские «власти предержавные» (выражение, которое употребляется иронически; см. [1, с. 103]); «так называемые «власти» {«так называемый — 1. Именуемый, носящий название; 2. Мнимый» [10, с. 220]); «украинские идейные наследники Бандеры — приспешника Гитлера»; «многие госорганы на Украине узурпированы самозванцами»; «националисты, неонацисты, русофобы и антисемиты», «радикалы»; «боевики майдана».

Ко второй подгруппе принадлежат номинации «тех, кто стоял за последними событиями на Украине»: «зарубежные спонсоры этих сегодняшних [украинских] «политиков», кураторы сегодняшних властей»; «западные политики»; «наши коллеги из Западной Европы, из Северной Америки»; «наши коллеги на Западе»; «Соединенные Штаты и Европа»; «НАТО»; «наши западные партнеры»; «наши западные партнеры во главе с Соединенными Штатами Америки» (об истории в русском языке слов коллеги и партнер см. [3, с. 38-41, 54-56], причем изначальная семантика второго из них довольно прозрачно демонстрирует реальную невозможность «равноправного партнерства», недавно столь излюбленного агитпропом).

Конечно, сюда же примыкает упоминание и о «некоей пятой колонне — разного рода «национал-предателях»: «пятая колонна — первоначально так называли шпионов, диверсантов и вредителей, поддерживавших контрреволюционных франкистов в годы борьбы с ними Испанской республики (1936-1939). Выражение это принадлежит испанскому генералу Мола <...>. ... Он

заявил, что, помимо имеющихся в его распоряжении четырех армейских колонн, он располагает еще пятой колонной в самом Мадриде <...>. Так стали называть вообще тайных агентов врага, помогающих ему шпионажем, саботажем и диверсией» [1, с. 536]. Хотя позднейшие авторы склонны считать это выражение апокрифическим [6, с. 626-627], оно сохраняется в публичном речекоммуникативном обороте, не утрачивая ни негативно-оценочной коннотации, ни, увы, актуальности.

Что же касается названий первого компонента оппозиции («свой»), то они варьируются гораздо менее заметно, будучи манифестированы такими словесными формами, как «мы» (иначе говоря, президент не только выражает мнение абсолютного большинства народа, но также солидаризируется с ним до статуса совершенного единства, некоей слиянности), «Россия», «Российская Федерация»; «российское государство»; «граждане нашей страны»; «люди в России» и, вероятно, также «русские», «русские люди», «русский мир».

На наш взгляд, косвенное предназначение этого текста имеет очевидно знаковый характер. По существу, оратор напоминает (и русским — в том числе) как об их исторических заслугах, важность которых невозможно переоценить, так и о непреходящей ответственности за то, что совершается не только в стране; о том, что, где бы они ни жили, являются одним народом; о том, что они — русские — не имеют причин для самоуничтожения и проч. Одновременно это и довольно жесткое послание западным «партнерам», которым продемонстрирована не только полная уверенность в справедливости и законности действий российского государства, но также заявлено и об их фактически всенародной поддержке.

Является ли долгожданное обращение президента к чувству принижаемой национальной гордости русских узкоситуативным, определить затруднительно: естественно, политик в своих речах склонен использовать такие аргументы, которые представляются ему самому либо его сотрудникам («спичрайтерам») наиболее уместными и даже единственно необходимыми на данном этапе деятельности.

ВЫВОДЫ

Впрочем, приведем в завершение цитату из позднейшего выступления В.В. Путина — 27 января 2015 года в Еврейском музее и центре толерантности по поводу дня памяти жертв холокоста и 70-й годовщины освобождения советскими войсками узников концлагеря Освенцим: «В этой связи хочу сказать, что, конечно, — и мы сейчас только вспоминали о том, — конечно, основную тяжесть на своих плечах в борьбе с нацизмом вынес русский народ. 70 процентов от всех бойцов и офицеров Красной армии — это русские люди, и основные жертвы на алтарь Победы принес русский народ» [<http://kremlin.ru/news/47529>].

Конечно же, русские, к доминирующим чертам ментальности которых несомненно следует отнести миролюбие, терпимость и скромность, теперь имеют некоторые причины для того, чтобы быть искренне благодарными своему президенту: наконец-то о них хотя бы вспомнили — и на этот раз не для привычных инвектив...

Примечания

1. См. хотя и беллетристическую, но вполне резонную квалификацию: «... Все новейшие разработки <...> очень скоро становились известны нашим геополитическим партнерам (так теперь называют, чтобы не сглазить, вероятного противника)» [8, с. 379].
2. Ср.: «Все, испытавшие войну, знают, как способны русские делать свое дело на войне и как мало способны к тому, чтобы его описывать с необходимой в этом деле хвастливой ложью. Все знают, что в наших армиях должность эту, составления реляций и донесений, исполняют большей частью наши инородцы» [12, с. 361] — и: «Увы, эта поговорка «скромность заела», кажется, специально придумана русскими про себя» [13, с. 19] (последнее суждение было высказано в 1987 г.).

Список литературы

1. Ашукин Н. С. Крылатые слова / Н. С. Ашукин, М. Г. Ашукина. – М., 1986. – 768 с.
2. Васильев А. Д. Судьбы заимствований в русской лексике / А. Д. Васильев. – Красноярск, 1993. – 92 с.
3. Васильев А. Д. Современное российское языковое законодательство / А. Д. Васильев. – Красноярск, 2007. – 152 с.
4. Васильев А. Д. Манипулятивные игры в слова / А. Д. Васильев // Филология и человек. – Барнаул, 2007. – № 4. – С. 67-77.
5. Васильев А. Д. Игры в слова / А. Д. Васильев. – СПб., 2013. – 660 с.
6. Душенко К. В. Словарь современных цитат / К. В. Душенко. – 4-е изд. – М., 2006. – 832 с.
7. Лотман Ю. М. Внутри мыслящих миров / Ю. М. Лотман. – М., 1996. – 464 с.
8. Поляков Ю. М. Гипсовый трубоч: дубль два / Ю. М. Поляков. – М., 2010. – 488 с.
9. Поршнев Б. Ф. Социальная психология и история / Б. Ф. Поршнев. – изд. 2-е. – М., 1979. – 260с.
10. Рогожникова Р. П. Словарь эквивалентов слова / Р. П. Рогожникова. – М., 1991. – 254 с.
11. Советский энциклопедический словарь. Изд. 2-е. – М., 1983 [СЭС]. –1600 с.
12. Толстой Л. Н. Несколько слов по поводу книги «Война и мир» / Л. Н. Толстой // Толстой Л.Н. Собр.соч. В 22-х томах. Т. 7. «Война и мир». – М., 1981. – С. 356-366.
13. Трубочев О. Н. Заветное слово / О. Н. Трубочев. – М., 2004. – 224 с.

EXPERIENCE IN THE ANALYSIS OF THE TEXT OF POLITICAL SPEECHES

Vasiliev A. D.

Universal semiotic opposition "own"/"alien" takes on a variety of verbal and theme of the incarnation, expressing the national language painted a mental picture of the world. One of the most important roles belongs to autoitalia. For several years Russian propaganda imposed a wider audience of negative evaluation connotatio ethnonym Russian, introducing him to the media as some national faceless mass, devoid of deep traditions and historical memory. In this respect, in essence, continued the implementation of the Soviet ideological postulates, characterized the Russians as "a socialist nation". However, in the post-Soviet period invectives against the Russians became more sophisticated and intensive. The article analyzes the nature of the use of the ethnonym of Russians in the text of the speech of Russian President Vladimir Putin on 18 March 2014 to the Federal Assembly, where the constitutional law on acceptance in structure of Russia in the status of its subjects of the Republic of Crimea and Sevastopol city. The text is correctly structured and decorated in a rhetorical aspect. Here will be blended and mated logical fragments that have a common semantic core and thus sufficiently clearly distinguished in the functional-stylistic. The greatest interest is the nature of the use of the ethnonym for the Russians, sharply dissonant become familiar for nearly a quarter of a century. Vladimir Putin mentions the ethnonym repeatedly and on different occasions; turning to the facts of history – both distant and modern; when stating the exceptional importance of language policy; by emphasizing the special national responsibility and so on. Essentially, the text about the value of state-forming Russian people.

Key words: political discourse, Russians, semiotic opposition

References

1. Ashoken N. With., Ashukina M. G. Winged words. -M., 1986. – 768 p
2. Vasiliev A. D. the fate of loan words in the Russian vocabulary .Krasnoyarsk, 1993. – 92 p.
3. Vasilyev A.D. Modern Russian language law.— Krasnoyarsk, 2007. – 152 p.
4. Vasiliev A. D. Manipulative word games // Philology and people. –Barnaul, 2007. No. 4rP. 67-77.
5. Vasiliev A. D. word Games.–St. Petersburg, 2013. – 660 p.
6. The Dushenko K. V. a Dictionary of modern quotations. –4-e Izd. –M., 2006. -832 p.
7. Lotman Y. M. Inside minded worlds.–M., 1996. 464 p.
8. Yury Polyakov, Gypsum trumpeter: take two. –M., 2010.– 488 p.
9. Porshnev B. F. Social psychology and history. Ed. 2-E. –M., 1979. –260p.
10. Rogozhnikova R. P. Dictionary of equivalent words. –M., 1991. -254 p.
11. Soviet encyclopedic dictionary. Ed. 2-E.–M., 1983. [SES]. -1600 p.
12. Tolstoy L. N. A few words about the book "War and peace" // Tolstoy L. N. SOBR.vol. In 22 volumes. T. 7. "War and peace".~M., 1981.-P. 356-366.
13. Trubachov O. N. Cherished word. –M., 2004. – 224 p.

УДК 811'42

ОСОБЕННОСТИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА ИНОСТРАННОЙ ФИЛОЛОГИИ

Мацько Д. С.

*Луганский университет имени Тараса Шевченко, Луганск
E-mail: selen_matsko81@mail.ru*

В статье рассматривается проблема особенностей научного дискурса иностранной филологии. На основе анализа существующих определений понятия «дискурс» автор выделяет релевантные характеристики дискурса и предлагает собственную трактовку научного дискурса иностранной филологии. Определение сущности ключевого понятия исследования и особенностей научного стиля позволяет автору выявить особенности научного дискурса иностранной филологии.

Ключевые слова: дискурс, иностранная филология, научный дискурс, научный стиль, особенность.

ВВЕДЕНИЕ

В условиях необходимости развития подлинного международного диалога особую актуальность приобретает изучение иностранных языков как средства общения представителей различных народов и культур. Социальный запрос на овладение иностранным языком обуславливает проведение научных исследований в области иностранной филологии, результаты которых могут быть имплементированы в учебный процесс. Кроме того, общество предъявляет достаточно жёсткие требования к уровню филологической и методической подготовки будущего преподавателя иностранного языка.

Неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки будущих специалистов по иностранной филологии в системе высшего образования является научно-исследовательская работа, которая тесно переплетена с учебной деятельностью. Одним из путей повышения профессиональной культуры студенческой молодёжи является обучение студентов в магистратуре. Практика руководства научными публикациями студентов и магистерскими исследованиями по специальностям «Язык и литература (английский)» и «Язык и литература (китайский)» свидетельствует о том, что молодые исследователи нередко сталкиваются с проблемой соблюдения норм научного языка при подготовке как устных докладов, так и рукописей научных работ. Таким образом, изучение научного дискурса иностранной филологии приобретает особую **актуальность** в контексте задач профессионального становления будущих филологов.

Дискурсология является предметом пристального внимания научного сообщества. Сущность и особенности различных типов дискурса отражены в работах Е. А. Абросимовой, Э. В. Будаева, В. З. Демьянкова, М. Р. Желтухиной, В. И. Карасика, Е. Н. Кожемякина, Е. О. Менджерицкой, О. Е. Павловской, Ю. Г. Прохорова, Л. Н. Синельниковой, Т. Б. Трошевой, А. П. Чудинова и многих других учёных. Так, осмысление получают дискурс СМИ (А. Д. Васильев, Т. Г. Добросклонская, М. Р. Желтухина, Е. О. Менджерицкая и др.), дискурс сети Интернет (Е. А. Амбросимова и др.), политический дискурс (Э. В. Будаев, Л. Н. Синельникова, А. П. Чудинов и др.), религиозный дискурс (О. Е. Павловская,

Т. Б. Трошева и др.). Особенности научного стиля представлены в работах И. В. Арнольд, А. Н. Мороховского, Е. Н. Семенов, Ю. М. Скребнева и других отечественных и зарубежных учёных. Однако анализ научной литературы по вопросам дискурсологии показал, что проблема изучения научного дискурса иностранной филологии нуждается в детальном рассмотрении.

Цель статьи – предложить авторское видение особенностей научного дискурса иностранной филологии.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Достижение поставленной цели невозможно без анализа сущности термина «дискурс», являющегося базовой категорией нашего исследования. Как замечает А. П. Чудинов, термин «дискурс» не имеет до настоящего времени единого определения [10, с. 40]. В этой связи весьма показателен пример, приведённый Л. Н. Синельниковой. Как замечает профессор, на одном из Интернет-форумов молодой «интеллектуал» сделал следующую запись: «А что, дискурс ещё не плюсквамперфект?» [5, с. 164]. Мы полагаем, что своеобразная ирония вызвана отсутствием универсального подхода к определению сущности термина. На наш взгляд, множество предлагаемых трактовок термина обуславливается самой природой дискурса, поскольку последний является отражением общественных (следовательно, и языковых) трансформаций.

Анализ сущности термина «дискурс» указывает на различия в содержательном наполнении предлагаемых трактовок. Так, Л. О. Чернейко под дискурсом понимает вербализированное мировоззрение, говорящее бессознательное, речь, направляемая субъективными представлениями о мире, в которых обнаруживаются инварианты картины мира [9, с. 40]. По мнению Е. О. Менджерицкой, дискурс представляет собой использование языка в речи или на письме с целью создания смысла [6, с. 53]. Говоря о природе дискурса, В. З. Демьянков утверждает, что дискурс уже давно стал частью класса «речь» [2, с. 94]. По мнению В. И. Карасика, дискурс представляет собой совокупность вербальных форм практики организации и оформления содержания коммуникации представителей определённой лингвокультурной общности [4, с. 34]. Нам импонирует точка зрения А. П. Чудинова [10] и Л. Н. Синельниковой [3; 7] о дискурсе как коммуникативном событии, которое протекает в определённой социальной сфере, включает в себя экстралингвистические компоненты и отражает способ общения и понимания мира.

Анализ дефиниций термина позволил выделить следующие наиболее релевантные характеристики дискурса: 1) содержательность дискурса; 2) реализация дискурса в процессе коммуникации; 3) зависимость дискурса от социальной сферы, в которой он реализуется (лингвокультурной общности); 4) взаимодействие вербальных (лингвистических) и экстралингвистических факторов, влияющих на процесс коммуникации; 5) «событийность» (результативность) дискурса. Принимая во внимание перечисленные выше характеристики, мы определяем **научный дискурс иностранной филологии** как *совокупность лингвистических и экстралингвистических составляющих научной*

коммуникации в области иностранной филологии, которые влияют на организацию, протекание и успешность коммуникации.

Определение особенностей научного дискурса иностранной филологии невозможно без рассмотрения характеристик научного стиля. Под стилем зачастую понимают подсистему (систему, разновидность, совокупность) языковых средств, объединяемых единством выполняемых ими функций или общностью сферы их употребления [8, с. 236]. В научной литературе выделяются следующие характеристики научного стиля: 1) информативность; 2) объективность и точность в передаче информации; 3) логическое и последовательное изложение материала; 4) аргументированность излагаемого материала (выводов); 5) монологический характер высказывания; 6) тяготение к нормированной речи; 7) отсутствие экспрессии, личностное начало минимально [1; 8]. Определение сущности ключевого понятия исследования и характеристик научного стиля позволяет выявить особенности научного дискурса иностранной филологии.

В языке находят отражение социальные и культурные трансформации, характерные для той или иной эпохи. Мы полностью разделяем мнение Л. Н. Синельниковой о том, что речевая деятельность индивида должна быть погружена в социально-культурный контекст [3, с. 127].

Практика руководства магистерскими исследованиями по иностранной филологии показывает, что учёт социально-культурного «фона» («background») развития филологического явления (феномена) имеет первостепенное значение для решения поставленных учёным задач и успеха научной коммуникации в целом. Так, во время работы над магистерским исследованием на тему «Особенности детективной прозы Артура Конан Дойла (на материале рассказов о Шерлоке Холмсе)» студентка магистратуры рассмотрела историю западноевропейского детектива. Выделение этапов становления детективного жанра в Европе способствовало пониманию особенностей детективной прозы и, следовательно, успешному достижению цели исследования.

Обращение к особенностям культуры и общественного строительства территории, где получило развитие изучаемое явление, позволяет научному сообществу понять логику мысли автора и оценить валидность сделанных выводов и предположений. Таким образом, особенностью научного дискурса иностранной филологии является **опора на социально-культурный «фон» территории функционирования изучаемого явления.**

Как уже было сказано, научный стиль характеризуется минимальным влиянием личностного начала и нормированной речью (использованием клише, характерных для научного стиля). Внимание сконцентрировано не на личности исследователя, а на сущности исследуемого явления. Кроме того, подчёркивается возможность исследования других (близких) аспектов общей проблемы. Реализации вышеупомянутых характеристик способствует использование в научном дискурсе пассивных конструкций (Complex Subject и других). Например, автор магистерской работы по проблеме дискурса женщин-политиков (на материале английского языка) употребляет следующие клише: «The political discourse is defined as...», «The problem is considered to be...».

Возможность проведения дальнейших научных поисков в данном направлении подчёркивается путем употребления глагольных форм несовершенного вида. В научном дискурсе следует употреблять следующие глагольные формы: «проблема, которая рассматривается / рассматриваемая проблема», а не «проблема, которая рассмотрена / рассмотренная проблема». Если выступление или научная публикация подготовлены на английском языке, следует использовать клише «the problem **under discussion**». Следовательно, особенностью научного дискурса иностранной филологии является **преобладание пассивных конструкций, форм несовершенного вида и предложных конструкций** (для английского языка).

В научном дискурсе на первом плане находится не личность исследователя, а действие (результат). Личностное начало научного текста сведено к минимуму, но оно присутствует. Способом выражения личностного начала является употребление в тексте работы личных местоимений. Для отечественной научной школы характерна традиция употребления местоимения «мы». По мнению И. В. Арнольд, данная традиция обуславливается двумя причинами. Во-первых, признанием вклада других учёных в решение научных проблем и данной проблемы. Во-вторых, лекторское «мы» вовлекает слушателей (читателей) в процесс рассуждения и доказательства [1, с. 340]. Иными словами, местоимение «мы» позволяет аудитории почувствовать свою сопричастность к делу решения исследуемой проблемы, превращает слушателей (читателей) из реципиентов знания в его продуцентов. Как свидетельствует анализ научной литературы, выходящей на английском языке, в научном сообществе допускается употребление местоимения «я» [11 – 12]. Данный подход к определению личностного начала обусловлен не эгоцентризмом автора и желанием продемонстрировать свою исключительность (уникальность предложенных положений и новаций). На наш взгляд, речь может идти о желании автора подчеркнуть, что научное сообщество может не разделять изложенные положения. Использование местоимения «мы» в определённой степени «заставляет» солидаризоваться со сделанными выводами (возможно, и ошибочными).

Таким образом, научный дискурс иностранной филологии характеризуется **возможностью употребления местоимения «я» для характеристики авторского личностного начала**. Однако мы ни в коем случае не стремимся (и не можем!) дать однозначного ответа, какой из вариантов является приемлемым. Мы лишь констатируем существование двух подходов к отражению позиции автора.

В статье подчёркивается, что научный текст отличается точностью, тяготением к нормированной речи, отсутствием экспрессии. Причём, данные характеристики применимы к любой области науки. Практика научной работы со студентами-филологами показывает, что соблюдение перечисленных выше характеристик является своеобразной «ахиллесовой пятой» студенческой молодёжи.

Характер специальности, по которой проводится подготовка, и желание разнообразить текст сообщения (рукописи) нередко «заставляют» будущих филологов использовать в речи стилистически маркированные единицы. Употребление данной лексики может быть обусловлено целью исследования и

поставленными автором задачами. В частности, лексика может служить иллюстративным материалом.

Кроме того, студенты магистратуры злоупотребляют иностранной лексикой даже в тех случаях, когда данную лексику можно безболезненно отечественными соответствиями. Например, отвечая на вопрос члена экзаменационной комиссии, студент магистратуры заявил, что «... в научной литературе говорение **детерминируется**...». Хотя в русском языке существует множество соответствий: «... под говорением **понимается**...», «... говорение **является**...», «...**сказано**, что говорение – это...» и так далее. Следовательно, особенностью научного дискурса иностранной филологии выступает **оправданное использование маркированной и иноязычной лексики**.

Иностранная филология выступает, пожалуй, одной из немногих областей научного знания, где исследователи ссылаются зачастую (и прежде всего!) на зарубежный опыт, рассматривают взгляды зарубежных учёных на проблему, которой посвящён научный поиск. Ссылки на мнение зарубежных представителей научного сообщества, цитирование требуют достаточно внимательного отношению к правилам написания, произношения и изменения в русском языке иностранных фамилий. Например, известно, что французские мужские фамилии, оканчивающиеся на гласную (-а, -о, -и), в русском языке не изменяются по падежам. Несоблюдение данного правила приводит к возникновению эффекта комического, что достаточно ярко показано в зарисовке известного российского писателя-сатирика Аркадия Арканова «Монолог футбольного комментатора». Таким образом, особенностью научного дискурса иностранной филологии является **соблюдение правил изменения в русском языке имён и фамилий зарубежных учёных**.

ВЫВОДЫ

В условиях развития международного сотрудничества знание иностранных языков выступает залогом установления подлинного межнационального диалога. Неотъемлемой составляющей профессиональной подготовки будущих специалистов по иностранной филологии является научно-исследовательская работа. Интеграция научно-исследовательской и учебной деятельности будущих филологов обуславливает необходимость выявления особенностей научного дискурса иностранной филологии. В статье под научным дискурсом иностранной филологии понимается совокупность лингвистических и экстралингвистических составляющих научной коммуникации в области иностранной филологии, которые влияют на организацию, протекание и успешность коммуникации. На основе изучения сущности ключевого понятия исследования и характеристик научного стиля автор выявляет следующие особенности научного дискурса иностранной филологии:

1) опора на социально-культурный «фон» территории функционирования изучаемого явления;

2) преобладание пассивных конструкций, форм несовершенного вида и предложных конструкций (для английского языка);

- 3) возможность употребления местоимения «я» для характеристики авторского личностного начала;
- 4) оправданное использование маркированной и иноязычной лексики;
- 5) соблюдение правил изменения в русском языке имён и фамилий зарубежных учёных.

Безусловно, научный дискурс в целом характеризуется гораздо большим числом особенностей. Однако мы сконцентрировали своё внимание на выявлении особенностей научного дискурса именно в области иностранной филологии. Надеемся, что материал исследования будет полезен студентам, занимающимся научными исследованиями по иностранной филологии. Перспективы дальнейших поисков в данном направлении видим в определении особенностей научной публикации филологического (литературоведческого) характера.

Список литературы

1. Арнольд И. В. *Стилистика. Современный английский язык : учебник для вузов* / Ирина Владимировна Арнольд. – 4-е изд., испр. и доп. – М. : Флинта : Наука, 2002. – 384 с.
2. Демьянков В. З. *Текст и дискурс как термины и как слова обыденного языка* / В. З. Демьянков // *Вопросы филологии*. – 2007. – № 5. – С. 86-95.
3. *Информация о персональном Интернет-сайте профессора Синельниковой Лары Николаевны* // *Вісник Луганського національного університету імені Тараса Шевченка : Філологічні науки*. – 2011. – № 22. – С. 126-128.
4. Карасик В. И. *Языковой круг: личность, концепты, дискурс* / Владимир Ильич Карасик // *Действительность. Текст. Дискурс*. – М. : Флинта : Наука, 2004. – 224 с. – С. 21-72.
5. *Круглый стол «Дискурсология: от настоящего к будущему»* // *Наукові записки Луганського національного університету. Серія «Філологічні науки». Дискурсологія: мова, культура, суспільство* : зб. наук. праць. – № 2 (36). – Луганськ : Вид-во ДЗ «ЛНУ імені Тараса Шевченка», 2012. – 188 с. – С. 161-185.
6. Менджеричкая Е. О. Термин «дискурс» и типология медиадискурса / Е. О. Менджеричкая // *Вестник Московского университета : Серия 10. Журналистика*. – 2006. – № 2. – С. 50-55.
7. Синельникова Л. Н. *Словарь пиар-терминов* / Лара Николаевна Синельникова // *Жизнь текста, или текст жизни*. – Луганск : Знание, 2005. – Т. 3. *Образовательные проблемы в контексте гуманитарной и коммуникативной культуры. Связи с общественностью (Паблик рилейшнз)*. – 456 с. – С. 374-386.
8. *Стилистика английского языка : учебник* / [А. Н. Мороховский, О. П. Воробьёва, Н. И. Лихошерст, З. В. Тимошенко]. – К. : Выща школа, 1991. – 272 с.
9. Чернейко Л. О. Термин «дискурс»: поиски означаемого / Л. О. Чернейко // *Вестник Московского университета : Серия 10. Журналистика*. – 2006. – № 2. – С. 34-41.
10. Чудинов А. П. *Политическая лингвистика : учебное пособие* / Анатолий Прокопьевич Чудинов. – 2-е изд., испр. – М. : Флинта : Наука, 2007. – 256 с.
11. Harmer J. *How to teach English* / Jeremy Harmer. – London : Pearson Education Limited, 2007. – 288 p.
12. Fedicheva N. V. *Teaching English as a foreign language : an educational guidance for students of higher educational establishments* / N. V. Fedicheva. – Lugansk : Publishing House of the State Establishment “Taras Shevchenko LNU”, 2011. – 240 p.

ОСОБЛИВОСТІ НАУКОВОГО ДИСКУРСУ ІНОЗЕМНОЇ ФІЛОЛОГІЇ

Мацько Д. С.

У статті розглядається проблема особливостей наукового дискурсу іноземної філології. Аналіз існуючих визначень поняття «дискурс» дозволяє автору визначити релевантні характеристики дискурсу. Крім того, дослідник пропонує власне трактування наукового дискурсу іноземної філології. Визначення сутності ключового поняття дослідження та особливостей наукового стилю дозволяє автору виявити особливості наукового дискурсу іноземної філології.

Ключові слова: дискурс, іноземна філологія, науковий дискурс, науковий стиль, особливість.

THE FEATURES OF SCIENTIFIC DISCOURSE IN FOREIGN PHILOLOGY

Matsko D. S.

The article deals with the problem of scientific discourse in foreign philology. The analysis of the notion “discourse” suggested by different linguists enables the author to determine the list of the most important features of discourse. The researcher states that these are the following features: a) discourse is informative; b) it is realized in communication; c) discourse depends on the social sphere where it is realized; d) both linguistic and extralinguistic factors influence the process of communication; e) discourse is productive.

The scientific discourse in foreign philology is defined as the complexity of linguistic and extralinguistic constituents of scientific communication in foreign philology that influence the organization of scientific communication, its progression and effectiveness. The style of scientific prose is characterized by the following attributes: a) scientific style is informative; b) it is clear in giving information; c) materials are presented consecutively; d) the author states each scientific supposition; e) scientific work is presented in the form a monologue; f) normative vocabulary; g) non-emotional presentation.

The definition of scientific discourse in foreign philology and the attributes of the style of scientific prose enable the author to reveal the following features of scientific discourse in foreign philology: 1) applying the social and cultural background to understanding the linguistic phenomenon; 2) tendency to using passive constructions, forms of imperfective aspect and prepositional phrases in the process of scientific communication; 3) use of “I” to denote the personal aspect in scientific communication; 4) justified use of stylistically marked vocabulary and foreign collocations; 5) following the rules of presenting foreign names in the Russian language.

Key words: discourse, feature, foreign philology, scientific discourse, style of scientific prose.

УДК 811.111

НАИМЕНОВАНИЕ ЛИЦ ЖЕНСКОГО ПОЛА ПО ПРОФЕССИИ В АНГЛИЙСКОМ ЯЗЫКЕ

Насибуллаева Э. Р.

*ГБОУ ВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь
E-mail: elina14@mail.ru*

Статья посвящена изучению принципов номинации лиц по профессии и проблеме образования форм слов, необходимых для обозначения принадлежности к женскому полу.

В работе показана динамика использования лексем со значением лица женского пола по профессиональной принадлежности, делается акцент на современные тенденции в области употребления новых наименований лиц женского пола

Ключевые слова: наименование профессий, женский пол, мужской пол, принадлежность к полу.

ВВЕДЕНИЕ

Наименование лиц по профессии занимает важное место в номинативной системе языка, так как определяет и называет людей по важной характеристике – по социальному статусу, принадлежности к месту и роли в профессиональной сфере. Одной из проблем данной лексико-семантической группы в английском языке является наименование лиц женского пола.

Родоначальником попыток создать «нейтральный» в половом отношении язык был французский мыслитель-утопист Ш. Фурье. Каждое название профессии или социальной группы имеет как мужской, так и женский вариант, например, цезарь-цезарина, калиф-калифа, султан-султанка, маршал-маршалка, офицер-офицерка. Первые социалисты-утописты обратили внимание на необходимость реформы языка. Однако сильный импульс в гендерных исследованиях язык получил благодаря Новому женскому движению в США и Германии, вследствие чего возникло направление, получившее название феминистская лингвистика или феминистская критика языка. За основу была принята работа Р. Лакофф «Язык и место женщины», обосновавшая андроцентричность языка и ущербность образа женщины в картине мира, воспроизводимой в языке. В своем новаторском труде Р. Лакофф впервые употребила термин «женский язык» [1]. Зародившись в США, наибольшее распространение в Европе феминистская критика языка получила в Германии с появлением работ С. Тремель-Плетц и Л. Пуш.

Цель статьи – изучение наименований профессий в английском языке в контексте принадлежности их к представителям женского пола.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Наименования большинства профессий в английском языке вообще не предусматривают женского варианта. Во многих случаях и примерах в наименованиях профессии принадлежность к какому-либо полу является нейтральным, особенно когда пол не уточнен, как например, в объявлениях о вакансиях. Примерами могут служить слова firefighter вместо fireman; flight

attendant вместо steward или stewardess. Имеются примеры слов, не имеющих четкие разграничения в принадлежности к представителям пола и основная «мужская» форма слова не всегда указывает на мужчину, а может относиться равным образом как к лицам мужского, так и женского пола, например *actor* и *actress*; *usher* и *usherette*; *comedian* и *comediienne*. Такие термины, как *male nurse*, *male model or female judge* иногда используются в тех случаях, когда пол не имеет значения или уже понятен (как в примере "my brother is a male nurse")

Чтобы обозначить принадлежность к женскому полу в какой-либо профессии, приходится прибегать к вспомогательным словам: *lady-professor*, *medicine women*, *she-doctor*, *policeman-policewoman*. Некоторые наименования лиц по профессии изменяют свой род при помощи суффикса *-ess*: *actor-actress* (*актер-актриса*), *steward - stewardess* (*стюард-стюардесса*), *waiter-waitress* (*официант-официантка*), существуют слова, которые полностью не имеют ничего общего в написании при обозначении принадлежности к полу – *king-queen* (*король-королева*), *monk-nun* (*монах-монахиня*). Однако встречаются редкие случаи, когда женский вариант профессии, который образуется при помощи суффикса *-ess*, имеет другое значение. Так, например, слово *steward* в словарях переводится как «управляющий (крупным хозяйством, имением и т. п.)», а слово *stewardess* в современном английском языке чаще обозначает «девушку-стюардессу, бортпроводницу».

Для более глубокого понимания проведем аналогию с примерами из русского языка: *машинист*-это механик, управляющий транспортной или другой самодвижущейся машиной, механическим устройством, *машинистка* – «специалист, печатающий на пишущей машинке». Если говорить о бортпроводнике как о мужчине, то в современном английском языке употребляется маркер, который обозначает принадлежность слова к представителям как мужского, так и женского пола: *flight attendant* - бортпроводник или бортпроводница. Также следует обратить внимание на орфографию существительных, которые обозначают наименования лиц женского пола по профессии, образованные от слов, которые по исторически сложившимся традициям ассоциировались с представителями мужского пола. Если к существительному, которое употребляется для обозначения представительниц профессий женского пола, прибавляется суффикс, то основа существительного сохраняется, и к нему лишь дописывается суффикс *-ess*: *clown - клоун*, *clowness - клоунесса*. Однако, если к исходному существительному, которое обозначает профессию в мужском роде, прибавляются суффиксы *-er*, *-or* или *-ar*, то при добавлении суффикса *-ess*, суффиксы *-er*, *-or*, *-ar* теряют гласные *e*, *o* или *a* соответственно: *director - directress* (*директор – директриса*); *actor - actress* (*актер - актриса*); *waiter (британский английский) - waitor (американский английский) - waitress (официант-официантка)*.

Следует отметить, что слова *waiter* и *waitor* отличаются орфографически только при обозначении принадлежности профессии представителям мужского пола, а при образовании профессии женского рода гласная суффиксов *-er*, *-or*, *-ar* пропадает, поэтому для образования женского варианта профессии не важно, какой из трех суффиксов был использован изначально, в любом случае какая бы гласная не была, при образовании наименования профессии женского пола гласная опускается.

Однако, как и в любом правиле, существуют исключения. Так, например, слово *manageress* – «управляющая», в котором суффикс *-er* не теряет своей гласной, *baron* – *baroness* (барон - баронесса). В слове *murderess* – «женщина-убийца» - суффикс *-ess* не добавляется к суффиксу *-er*, а используется вместо него (исходное слово: *murderer* - убийца), *priest*-*priestess*, *prior* –*prioress*.

Слова, употребляющиеся для обозначения профессий представителей мужского пола и имеющие в своей основе романские корни образуются при помощи суффикса *-ette*: *usher* - билетёр, *usherette* - билетёрша. Также для образования наименований профессий для подчеркивания принадлежности к женскому полу используется суффикс *-ine*: *hero* - *heroine* (герой – героиня).

В настоящее время при замене наименований мужских профессий женскими, следует отметить тенденцию в английском языке в сторону унисекс, причем как в британском, так и в американском диалектах. Женские варианты профессий постепенно выходят из употребления и заменяются изначальным мужским обозначением профессии, однако в современном английском языке эта принадлежность к мужскому полу перестало указывать на мужчину-работника, а стало указывать на человека любого пола, выполняющего данные обязанности. В старых газетных статьях можно часто встретить такие слова, как: *murderess* – «женщина-убийца» или *manageress* – «управляющая» (раньше слово *manager* обозначало человека на руководящей должности), *schoolmaster*-*schoolmistress*, *housemaster*- *housemistress*. Однако в современном английском языке такие формы слов практически не употребляются и считаются устаревшими. Тем не менее, эти слова можно встретить лишь в тех случаях, когда пол человека является важным для того, чтоб донести суть слов, для правильного понимания их читателем или зрителем так, например, одна серия криминального документального сериала вполне может называться: *Ten Recently Executed American Murderesses* – «Десятка недавно казнённых женщин-убийц в США» или *Top Ten Most Prolific Murderesses* – «Десятка наиболее результативных женщин-убийц» – в этих случаях заголовки сообщают читателю, что данный фильм или статья содержат информацию именно о женщинах-убийцах.

Чаще всего распознать принадлежность к роду можно при помощи лексем *man*, *woman*, *male*, *female*, *boy*, *girl*. К примеру, *assemblyman* – *assemblywoman*, *batsman* – *batswoman*, *businessman* – *businesswoman*, *clergyman* – *clergywoman*, *draftsman*-*draftswoman*, *nobleman* – *noblewoman*, *serviceman* – *servicewoman*, *spaceman* – *spacewoman*. Но существуют и некоторые номинации профессий, которые не имеют аналогичной замены со словом *woman* для определения принадлежности к женскому полу, это такие слова, как, *frontman* – «нападающий, ведущий вокалист», *guardsman* – «Член Национальной Гвардии США, охранник», *helmsman* – «рулевой, кормчий на судне», *bellboy* – «сотрудник гостиницы, переносящий багаж гостей», *spokesman* – «оратор».

В лексике английского языка имеются наименования профессий, которые вызывают ассоциации с определенным полом. Например, *soldier* - солдат, *barber* - парикмахер, *burglar* - вор-взломщик, *butcher* - мясник, *farmer* - фермер, *boxer* - боксер и *footballer* - футболист ассоциируются у нас с представителями мужского пола, а

такие сферы деятельности как *nurse-сиделка*, *secretary – секретарь*, *model-модель*, *babysitter-няня для детей*, наоборот, ассоциируются в основном с женщинами. Тем не менее, в жизни мы встречаемся и с женщинами-боксерами, и с мужчинами-сиделками. Тогда следует отметить половую принадлежность: *woman boxer*, *woman footballer*, *male babysitter*, *male model*.

В современной лексикографии английского языка намечается постепенный отход от указания на пол человека. Многие профессии, которые имеют две номинации по принадлежности к полу, женскому и мужскому, постепенно замещаются словами, которые не имеют в своем составе корень *man* или суффикс, указывающий на пол человека. На сегодняшний день заменена большая часть таких слов родственными словами, которые не обозначают принадлежность к мужскому или женскому полу (в основном в американском диалекте), либо дело близится к этому (в более консервативном британском диалекте). Например, *chairperson* или *chair* вместо *chairman* или *chairwoman*, *salesperson* вместо *salesman* или *saleswoman*. Так, к примеру, вместо второго корня –*man* или –*woman* используется корень –*person*, который относится к обоим полам сразу: *barman-barmaid* (бармен-барменша) постепенно заменяются на *bartender*, что означает одновременно бармен и барменша; *chairman-chairwoman* (председатель-председательница) постепенно заменяются на *chair* – *председатель* в отношении мужчины и женщины одновременно; вместо *fireman* «пожарный» (а вот профессии «пожарный» для представительниц женского пола в стародавние времена не было) используется слово *firefighter*; *headmaster – headmistress* (директор школы-директриса в школе) в современном английском языке нашли замены в одном слове *head*.

Однако в языке существуют также примеры, когда замена слова аналогом без принадлежности к полу получается неравнозначной: так, например, *spokesman-spokeswoman* (мужчина-делегат- женщина-делегат) – слово не теряет смысла в новой образовавшейся форме *spokesperson*, но в профессии *policeman-policewoman* (полицейский и женщина-полицейский) все немного сложнее.

Как правило, номинации профессии, которые заканчиваются корнями слов –*man* и –*woman*, чаще всего подразумевают владение определенными способностями в конкретной сфере деятельности, но не предполагают наличие высшего образования по данной специальности. Так, например, *foreman* – это бригадир. Работники в данной сфере деятельности, конечно, должны обладать какими-то знаниями по специальности, но это слово не несет смысловой нагрузки о наличии обладателя высшего образования. Так, словами *policeman* и *policewoman* мы можем назвать рядовой и сержантский состав полиции, то есть сотрудников полиции, которые прошли специальную подготовку, но не имеют высшего юридического образования и, соответственно, звания офицера. Поэтому слово *police officer* не является полноценной заменой словам *policeman* и *policewoman*, так как словом *police officer* в английском языке называют человека с высшим образованием, закончившим вуз вроде нашей Высшей школы милиции.

ВЫВОД

Мы рассмотрели основные способы образования номинации лиц женского пола в профессиональной сфере. В современной лексикографии английского языка намечается постепенный отход от указания на пол человека

Список литературы

1. Лакофф Р. Язык и место женщины // Введение в гендерные исследования. Ч II: Хрестоматия / Под ред. С.В. Жеребкина. Харьков: ХЦГИ, 2001; Спб.: Алетейя, 2001. С. 784-498
2. Гвишиани Н.Б. Современный английский язык: Лексикология (новый курс для филологических факультетов). Modern English Lexicology: Vocabulary in use / Н.Б.Гвишиани. – М.: Изд-во МГУ, 2000. – 221 с.
3. Webster's Online Dictionary (онлайн версия) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.webster-dictionary.org/>

THE NAMES OF FEMALES' PROFESSIONS IN ENGLISH

Nasibullaeva E.R.

The article deals with the description of general types of females' professions in English. Main types of wordformation of female sex as pertaining to their profession are discussed in the article.

Most of the names of professions in English and occupations include lexical unit - man: fireman, policeman, postman, which supposes a man engaged in certain activities. In relation to working in the same field women in these names the lexical item –woman is used. Later, in the English language tendency which supposes the creation of names of new professions that would not have contain information about pertaining to male or female. The most successful names appeared to be those that contain neutral by pertaining to sex the lexical item –person instead of the -man or - woman. For a variety of professions in the English language existed a pair of male and female gender (waiter - waitress, steward -stewardess), where pertaining to a female person is denoted by adding to basis suffix -ess.

Keywords: names of professions, female, male, pertaining to sex.

УДК 808.5

КАТЕГОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ РОЛИ И РЕЧЕВОЕ ОБЩЕНИЕ

Петренко Д. А.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: aldpetrenko@mail.ru, daniil.petrenko@list.ru*

Любой социальный тип людей проявляет и реализует себя в речевом поведении, выполняя те или иные социальные роли. При этом каждый говорящий отдает предпочтение тому или иному стилю вербального общения (обиходно-бытовому, торжественному, полуофициальному), реализует языковые средства по своим предпочтениям и в соответствии с коммуникативной ситуацией. Особенности речевого поведения личности регулируются ролевыми, социально-ситуативными, национально-культурными и индивидуально-психологическими аспектами.

Ключевые слова: социальная роль, коммуникативная ситуация, речевое поведение, социальное положение, личность.

ВВЕДЕНИЕ

Каждый индивидуум является одновременно членом огромного числа формальных и неформальных групп, в которых он занимает различное социальное положение – от лидера до простого члена группы. Таким образом, один и тот же человек может выполнять в разных группах различные функции и роли, что определяется, в свою очередь, типом личности и типом данной группы, ее целями, правилами и установками. Нередко, групповые взаимодействия отождествляются социологами с понятием групповой структуры, так как они связаны с другими элементами: *ролью и статусом*. Взаимосвязи и многообразие групповых норм и факторов, детерминирующих их, позволяет выделять общие методологические принципы действия норм в малых группах:

1. Социальные нормы группового поведения суть продукт социального взаимодействия людей, объединенных общими интересами.
2. Группа устанавливает, как правило, не весь спектр норм для какой-либо конкретной ситуации, а лишь те, которые имеют для всех членов группы особую значимость.
3. Нормативное поведение может либо быть предписано члену группы в виде роли (например, лидера), либо выступать в качестве ролевого стандарта поведения, общего для членов группы.
4. Социальные нормы могут дифференцироваться по степени принятия их членами группы: одобряемые всеми, частью и т.д.
5. Социальные нормы в группах могут иметь различные пределы отклонений и, соответственно, диапазоны санкций за неадекватное поведение.
6. Уровнем признания групповых норм всеми членами группы в значительной степени определяется характер групповой сплоченности [9].

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В вопросе о размерах малых групп у социологов нет единодушия. Многие ученые (К. К. Платонов, Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская) сходятся на том, что нижним пределом группы является диада (два человека), хотя в научной литературе высказывается мнение, что группа начинается только с триады (три индивидуума). Верхний же предел малой группы колеблется. При этом многие исследователи обращают внимание на тот факт, что независимо от того, является ли группа первичной или нет, между ее членами существует особого рода социальная связь, предполагающая частый личный, непосредственный контакт между всеми ее членами. Подобный контакт возможен только в сравнительно небольших по составу группах. Неформальные молодежные группы подростков насчитывают, например, всего от 2-3 до 8 человек, а производственные бригады варьируют от 5-8 до 16-18 человек. Высказывается мнение, что необходимы дальнейшие исследования и существенные уточнения характеристик формальных и неформальных групп, выявление как общих, так и специфических особенностей тех или других. Тем более что сами понятия “*малых*”, “*формальных*” и “*неформальных*” групп также трактуются социологами порой достаточно многозначно [6; 2; 9; 10; 8].

В социологии получило распространение понятие “*социальной роли*”, под которой понимаются различные формы общественного поведения человека (Я. Щепанский, И. С. Кон, Т. Шибутани, Т. Парсонс, Р. Макьюлей). По мнению Яна Щепанского, «роль – это относительно постоянная и внутренне связанная система поступков (действий), являющихся реакциями на поведение других лиц, протекающими в соответствии с более или менее четко установленным образцом, поступков, которых группа ожидает от своих членов» [11, с. 71].

И. С. Кон понимает под ролью функцию, «нормативно одобренный обществом образ поведения, ожидаемый от каждого, занимающего данную социальную позицию... То, насколько поведение лица соответствует общественным или групповым ожиданиям, служит критерием оценки выполнения им данной социальной роли» [1, с. 23].

Лингвистический аспект изучения социальных ролей является одним из ключевых в социолингвистике, и известно много работ, посвященных соотношению особенностей ролевого поведения человека со структурными и стилистическими свойствами его речи [8; 13; 14; 15; 19; 27; 25; 4; 23; 17; 22; 26; 24; 28 и др.]. Большинство лингвистов сходятся во мнении о том, что интерпретация речевого поведения не может обойтись без учета и анализа тех ролей, которые играет человек в каждом акте коммуникации.

Идеи теории речевого поведения во многом дополнены популярной в социологии “*ролевой теорией*”. Как и всякая теория, ролевая теория сформировала свой понятийный аппарат. Наиболее подробно он представлен в монографии Г. Драйцеля [18], которая и по сей день широко цитируется авторами, занимающимися данной проблематикой. К основным понятиям этой теории относятся такие, как *ролевое ожидание*, *социальная позиция*, *референтная группа*, *ролевая дистанция*, *санкции*.

В качестве элемента социологического анализа, категория социальной роли характеризуется взаимодействием следующих признаков:

1. Социальная роль представляет собой объективный поведенческий комплекс, принципиально независимый от произвола отдельного индивидуума.
2. Содержание социальной роли определяется и изменяется общественными отношениями, а не отдельными индивидуумами.
3. Важным компонентом социальной роли является ожидание (*expectation, Erwartungen*) окружающих чего-то от поведения индивида в конкретной социальной ситуации общения. Отклонения от правил, предписываемых данной ролью, являются нарушениями норм социального поведения [21].

Данные признаки составляют в совокупности концепцию социальной роли, при которой общественные отношения рассматриваются в качестве относительно закрытой системы социальных норм. Действие этих норм независимо от конкретного индивидуума, а их проявление заключается в различных ролевых ожиданиях в процессе общения со стороны окружающих. При этом указывается на особенную функцию, которую выполняет конкретная ситуация общения. «Роль представляет собой совокупность действий и способов поведения, ожидаемых в конкретной ситуации друг от друга коммуникативными партнерами. Она основывается на социальном положении (позиции, статусе) индивидуума и связанной с ним функции лица в конкретной ситуации общения» [16]. Каждому индивидууму свойственно исполнение большого числа ролей в обществе, связанных, например, с его семейными или профессиональными обязанностями.

Социальные роли обусловлены, таким образом, как постоянными социальными характеристиками человека: его социальным положением и профессией, возрастом, полом, положением в семье, – так и переменными, которые определяются свойствами ситуации (роль пассажира, покупателя, пациента и некоторые другие) [4, с. 43].

Роли, связанные с постоянными характеристиками, оказывают непосредственное влияние на поведение и образ жизни человека, формируют его личностные качества [26, с. 9]. В то же время проигрывание одинаковых ситуативных ролей разными людьми может не совпадать. Следовательно, люди различаются между собой как по набору социальных ролей, так и по их исполнению. Постепенно возникают стереотипы – как части ролевого поведения и совокупность признаков, характеризующих поведение, манеру говорить, двигаться, одеваться. Человек, занимая определенную позицию в структуре некоторой социальной ячейки, выполняет связанную с этой позицией роль (например, роль врача, ученика, сына, и т. д.), и тем самым выполняет *ролевые ожидания* окружающих, которые являются *референтной группой* или *референтными лицами*. Выполнение ожидаемых действий считается нормой, невыполнение же действий, предписываемых ролью, вызывает неодобрение референтных групп, которое может вылиться в *социальные санкции*.

В качестве иллюстрации можно привести историю, рассказанную автором монографии «Soziologie. Eine Einführung für Erzieherberufe» (Verlag H. Stam GmbH, Köln-Porz, 1992) Е. Оксааром [26, с. 10-11]. Ученица впервые едет на поезде в

техникум. Когда в вагон входит проводник, она приветствует вошедшего словами – «*Guten Morgen!*»). Проводник вежливо отвечает: «*Auch einen guten Morgen*». Встречи в вагоне повторяются в течение недели. Однажды проводник входит в купе, где сидит ученица, но та не произносит привычные ему слова. Проводник удивленно спрашивает, что с ней произошло. «*Warum soll es mit mir etwas passieren?*» (Почему со мной должно было что-либо произойти?) – удивлена девушка. «*Weil Sie schweigen*» (Потому, что Вы молчите), – замечает проводник, ожидающий, как всегда, услышать слова приветствия от девушки. В последующие дни их встречи в купе проходят как обычно. Однажды утром проводник не отвечает на приветствие девушки – «*Guten Morgen!*»). Та, в свою очередь, удивленно интересуется у проводника: «*Was ist mit Ihnen los?*» (Что случилось с Вами?). Собеседница вполне закономерно ожидает ответа на свое приветствие.

Социальная роль формируется и в зависимости от той социальной позиции, которую занимает человек, выполняющий ее. При этом имеет место пересечение индивидуальных возможностей индивидуума и внешних условий, связанных с социальным положением человека. Так, например, от чиновника ожидается, что он строго следит за предписаниями и действует в строгом соответствии с ними. Господин *Икс* работает в социальной службе. Всякий раз, когда к нему приходит посетитель, господин *Икс* дружески приветствует вошедшего, протягивает ему руку, приглашает присесть и предлагает чашечку кофе. Он внимательно интересуется у собеседника, как у него идут дела, обещает в случае необходимости даже посетить его на дому после работы. Спустя некоторое время о господине *Икс* распространяется молва как о «человечном» и, «в высшей степени, отзывчивом» чиновнике. Если же он в последующем не предложит посетителю кофе и не поинтересуется его делами, то клиенты господина *Икс* будут очень разочарованы и недовольны. Их ожидания не оправдаются.

Несмотря на то, что ролевая теория родилась в русле социальной психологии и социологии, она во многом пересекается с некоторыми лингвистическими аспектами. Так, в частности, она привлекается к анализу речевого поведения в конкретных коммуникативных ситуациях [22, с. 49], когда происходит осуществление вербальных планов и намерений говорящих [12]. Языковой репертуар собеседников, в том числе активно используемый словарный запас, синтаксические конструкции, произношение, также рассматриваются в качестве реализации ролевых репертуаров [25].

В исследованиях, посвященный ролевым аспектам речевой деятельности, отрабатывается соответствующий терминологический аппарат, а также устанавливаются связи языка с социальными характеристиками личности. Так, по мнению Е. Ф. Тарасова, «через понятие роли может быть описано членство личности в различного рода группах. Группа является субъектом ролевых экспектаций, она контролирует степень соответствия ролевой деятельности технологическим и этическим правилам, сформулированным этой группой» [7, с. 89-90].

Наряду с другими языковыми единицами, словесный репертуар содержит такие элементы, значение которых выявляет особую связь с ролью, т. е. ролевое значение.

Ролевое значение, в свою очередь, выделяет среди прочих слов лексику профессиональных языков, жаргонов, аргю и т. п. Это связано с тем, что человек овладевает тем фрагментом закрепленного в значении социального опыта, который определенным образом соотносится с его деятельностью. Эта деятельность проявляется в ролевой активности и происходит под контролем и в интересах социальной группы [4].

Совокупностью ролей и способами их реализации характеризуются не только отдельные личности, но и целые социальные общности. Большой интерес представляют собой возможности ролевого взаимодействия в пределах малых социальных групп. Как полагает Дж. Гамперц, каждое общество имеет определенный набор типичных, регулярно «*проигрываемых*» ролей, своеобразие которого обусловлено видами и формами взаимоотношений людей, составляющих общество [20].

Данные различия отражают, по мнению Л. П. Крысина, деление всех ситуаций общения на симметричные и асимметричные [4]. В том случае, если общающиеся характеризуются сходными социальными признаками, равным социальным положением, имеют одинаковый возраст, один и тот же пол, то ситуации их общения являются симметричными или адекватными. Это взаимоотношения одноклассников, друзей, подруг и т. п. Примерами несимметричных ситуаций общения могут быть следующие пары дочь-мать; студент-преподаватель и т. д. Подобные ситуации общения наиболее часто встречаются в процессе коммуникации, потому что большинство участников коммуникативных актов обладают различными социальными признаками. Таковыми могут быть, например, ситуации общения между врачом и пациентом. Сложности возникают сразу же в связи с тем, что пациент не понимает профессиональные термины, используемые врачом. В большинстве случаев пациент не решается спрашивать об этом врача. Часто пациент вообще трактует их неверно, что может быть даже опасно. Врач, в свою очередь, не всегда может правильно и точно поставить диагноз по той информации, которую ему предоставляет пациент.

Другой аспект проблемы, возникающий в данной оппозиции, состоит в том, насколько много истинной информации может сообщить врач пациенту. Если врач чувствует свою обязанность говорить пациенту *правду*, какой бы реальной и даже страшной она ни была, то возникает вопрос, имеет ли врач право лишать пациента надежды, так как надежда – составная часть жизни человека. Возникает языковая проблема, которая по-разному проявляется в обществах, культура которых рассматривает смерть либо в качестве табу, или же в качестве естественного природного феномена. В современном цивилизованном обществе пациент не всегда удовлетворен врачом, так как последний: а) говорит мало; б) использует в речи множество специальных терминов; в) недостаточно внимательно слушает пациента.

Первый текст-тест, попавшийся на глаза одному из пациентов университетской клиники в Гамбурге после сложной полостной операции, звучал следующим образом: «*Der Tod kommt bestimmt*» («*Смерть придет наверняка*»). Предложение пациента заменить в тексте лишь одно слово «*смерть*» на слово «*весна*» было с благодарностью принято. При этом врач сообщил, что за многие годы практической

работы никто из его пациентов не обратил на это внимания [26]. Причиной этого может быть то, что пациент не просто слушает врача, а часто буквально внимает ему, полностью чувствует себя во власти последнего.

ВЫВОДЫ

Существует множество различий на всех уровнях коммуникации. Они оказывают влияние на понимание в том случае, если социальное и речевое поведение собеседника рассматривать только через призму поведения собственного. Ожидание, которое проявляется у взаимодействующих партнеров, связано в первую очередь с их собственной коммуникативной компетенцией. Вопрос состоит в умении сочетать индивидуальные особенности речевого поведения с общественно-культурными традициями.

Список литературы

1. Кон И.С. Социология личности / И. С. Кон. – М. : Изд-во политической литературы, 1967. – 384 с.
2. Кричевский Р. Л. Психология малой группы / Р. Л. Кричевский, Е. М. Дубовская. – М. : Аспект Пресс, 2001. – 318 с.
3. Крысин Л. П. Речевое общение и социальные роли говорящих // Социально-лингвистические исследования / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1976. – с. 42-52.
4. Крысин Л. П. О речевом поведении человека в малых социальных общностях (постановка вопроса) // Язык и личность. Отв. ред. Д.Н. Шмелев / Л. П. Крысин. – М. : Наука, 1989. – 211 с.
5. Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л. А. Седова и А. Д. Ковалева. Под ред. М. С. Ковалевой. / Т. Парсонс. – М. : Аспект Пресс, 1998. – 270 с.
6. Платонов К. К. О системе психологии / К. К. Платонов. – М. : Мысль, 1972. – 216 с.
7. Тарасов Е.Ф. К построению теории речевой коммуникации. Основы теории речевой деятельности М.: Наука, 1979. - 327 с.
8. Тарасов Е. Ф. Социоллингвистика и психоллингвистика. Теоретические проблемы социальной лингвистики / Е. Ф. Тарасов. – М. : Наука, 1981. – 365 с.
9. Фролов С. С. Социология / Фролов С. С. – М. : Наука, 1994. – 256 с.
10. Шибутани Т. Социальная психология. / Пер. с англ. В. Ольшанский / Т. Шибутани. – М. : Прогресс, 1969. – 536 с.
11. Щепанский Я. Элементарные понятия социологии. – М. : Прогресс, 1969. – 240 с.
12. Bausch K. H. Soziolekte. In: Lexikon der Germanistischen Linguistik. / H. P. Althaus, H. Henne, H. E. Wiegand (Hg.) / K. H. Bausch. – Tübingen, 1975. – 467 S.
13. Bernstein B. Elaborierter und restringierter Kode: Eine Skizze. Aspekte der Soziolinguistik / B. Bernstein. – Frankfurt am Main, 1971. – S. 211-227.
14. Bock Ph. Social structure and language structure // Readings in the sociology of language / Ph. Bock // – N. Y., 1970. – 254 pp.
15. Brown R., Gilman A. The pronouns of power and solidarity // Readings in the sociology of language, ed. by J. Fishman / R. Brown, A. Gilman // – Mouton, 1970 (2-d pr.). – 143 pp.
16. Der Sprach-Brockhaus. – Mannheim, 1994.
17. Dittmar N. Soziolinguistik / N. Dittmar // – Frankfurt, 1973. – 342 S.
18. Dreitzel H. P. Die gesellschaftlichen Leiden und das Leiden an der Gesellschaft / H. P. Dreitzel // – Stuttgart, 1968. – 241 S.
19. Fishman J. A. The sociology of language: an interdisciplinary social science approach to language in society // Advances in the sociology of language, ed. by J. Fishman / J. A. Fishman // – V. 1. – Mouton, 1971. – 101-123 pp.
20. Gumperz J. Types of linguistic communities // Readings in the sociology of language, ed. by J. Fishman / J. Gumperz // – Mouton, 1970. – 143-156 pp.
21. Hager E. Soziologie und Linguistik / E. Hager // – Paris, 1975. – 425 S.

22. Jilesen M. Soziologie. Eine Einführung für Erzieherberufe / M. Jilesen // – Köln-Porz : H. Stam GmbH, 1992. – 378 S.
23. Kubczak H. Was ist ein Soziolekt / H. Kubczak // – Heidelberg : Universitätsverlag Carl Winter, 1979. – 378 S.
24. Macaulay R. The Social Art. Language und Ist Uses / R. Macaulay // – New York-Oxford. : Oxford University Press. – 21, 1994. – 563 p.
25. Oevermann U. Sprache und soziale Herkunft / U. Oevermann // – Frankfurt, 1972. – 329 S.
26. Oksaar E. Sprache und Gesellschaft / E. Oksaar // Duden – Beiträge zu Fragen der Rechtschreibung, der Grammatik und des Stils. – Heft 51. – Mannheim: Duden, 1992. – 48 S.
27. Schegloff E. Sequencing in conversational openings // Advances in the sociology of language. – Ed. by J. Fishman / E. Schegloff // – V. 1. – Mouton, 1971. – 218 pp.
28. Wodak R., de Cilla R. Sprachpolitik in Mittel- und Osteuropa / R. Wodak, R. de Cilla // – Wien: Passagen-Verlag, 1995. – 297 S.

THE CATEGORY OF THE SOCIAL ROLE AND SPEECH COMMUNICATION

Petrenko D.

Any people's social type shows and fulfills itself in the speech behavior implementing these or those social roles. At this time each speaker prefers this or that style of verbal communication (extraoccupational colloquial, sonorous, or semiofficial style), uses means of language according to his/her preferences and in correspondence with the communicative situation. The peculiarities of personality's speech behavior are regulated by role, social and situation, national and cultural as well as individual and psychological aspects.

Key words: social role, communicative situation, speech behavior, social position, personality.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА

УДК 811.161.1'373.47.09 ЧЕХОВ

ЯЗЫКОВЫЕ СРЕДСТВА ВЫРАЖЕНИЯ ЭМОЦИОНАЛЬНОЙ ТОНАЛЬНОСТИ ТЕКСТА (НА МАТЕРИАЛЕ РАССКАЗОВ А. П. ЧЕХОВА)

Алиева В. Н., Серебрянская Е. А.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь*

E-mail: vasfiye.ali@gmail.com

Статья посвящена анализу эмоциональных (эмотивных) смыслов и средств их выражения в рассказах А. П. Чехова. Эмоционально-смысловое многоголосие в произведениях А. П. Чехова – одно из свидетельств богатства его языка. Оно дает возможность выразить самые тонкие оттенки мысли, разнообразить речь, делает язык более образным, выразительным, усиливает действенность высказывания. Анализ художественного текста осуществляется с опорой на лингвистический материал (словарные статьи). В процессе работы выявлялись языковые средства передачи состояний персонажей, их чувств, реакций на происходящее, эмоциональной оценки действующих лиц с позиций автора.

Ключевые слова: эмотивность, эмоциональность, эмоция, эмотивные смыслы, эмотивный текст.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность исследования обусловлена наличием в лингвистике, начиная со второй половины двадцатого века и по сегодняшний день, интереса к эмоциональной сфере личности, к проблеме воздействующей силы слова, к возможности изучения личностных качеств человека по его речевой деятельности. В связи с вышесказанным при изучении языкового мастерства А. П. Чехова исследование эмотивной лексики приобретает не только теоретическое, но и практическое значение. Исследование представляет особый интерес при разработке проблем, связанных с изучением языка и стиля автора в произведениях художественной литературы; с задачами изучения стилистики и культуры речи.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

В ходе работы осуществлена выборка языковых средств эмоционально-смыслового выражения в художественном тексте. В лингвистической литературе понятия экспрессивность, эмоциональность рассматриваются неоднозначно.

Мы разделяем точку зрения таких исследователей, как В. Н. Телия, Н. Л. Моргоева, А. Н. Коперник, которые утверждают, что экспрессивность является результатом актуализации в значении слова сем оценочности, образности, эмотивности, функционально-стилистической окрашенности, измеримую по средствам категории экспрессивности. В отечественной лингвистике значительный вклад в изучение языка эмоций внес В. И. Шаховский и возглавляемая им

волгоградская лингвистическая школа. Используемый В. И. Шаховским термин *эмотиология* понимается как *лингвистика эмоций* [6, с. 7-9].

Таким образом, «экспрессивность – свойство языковых и речевых единиц выражать эмоционально-оценочное состояние автора и его безразличное отношение к означаемому... Важнейшей составляющей экспрессивности является эмоциональность (эмотивность), содержанием которой является эмоция или чувство говорящего» [3, с. 432].

В исследуемых произведениях эмоциональная составляющая языковых единиц выражается:

- 1) лексическим значением слова;
- 2) лексемами, созданных с помощью суффиксов субъективной оценки;
- 3) с помощью междометий;
- 4) с помощью контекста.

Эмотивность лексем представлена особенностями семантической структуры, в которой основным является коннотативный компонент, выраженный лексическим значением слова.

Характеристика персонажей рассказов дополняется экспрессивной ориентацией суффиксальной морфемы. Так, в рассказе «Папаша» встречается прилагательное «*вежливеньким*» с суффиксом субъективной оценки, выражающим отношение автора к персонажу, а именно к его методам решения проблем:

«Папаша уверял ее, что «сын наш» перейдет и что ученых людей не так уломаешь деньгами, как приятным обхождением и *вежливеньким* наступлением на горло».

Вежливенький (значение – 2. выражающий учтивость, исполненный предупредительности. [4]).

Субъективный суффикс –еньк- встречается довольно часто у А. П. Чехова, как выразитель особого отношения автора к персонажу.

«А она, правду говорить, ничего себе: *красивенькая*, чернобровая и нрава бойкого» («В ссылке») [6, с. 81].

Красивенькая (значение – приятный на вид, радующий взгляд, соответствующий представлениям о красоте и гармонии [4]). Автор не использует лишь слово «красивая», а дополняет его субъективной оценкой в виде суффикса –еньк-, – что придает определению некий нежный оттенок.

«Нет, *приемышек*, *сиротка*. Взял его к себе за спасение души. Разговорились» («Бабы») [6, с. 46].

Употребленные здесь экспрессивные слова *приемышек* (семантика – уменьш. к сущ.: приёмш; приемный сын или приемная дочь [4]) и *сиротка* (значение – уменьш. к сущ.: сирота; ребенок или подросток, оставшийся без одного или без обоих родителей [4]) имеют в своем составе суффиксы субъективной оценки –ышек-; -к-, которые, благодаря контексту, выражают одновременно чувства ласки и жалости автора к ребенку.

Ребеночек (семантика – ласк. к сущ.: ребёнок; мальчик или девочка в раннем возрасте, до отрочества [4]). Суффикс субъективной оценки -очк- (-очек).

«Как поглядела я давеча на этого *мальчонка*, вспомнила про своего Гришутку – сердце мое кровью запеклось» («Бабы») [6, с. 46].

Мальчонка (значение – уменьш. к сущ.: мальчик; ребенок или подросток мужского пола [4]). Экспрессию придает суффикс субъективной оценки –онк-.

«–Куда же ты, *свиненок*, ее девал? – крикнул сердито Матвей Саввич. – Где она?» («Бабы») [6, с. 46].

Свиненок (семантика – о неопрятном или дрянном, неблагодарном ребенке, подростке [4]). Экспрессию простому и бранному слову придает суффикс субъективной оценки –ёнок, выступая в роли некоего смягчителя при сравнении человека с животным.

В языке А. П. Чехова выделяются по разнообразию звуковой формы и богатству художественных функций междометия и звукоподражательные слова. Их можно было бы назвать словами *напевов* или выразителями музыкальных мелодий. В устах чеховских персонажей они представляют собой прежде всего легко и многообразно варьирующиеся комплексы звуков, их прямая задача – воспроизведение музыкальных мелодий для выражения настроения персонажа. Но смысл использования междометий этого рода не ограничивается комической натуралистичностью воспроизведения музыкальных мелодий. Чехов определяет их как типический признак персонажа, обогащает и усложняет смысловую семантику текста [1, с. 14].

Замечательным опытом виртуозного применения междометной категории в комическом контексте является рассказ «Забыл!!». Авторская речь сведена до минимума и представляет собой скорее авторские ремарки к репликам помещика Гауптвахтова, чем самостоятельное авторское повествование. Язык же героя рассказа имеет резко выраженный характер разговорно-фамильярного стиля, который обнаруживает себя в лексике, фразеологии, синтаксисе, в обилии частиц и междометий разного рода. Эмоционально интонированные предложения и их разговорные эквиваленты обуславливают интонационное богатство языка этого рассказа. Эмоциональность заложена в особых эмоциональных междометиях и звукоподражаниях, следующих в одном контексте.

«– Позвольте мне-с... Жарко! Климат такой, что ничего не поделаешь! Позвольте мне-с... *Ммммм*... мне-е... *Мм*... Позвольте... Забыл!!» [5, с. 327].

«Забыл!! Экая, *прости господи*, память *демонская*! Да вот...вот... Позволь-те-с... *Мм*... Забыл!!» [5, с. 327].

«*Мм... Мм... дайте припомнить*» [5, с. 327].

Междометия, информирующие о том, какие чувства испытывает говорящий в момент речи (желание вспомнить и высказать забытое): «*мм...мммм...мм*». Это «долгие» междометия, с тембровой окраской, выражающей чувство замешательства.

«*Прости господи*» – эмоциональное междометие, выражающее богобоязнь, но не останавливающее героя повествования в процессе речи рядом с данным устойчивым словосочетанием использовать экспрессивно негативное прилагательное «*демонская*».

«Славный... Сибирский, знать, подлец! Породистый, шельма... Это кот или кошка?... – Ну чего глядишь? Рожа! Дурак! Тигра! Мышей ловишь? Мяу, мяу? Экая память анафемская!.. Жирный, шельмец! Котёнка у вас от него нельзя достать? А то бы я взял...» [5, с. 327].

Звукоподражательное *-мяу-* «в разговоре» с котом имеет сочувственно-одобрительный характер.

«Громко так играет, с фокусами, торжественно... Позволь-те-с... *Кгм...* спую, может быть» [5, с. 327].

Многозначное междометие «кгм» (недоумение, волнение) перед началом пения, выражает эмоциональное состояние человека, его реакцию на действительность.

«Гауптвахтов, толкнув три раза пальцами, закрыл глаза и запел фистулой:

– *То-то-ти-то-том... Хо-хо-хо... У меня тенор... Дома я больше всё дишкантом... Позвольте-с... Три-ра-ра... Кггггм...* В зубах что-то застряло... *ТЬфу!* Семечко... *О-то-о-о-уу... Кггггм...* Простудился, должно быть... Пива холодного выпил в биргалке... *Тру-ру-ру...* Всё этак вверх... а потом, знаете ли, вниз, вниз... Заходит этак бочком, а потом берется верхняя нота, такая рассыпчатая... *то-то-ти... рууу.* Понимаете? А тут в это время басы берут: *гу-гу-гу-туту...* Понимаете?» [5, с. 327].

«— Какую-нибудь! Лишь бы номер второй, Лист! Бедовый этот Лист! *То-то-ти-то... Ха-ха-ха!* Насилу вспомнил! Точно так!» [5, с. 327].

Междометие *«тьфу»* известно десяткам языков в самых разных транскрипциях [25, с. 27]. Это не что иное, как звук плевка, выражающего отвращение, негодование, досаду. Это слово связано с плевком – древним, обрядовым, «чудодейственным» средством. «В современном языке процесс превращения в междометие культового действия плевка закончился» [24, с. 28].

Насмешка, сарказм, подострастие к чему-либо выражается междометиями *«хо-хо-хо, ха-ха-хи»*, они представляют рефлекс смеха, употребляемый в речи. В данном случае смех выступает как средство выражения отношения к действительности, а значит – это уже вторая сигнальная система.

Междометие торжествующей радости по поводу достижения цели: *«то-то!»*:

звуковые комплексы, необходимые, чтобы напеть мелодию индивидуально-авторского характера: *«то-то-ти-то-том, то-то-т-туу, гу-гу-гу-туту, тру-ру-ру, то-то-ти... рууу, гкгггм»*.

Экспрессивное в языке Чехова – это нетипичное, необычное, выразительное. Экспрессия междометия в контексте сопровождается звукоподражаниями, которые усиливают эмоциональность и являются ее активной частью.

Эмотивность является компонентом структуры языковой единицы и не способна нейтрализоваться в контексте, но при этом существуют такие эмотивные единицы, которые существуют лишь в контексте и не выражают экспрессии за его пределами.

«Перед судебным следователем стоит *маленький*, чрезвычайно тощий мужичонка в пестрядинной рубахе и латаных портах» («Злоумышленник») [6, с. 173].

В данном контексте лексема *маленький* (1) небольшой по размерам, по количеству; 2) незначительный, ничтожный; 3) то же, что малолетний [4]) имеет в своем составе суффикс субъективной оценки -еньк-, который, благодаря контексту, выражает одновременно чувство жалости автора к мужику и усиливает значение «мужичонок», делая его еще менее значительным для общества, которое собралось его судить.

«Камню надо ничего и тебе ничего... Ты *камень* – и бог тебя не любит, а барина любит!» («В ссылке») [6, с. 79].

Лексема *камень* (значение – перен. то, что полно равнодушия, жестокости, бесчувственности [4]) используется в переносном значении и придает речи героя эмоциональность, метафоричность.

«Вы люди *темные, слепые, забитые*, ничего вы не видите, а что видите, того не понимаете... Вам говорят, что ветер с цепи срывается, что вы *скоты, печенеги*, вы и верите» («Гусев»).

Автор строит синонимический ряд на основе лексем «*темные*», «*слепые*», «*забитые*» и завершает его не менее экспрессивным существительным «*печенеги*» (семантика – дикие, грубые, невежественные люди [4]) в переносном значении. Эпитеты в контексте завершают негативную характеристику, которой награждаются окружающие.

«От гостей и товарищей будет вас прятать, потому что вы необразованная, так и будет говорить: моя *кувалда*» («Полинька») [6, с.134].

Кувалда (значение – перен. о неуклюжей, толстой или глупой женщине [4]). Лексема имеет пренебрежительное значение.

Содержание предложений часто сопровождается оценкой, отношением говорящего. Показателем эмоционально-экспрессивной окрашенности контекста является особая «восклицательная» интонация:

«Во всю жизнь ни одной романтической истории, так что с рандеву, с аллеями вздохов и поцелуями я знаком только понаслышке. *Ненормально!*» («Верочка») [6, с.75].

«*Возмутительно!* – продолжает Павел Иванович. – Главное, отлично ведь знают, что вы не перенесете этого далекого перехода, а все-таки сажают вас сюда!» («Гусев») [6, с. 165].

«– *Ужасное* положение... – прошептала она с выражением сильной боли на лице. – *Ужасное!*» («Верочка») [6, с. 75].

Лексемы «*ненормально!*», «*возмутительно!*», «*ужасное!*» являются ярким примером контекстуальной эмотивности в рассказах А.П. Чехова, а повторение последней нагнетает ощущение чего-то необратимого и ярко-негативного.

Характерно, что междометия, которые передают «сигналы переживаемых эмоций», также являются выразителями разных чувств – чаще негативных, свойственных героям повествования. Специфическая восклицательная интонация междометия в тексте сопровождается не только особой тембровой окраской, но и неким смысловым «приращением»:

«Его гимназическое пальто, фуражка, калоши и волосы на висках были покрыты инеем, и весь он от головы до ног издавал такой вкусный морозный запах, что, глядя на него, хотелось озябнуть и сказать: «Бррр!»» («Мальчишки») [6, с. 77].

«Бррр!» – об ощущении сильного холода, испытываемом кем-л.

«Господи!» – удивилась старуха»; – «Господи!» – выражение особого чувства удивления.

ВЫВОДЫ

Язык писателя – это не только средство познания и воздействия, но и самовыражения. Тонкий слух Чехова, его наблюдательность в описании внутреннего мира человека помогают передать голоса разных героев, иронические высказывания, горячие споры, внутренние конфликты. Экспрессивная функция лексем в произведениях А. П. Чехова представлена, прежде всего, особенностями семантической структуры слова и предложения в целом.

Эмотивность – явление всегда глубоко национальное, она создается в разных языках различными путями. За многими междометиями, к примеру, в чеховских рассказах закреплено определённое эмоциональное значение: *бр-р!* – ощущение холода или неприязни; *эм!* – недоверие или недоумение.

Эмоциональное состояние и отношение может быть реализовано в языке различными средствами: прямой номинацией – непосредственным выражением междометиями, инвективной лексикой и описанием – особенностями речи и голоса.

Список литературы

1. Гийом Г. Принципы теоретической лингвистики / Г. Гийом. – М.: Прогресс, 1992. – С. 14 – 28.
2. Гималетдинова Г. К. Суффиксация как средство создания экспрессивности прилагательных / Г. К. Гималетдинова // Язык и методы его преподавания. – Казань: Казанск. гос. ун-т, 2001. – С. 28.
3. Матвеева Т. В. Учебный словарь: русский язык, культура речи, стилистика, риторика / Т. В. Матвеева. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 432 с.
4. Ожегов С. И., Шведова Н. Ю. Толковый словарь русского языка. / С. И. Ожегов, Н. Ю. Шведова. – М.: ИТИ Технологии, 2010. – 874 с.
5. Чехов А. П. Рассказы и повести / А. П. Чехов – М.: Правда, 1984. – 480 с.
6. Чехов А. П. Сочинения в 18 томах / А. П. Чехов [под ред. П. В. Быкова] – М.: Наука, 1977. – Т. 10. Рассказы, 1898 – 1903. – С. 202 – 220.
7. Шаховский В. И. Категоризация эмоций в лексико-семантической системе языка / В. И. Шаховский. – Воронеж: Изд-во Воронежского ун-та, 1987. – С. 7-9.

LANGUAGE MEANS OF CREATING THE EMOTIONAL TONALITY OF TEXT
(ON THE MATERIAL OF STORIES OF ANTON CHEKHOV)

Aliyeva V. N., Serebryanskaya E. A.

The expressiveness in the novels of Anton Chekhov – one evidence of the richness of his language. It allows you to express the most subtle nuances of thought, to diversify it, making the language more imaginative, expressive, enhances the effectiveness of the statements.

For the analysis of the linguistic material we relied entries, followed what the tokens used by the author to describe the state of the characters, his feelings, reactions to what is happening and the author's attitude to everything.

Selected material is classified by the following criteria:

- Emotive text space, in which we have identified the image of the character and image of the author;
- Negative / positive assessment of linguistic character, which is seen through the characteristics of the characters of the story (skinny, stupid, ignorant people, little man, an idiot, a fool / Matyusha, Grishutka, Agnyusha, bratusha, wonderful);

- Emotive units that express compassion / sympathy (orphan, kiddies, hunchback).

Emotiveness – a phenomenon always national. It is created in different languages in different ways. The expressive function of tokens in the Russian language features represented by the semantic structure. It is a major component of the connotative.

This article is the use of perspective in the study of art by Anton Chekhov, in our opinion, to carry out linguistic analysis of literary text. This work will help to reveal the particular language of the writer.

Keywords: analysis of emotive meaning, emotive classification, contextual expression, stories of Anton Chekhov.

УДК 811.161.2

ОПОЗИЦІЯ «БІЛИЙ» – «ЧОРНИЙ» В УКРАЇНСЬКІЙ ТА РОСІЙСЬКІЙ ФРАЗЕОЛОГІЇ

Даніленко Ю. І.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
E-mail: legora@list.ru*

У статті досліджується лінгвокультурологічне значення колоронімів «білий» та «чорний». Особливу увагу приділено виявленню схожих рис у семантиці фразеологічних одиниць української та російської мов. У статті розглянуто роль кольорів у житті східних слов'ян. Порівняльний аналіз символічних значень кольорів проведено з урахуванням мовної та культурної специфіки двох народів.

Ключові слова: колоронім, кольороназва, колір, фразеологізм, колористичний компонент, білий, чорний.

ВСТУП

Фразеологія є одним з головних скарбів багатьох мов світу. Якщо глибинно вивчати фразеологію певної мови, то можна здобути глибокі знання і розуміння культури народу, що говорить цією мовою, оскільки ці лексичні одиниці зберігаються носіями мови протягом усього життя. У фразеологізмах лаконічно і надзвичайно яскраво помічені деталі побуту і особливості народного менталітету тієї чи іншої країни.

Метою статті є дослідження та порівняльний аналіз фразеологізмів з компонентами *чорний* та *білий* у російській та українській мовах; встановлення лінгвокультурологічних значень колоративів та фіксація їх символічного навантаження у складі фразеологічних одиниць.

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Колір має важливе значення в житті кожної людини. Часто від нього залежить настрої, емоції і фізичне самопочуття людей. Однак, розглядаючи ті чи інші аспекти, фахівці часто ігнорують великий історичний і культурний досвід людства, якому властиве постійне прагнення називати предмети і явища, що його оточують. Кольорова картина світу не є винятком. Тому у лінгвістів колороніми – одна з найпопулярніших досліджуваних лексичних груп. Мовознавці та етимологи вивчали десятки мов і прийшли до висновку, що існує ряд універсальних рис у системі кольороназв. Крім того, різна якість того чи іншого відтінку відображається у фразеологізмах. Адже вони акумулюють соціально-історичну, інтелектуальну, емоційну інформацію конкретного національного характеру.

Погоджуємося із думкою С. Тер-Минасової, що в практиці спілкування соціокультурні відтінки найменувань кольорів – це чергова пастка, це ще один військовий оборонний прийом мови і культури. На прикладі колоронімів особливо яскраво видно активну роль мови у формуванні нашого сприйняття світу, її владу над людиною. Ми будемо одним і тим же органом почуттів – очима – один і той же

шматочок реальності, бачимо весь спектр, але розрізняємо тільки ті його кольори і їх відтінки, які мають найменування в нашій мові [5, с. 14].

Колороніми (від лат. color – колір, гр. onima – ім'я), або кольороназви, визначаються як лексеми, денотативним значенням яких є ознака кольору [3, с. 3].

Функції колоронімів у складі фразеологічного звороту варіюються від простого найменування барви до засобу відображення емоційно-експресивних значень.

Білий колір в народній культурі – один з основних елементів колірної символіки – протиставляється, насамперед, **чорному кольору**.

Білий і чорний кольори перебувають на полярних точках колірної спектра, а їх назви і символіка антонімічні.

У символічній сфері кореляція «білий» – «чорний» («світлий» – «темний») може входити в еквівалентний ряд з парами «хороший» – «поганий», «чоловічий» – «жіночий», «живий» – «мертвий», почасти «молодий» – «немолодий» (старий), «ясний» – «похмурий» (про погоду) і т. д.

Здавна міфологічна семантика білого і чорного кольорів проявляється у ворожіннях, повір'ях. Так, наприклад, у районі Плевена дівчата ворожили про заміжжя на вівцях, зокрема, дивилися, яка вівця першою увійде в загін у Святвечір: якщо біла – вийдеш заміж за коханого, а якщо чорна – отримаєш «чорне життя».

Співвіднесеність опозицій «хороший» – «поганий» відображена в уявленнях про метеликів і птахів, як втілених душ: душа людська, як голуб – білий, якщо летить на небо, і чорний – якщо летить в пекло; над згарищем літають невідомі птахи – душі предків, які намагаються допомогти родичам, серед них білі – праведники, а чорні – пекельники, тобто грішники з пекла.

Уявлення про «царство темряви» як про потойбічний світ, протиставлення «білому світу», характерне для всіх слов'ян. Білий світ – наш, «цей» світ, і він протиставлений «тому», не білому світові, як день – ночі. Білий світ, як і білий день, мотивований ознакою «ясний, світлий, чистий».

Білий одяг характерний для духів, міфологічних персонажів. На Смоленщині домовика іноді називають білим гномом, він з білою бородою, в білому савані і з білим кием. На Чернігівщині русалку уявляють схожою на патлату жінку в білому. Таким чином, майже вся нечиста сила одягається в біле, в той час, як чорт носить чорний костюм і сам чорний [4, с. 149].

Білий колір у складі фразеологічних одиниць (ФО) використовується для позначення того, що має колір крейди, молока, снігу. // Вимитий, випраний; чистий. // Посивілий, сивий, сивоволосий. // Безколірний, безбарвний прозорий [5, с. 181]: **біле** золото, **білими** нитками шитий, ловити **білі** метелики; **белое** золото, **белые** мухи, **белый** билет, **белый** камень, **белый** лебедь, **белый** уголь, **шит** (шитый) **белыми** нитками, **шито белыми** нитками.

Білий колір вживається у фразеологізмах української та російської мов:

1) на позначення емоційного стану людини: *не бачити світу білого, на світ білий не дивився б; белый свет не мил, доводить до белого каления, доходить до белого каления, света белого не видит, свету белому не рад;*

2) вираження негативного ставлення до людини: *біла ворона, біла кістка; белая ворона, белая кость, белый негр;*

3) позначення часу: до **білого** дня, до **білого** снігу, до **білого** волосу; до **білого** света, до **білого** савана, до **белых** мух;

4) позначає щось вигадане, невідоме, невивчене: казка про **білого** бичка, **біла** пляма; сказка про **білого** бычка, **белая** магія, **белое** пятно;

5) вказує на страждання від хвороби, неминучу смерть: **світ білий** закрився (замкнувся), **покидати / покинути білий** світ, **прощатися / розпрощатися з білим** світом; **света білого** не видеть;

6) навколишній світ, простір: **світу білого** не видно, **білий** світ; **белый** свет, **по белу** свету, **увидеть белый** свет в клеточку;

7) в іронічному контексті: у **білий** світ, як у копійку; дела как сажа **бела**, в **белый** свет, в **белый** свет, как в копеечку.

Чорний – постає як колір негативних сил та сумних подій. Він символізує темінь смерті, відчай, горе, скорботу і зло, нижчі рівні або ступені всесвіту і лихі пророкування [7, с. 410].

Згідно із традиційним тлумаченням, чорний – колір сажі, вугілля, найтемніший; протилежне – білий [5, с. 181].

Порівняння з вугіллям та сажею зумовлено об'єктивними причинами: це основне місце існування чорного кольору в природі, бо саме кам'яне вугілля має чистий чорний колір та є його еталонним виявом, що і зафіксовано в словниках: *держати (тримати) в чорному тілі, чорний ворон, держать в черном теле.*

Фразеологізми з колоронімом **чорний** уживаються:

1) для вираження зневажливого, поганого ставлення до людини: **чорнильна** душа, **чорної** пам'яті, аж у роті **чорно**; **черная** душа, **черная** кость, **черный** народ;

2) для уявлення чогось поганого, гіршого ніж є насправді: як сім галок **чорний**, як смола **чорний**; в самому **черном** виде, в **черном** цвете, рисовать **черными** красками;

3) на позначення поганого фізичного стану людини, важкої хвороби, смерті: як **чорний** віл на ногу наступив, **чорна** смерть, **чорно** перед очима; **черная** немочь, **черная** смерть;

4) для вираження суму, горя, поганого настрою, важкої долі людини: **чорна** година, щоб прийшла **чорна** година, **чорні** дні, **чорна** доля, наганяти/нагнати **чорну** хмару, як **чорна** хмара, **чорні** хмари збираються/зібралися; **черный** год, **черный** день, **черный** час, **чернее** ночи.

ВИСНОВКИ

Дослідивши фразеологічні одиниці української та російської мов, до складу яких входять лексеми на позначення чорного кольору, можна стверджувати, що в момент утворення ФО колоронім входить до її складу у своєму первинному значенні або, рідше, набуває такого семантичного відтінку, який приписують значенню самого кольору.

Проаналізувавши значення фразеологічних одиниць, можна зробити **висновок**, що фразеологізми української та російської мов з колоронімами «білий» та «чорний» схожі за своїми значеннями та мають майже однакову семантику. У фразеологічному словнику української мови за редакцією В. Білоноженко

зафіксовано 24 ФО з колоронімом *білий* і 26 ФО з компонентом *чорний*, тоді як, у фразеологічному словнику російської мови за редакцією О. Молоткова 33 ФО з колоративом *білий* і 29 ФО з кольороназвою *чорний*.

Незважаючи на позитивне лінгвокультурологічне значення, колоронім «білий» може уживатися у фразеологізмах, що вказують на страждання від хвороби, неминучу смерть, а також у ФО для вираження негативного ставлення до людини. Колоратив «чорний» вживається лише у фразеологізмах, що мають негативне значення, які виражають погане фізичне та емоційне почуття людини.

Список літератури

1. Білоноженко В. М. Фразеологічний словник української мови / В. М. Білоноженко [та ін.] ;уклад.: В. М. Білоноженко. – К.: Наук. думка, 1993. – 984 с.
2. Жайворонок В. В. Знаки української етнокультури / В. В. Жайворонок. – К.: Довіра, 2006. – 703 с.
3. Ковальська І. В. Колористика як перекладознавча проблема (на матеріалі українських і англомовних художніх текстів:автореф.дис. ... канд.філ.наук / І. В. Ковальська. – К, 2001. – 102 с.
4. Славянские древности: Этнолингвистический словарь в 5-ти томах / Н. И. Толстой [и др.]; под общей ред. Н. И. Толстого. – Т. 4: П (Переправа через воду) – С (Сито) – М.: Международные отношения, 2009. – 656с.
5. Словник української мови: в 11 тт. / АН УРСР. Інститут мовознавства; за ред. І. К. Білодіда. – К.: Наукова думка, 1970–1980.
6. Тер-Минасова С. Г. Язык и межкультурная коммуникация / С. Г. Тер-Минасова. – М.: Слово/Slovo, 2000. – 262 с.
7. Тресиддер Дж. Словарь символов / Дж. Тресиддер; пер. с англ. С. Палько. – М.:ФАИР-ПРЕСС, 2001. – 448 с.
8. Фразеологический словарь русского языка /А. И. Молотков [и др.];под ред. А. И. Молоткова. – М.: СоветскаяЭнциклопедия, 1987–543 с.

ОППОЗИЦИЯ «БЕЛЫЙ» – «ЧЕРНЫЙ» В УКРАИНСКОЙ И РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Даниленко Ю. И.

В статье исследуется лингвокультурологическое значение колоронимов «белый» и «черный». Рассмотрена роль цвета в жизни восточных славян. Особое внимание уделено выявлению схожих черт в семантике фразеологических единиц с компонентом, обозначающим цвет в украинском и русском языках. Сравнительный анализ символических значений цвета проведен с учетом языковой и культурной специфики двух народов.

Ключевые слова: колороним, цвет, фразеологизм, колористический компонент, белый, черный.

THE OPPOSITION OF "WHITE" TO "BLACK" IN UKRAINIAN AND RUSSIAN PHRASEOLOGY

Danilenko Y. I.

The article is devoted to linguo-culturological meaning of colors "black" and "white". Special attention is paid to the identification of similarities in the meaning of phraseological units of the Ukrainian and Russian languages. The article discusses the role of colors in the life of Eastern Slavs. Comparative analysis of symbolic meanings of these colors is carried out taking into account the linguistic and cultural specifics of the two nations.

Keywords: color, idiom, color component, black, white.

УДК 81-112.2

ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКА КАК ОБЪЕКТ ИССЛЕДОВАНИЯ В РУСИСТИКЕ¹

Дорофеев Ю. В.

*Государственное бюджетное образовательное учреждение дополнительного профессионального образования Республики Крым «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», Симферополь
E-mail: yuvld@mail.ru*

В статье на примере процессы взаимодействия русского языка с другими языками языков с точки зрения коммуникативных потребностей говорящего в полилингвокультурной ситуации прослеживаются характерные для крымской русистики направления исследований в последние десятилетия. В основе проведенного исследования лежит функциональный подход к языковым явлениям и реализации системы языка в различных региональных и социальных условиях.

Ключевые слова: русистика, вариант, русский язык, взаимодействие.

ВВЕДЕНИЕ

Сложившаяся в последние десятилетия в Республике Крым социолингвистическая ситуация привела к тому, что в русском языкознании заметно активизировались исследования в области взаимодействия русского языка с другими языками и его варьировании в условиях полилингвокультурной ситуации [2, с. 28]. Поэтому русский язык, как и другие мировые языки, рассматривался не только как составляющая отдельной нации, но и как основа отдельного языкового мира, границы которого не совпадают с территорией исконного распространения конкретного языка, вследствие этого представляющего собой систему функциональных вариантов, среди которых традиционно выделяются региональные, территориальные, социальные, национальные, и каждый из которых «характеризуется определенным функциональным своеобразием, а также структурными и нормативными особенностями» [10, с. 3].

Наблюдения над особенностями функционирования русского языка привели к необходимости их теоретического осмысления чрез призму сформулированного Э.Косериу тезиса: «язык создается посредством того, что называют «языковым изменением». А из этого следует, что изучать изменения – это не значит изучать «искажения» или «отклонения» ... наоборот, это значит изучать становление языковых традиций, то есть само *создание* языков» [7, с. 75]. Сам же процесс изменения и развития языка определяется в конечном счете потребностями коммуникативной среды и осуществляется в процессе бесконечного использования, отбрасывания, отбора, создания различных соотносительных между собой по форме и значению единиц, словом, в ходе бесконечного варьирования [14, с. 41].

Таким образом, внимание крымских русистов в последние годы было сосредоточено на анализе тенденций развития русского языка, который до

¹ Подготовлено при поддержке гранта РГНФ № 15-04-00080

недавнего времени был компонентом экзогlossной несбалансированной ситуации, поскольку от оценки этих тенденций зависели ответы на вопросы: считать ли оправданным региональное и социальное варьирование русского языка; каковы механизмы возникновения и проникновения в русский язык множественных неологизмов и заимствований из языков, образующих вместе с ним единую социолингвистическую ситуацию; можно ли говорить о «засорении» русского языка; какое влияние оказывает взаимодействие языков на эволюцию отдельных языков; насколько закономерны инновации в речевой деятельности и нужно ли препятствовать их закреплению в русском языке.

Поиск ответов на эти вопросы был важен не только в плане теоретическом, но и в плане практического решения насущных задач, в том числе преподавания русского языка в поликультурной среде. Особенно актуальными в этой области являются исследования под руководством Г.Ю. Богданович, ряд работ которой посвящен анализу полилингвокультурной ситуации в Крыму и диалогу культур в сфере образования [2], и исследования под руководством А.Н. Рудякова, решающие отмеченные задачи на основе толкования развития языка как функциональной системы, обеспечивающей взаимодействие и координацию представителей социума [5; 13]. Несомненно, проблема взаимодействия языков на территории Крыма требует дальнейшего рассмотрения, так как, с одной стороны, перечисленные исследования поднимают ряд пока что нерешенных вопросов, а с другой, перед лингвистами открываются несомненные перспективы освоения «новых территорий», поскольку сегодня в Крыму наблюдаются беспрецедентные социолингвистические трансформации.

В связи со сказанным в данной работе ставится **цель** продемонстрировать на примере номинативных единиц особенности взаимодействия русского языка с некоторыми другими языками с позиций функционального функционализма и относительно разных социолингвистических ситуаций.

Достижение этой цели предполагает решение следующих **задач**:

- анализ сложившихся в крымской русистике представлений о процессах взаимодействия языков;
- определение специфики языкового взаимодействия и связанной с ним стратификации русского языка;
- представление процессов взаимодействия и варьирования языков как закономерного явления, способствующего адаптации языковых систем к коммуникативным потребностям социума.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Проблема взаимодействия языков может рассматриваться в нескольких аспектах, от чего будет зависеть терминологический аппарат описания результатов этого взаимодействия. В работе принимается за основу функциональный подход, принятый за основу представителями крымской школы функциональной лингвистики. Поэтому в противоположность нормативному подходу процесс взаимодействия языков будет рассматриваться не с точки зрения того, что должно быть в результате, а с позиции того, что мы реально наблюдаем [16, с. 13]. В

функциональном отношении следует обратить внимание на то, что взаимодействие языков осуществляется не на уровне абстрактных систем, а в сознании носителей языка, в их речевой деятельности. Именно носители языка принимают или отторгают те или иные инновации: «Коллективы людей (или отдельный человек, если речь идет об индивидуально-языковом сознании), пользуясь языком, живя в нем и благодаря ему, постоянно вносят в него определенные субъективные моменты в соответствии со своим строем мыслей и чувств, образом жизни и т.д.» [9, с. 229]. Таким образом, именно коммуникативные потребности носителя языка изначально определяют степень влияния одного языка на другой. Необходимость в новых средствах выражения заставляет не только создавать их, но и заимствовать из других языков, в результате чего может происходить взаимная адаптация (а, возможно, и нейтрализация) языковых систем. Это, конечно, не означает, что все новообразования, функционирующие в речевой практике носителей языка, становятся полноправными членами системы: «Из многочисленных инноваций, встречающихся в речи, принимаются и распространяются только некоторые, поскольку только некоторые инновации согласуются с возможностями и потребностями функциональной системы или находят благоприятные условия в состоянии межличностных языковых навыков» [7, с. 100].

В связи с этим необходимо отметить, что взаимодействие языков всегда предполагает языковые контакты, которые можно рассматривать как своеобразный «диалог (полилог) культур», протекающий в коммуникативных формах [2, с. 34]. Языковые контакты представляют собой длительный и сложный процесс, который обычно связывают с развитием общества. Поэтому степень взаимовлияния языков, как правило, ставится в зависимость от культурных, экономических, политических и других контактов, которые традиционно рассматриваются как предшествующие по отношению к контактам языковым: «Изменения в собственно культурной сфере воплощаются в языке, а языковые эволюции активно участвуют в культурных процессах и влияют на них» [3, с. 3]. Но если «Язык есть среда, в которой и через которую человек взаимодействует с миром» [8, с. 101], то все эти контакты осуществляются только при посредстве языка. Поэтому я, вслед за Э.Косериу, полагаю, что взаимодействия в сфере культуры, экономики и т.п. не обязательно оказывают влияние на язык, а являются благоприятными условиями, фоном, для принятия различных инноваций: «языковые изменения осуществляются обычно в определенных условиях, но они осуществляются не *из-за* этих условий. Языковые факты существуют потому, что говорящие создают их *для чего-то*» [7, с. 144].

Ситуация в Крыму характеризуется тем, что на территории полуострова сосуществует ряд языков, которые имеют неодинаковую степень распространения и обслуживают коммуникативные потребности различных групп, то есть языки народов этнических групп республики неравнозначны по объему выполняемых ими функций. Для характеристики языков в определенной ситуации используют ряд синонимических терминов: «статусы», «срезы», «страты», «уровни», «состояния». Мы полагаем, что термин «языковые состояния» (Г.В. Степанов) позволяет наиболее полно описать компоненты языковой ситуации, сложившейся в Крыму.

В зависимости от подхода статус русского языка можно описывать как более или менее значимый компонент языковой ситуации. Поставленная проблема относится к вопросам языковой стратификации, которые составляют предмет неоднократных обсуждений и острых дебатов в современной русистике и политике. Это обсуждение ведется в следующих направлениях: а) стратификация состояний русского языка в России, где все население говорит на русском языке как официальном, национальном и общегосударственном и для большинства населения это родной язык. Наряду с этим в ряде микрзон распространены и являются родными множество (более сотни) других языков и диалектов. Во всех этих зонах школьное обучение ведется прежде всего на русском языке, но с течением времени возрастает и интенсивность культивации местных фольклорных, этнографических, литературных и исторических традиций; б) стратификация русского литературного языка, диалектов и промежуточных языковых состояний в России (например, книга Е.В. Перехвальской «Русские пиджины»); в) стратификация в других зонах распространения русского языка – Беларуси, Украины, Казахстана и др.

Разница между упомянутыми стратификациями русского языка вполне очевидна. В первом случае, когда речь идет о языках народов России, мы имеем дело с ситуацией **билингвизма**. Так, в Татарстане говорят на русском и татарском языках, в Якутии – на русском и якутском и т. д. Во втором случае стратификация русского языка в пределах России связана с наличием разных форм его проявления и функционирования. Переход от одной формы к другой представляет качественно иную ситуацию, именуемую, в отличие от билингвизма, диглоссией, что проявляется в диалектном членении. В третьем случае, когда речь идет о русском языке за пределами России, по-видимому, следует говорить об образовании особых вариантов языка.

При существенном различии между тремя языковыми ситуациями в современной России и в других государствах, население которых использует русский язык в разной степени, в русистике нет, как нам кажется, системного осмысления происходящих процессов, о чем свидетельствует неустановившаяся терминология. Например, термином «региональный язык» характеризуют и диалекты и статус русского языка в определенных ситуациях. Нет и четких критериев оценки степени варьирования языка, которое может быть связано с территориальными, социальными, этническими, культурными факторами.

Конечно же, русистику Крыма интересовали прежде всего вопросы, связанные со стратификацией языка за пределами России, в частности, в Украине и Крыму. В теоретическом плане проблема соотношения русского языка и его вариантов (как территориальных, социальных, так и региональных и национальных) была поставлена относительно недавно в работах ученых разных стран (Е.А. Журавлева, В.Ю. Михальченко, В.В. Дубичинский, А.Н. Рудяков и др.). В последние годы эта проблема не утратила актуальность, о чем свидетельствуют, в частности, работы о региональных особенностях русского языка в России [11; 15] и за ее пределами [1; 4]. Активизация социальных контактов и необходимость выражения новой картины мира, характерной для населения отдельных административно-территориальных единиц, делает взаимовлияние русского языка с другими более глубокими.

Актуальность отмеченной проблематики хорошо иллюстрируют социальные, культурные и этнические расхождения в когнитивной базе носителей русского языка в разных регионах. Эти расхождения воплощаются в использовании единиц, не характерных для русского языка за пределами данного региона и в толковании содержания номинативных единиц.

Так, результатом развития вариантных форм в языке становятся межрегиональные номинативные соответствия, которые обладают различной семантической емкостью и отражают социально, регионально и культурно обусловленные фрагменты общей для носителей одного языка картины мира Ср. русс. в России *глава совета* и русс. в Украине *городской голова*. **Другой пример:** в русском языке семантема '*совет как административный орган власти*', сегодня представлена разнообразными средствами выражения: в России *дума* («13 апреля под председательством главы города Георгия Колягина состоялось очередное заседание Ставропольской городской Думы»), в Украине *рада* («Верховная Рада одобрила решение президента»), в Узбекистане *кенгаш* («В 2004 году городской Кенгаш народных депутатов избрал Светлану Ивановну сенатором Олий Мажлиса»), в Казахстане *маслихат* («Программа кандидата в депутаты Актюбинского городского маслихата по избирательному округу №10»), хотя во всех случаях слово *совет* может использоваться как нейтральная единица. **Помимо этого, можно отметить, что слова, перешедшие из одного языка в другой, далеко не всегда влекут за собой полный набор значений. Например, в русском языке Украины слово *мова* используется в значении 'украинский язык'. Соответственно, объем семантики, лексическая сочетаемость, стилистические коннотации, являясь специфическими признаками культурного компонента, определяют необходимость системного рассмотрения проблемы языкового взаимодействия, которое отражает расширение картины мира и изменение когнитивной базы носителей языка на определенной территории. При этом подобные единицы выступают не только как средство номинации, имеющее свой референт в реальности, но и отражают свойственный данной территории культурологический фон, национальный колорит, которые лежат в основе формирования образа мира или, точнее, инварианта данной местности в сознании среднего жителя определенного региона (или страны). И поскольку большую роль в развитии функциональных вариантов языка играет пополнение словарного состава в определенный исторический период и на отдельной территории, то можно рассматривать этот процесс как появление способа выражения сигнификата, которому отводится важное место в картине мира, но который не имеет специализированных форм экспликации в языке.**

Сходные процессы наблюдаются и в тех случаях, когда изменяется содержательная сторона номинативных единиц, заимствованных из другого языка, а также слов, соотносимых с теми или иными культурными концептами. Например, концепт Крым представлен по-разному, во-первых, в сознании молодежи и людей старшего поколения, а во-вторых, в сознании носителей русского языка Украины и России (статус региона оспаривается Украиной, следствием чего является определенная риторика, в том числе использование наименования «Автономная

республика Крым» и сохранение организаций типа «Прокуратура Автономной республики Крым»). Показательна также характеристика Украины и России как концептов [2, с. 94-99]. Таким образом, «сопоставляя созвучивающую лексику многих национальных языков исследователи всегда выявляют обусловленное культурными различиями семантическое коннотативное или ассоциативное несоответствие» [2, с. 73], то есть вариативность содержания номинативной единицы, обусловленную взаимодействием языков. Сходные исследования концептуальной сферы проводятся и в Казахстане [6].

ВЫВОДЫ

Проведенное исследование позволяет сделать следующие выводы.

Процессы преобразования в языке происходят разными путями, одним из которых является взаимодействие с другими языками, результатом чего могут становиться заимствования, интерференция и т.п. Поскольку «речь есть ведущая социальная деятельность людей» [12, с. 123] и все контакты между представителями разных народов базируются на контактах языковых, то в крымской русистике процесс взаимодействия языков последовательно рассматривается не как противостояния систем и внедрение их одна в другую, а как прагматически обусловленное речевой деятельностью говорящих взаимовлияние языков. Как следствие, проблема взаимодействия языков и их взаимовлияния рассматривается как функционально и прагматически обусловленное речевой деятельностью носителей языка и поэтому не регламентируется правилами, которые определяют использование языковых средств в речи относительно требований грамматики и словаря. Соответственно, результаты взаимодействия языков анализируются с позиции того, насколько эти результаты отвечают коммуникативным потребностям носителей языка, насколько они расширяют номинативные и грамматические возможности языковой системы и обеспечивают успешное взаимодействие между членами данного социума. Конечно, при этом нужно учитывать тот факт, что «Любое новообразование в любой сфере деятельности возможно только тогда, когда оно входит в определенную традицию, которую ассоциируют со сложившейся в прошлом культурой. Вхождение в традицию гарантирует успех новообразованию: прошлое как бы подкрепляет сегодняшнее и будущее, но истоки новообразования все же лежат где-то в глубинах фантазии и интуиции» [12, с. 18].

Тем не менее, появление новых номинативных средств в конечном итоге «обусловлено только целевыми установками – культурными, эстетическими или функциональными» [7, с. 55]. Вследствие этого все нефункциональное обычно не имеет успеха: «В каждом языке закрепляется прежде всего то, что носители языка считают нужным именно для коммуникации» [17, с. 31]. То есть развитие вариативности языка, а также использование инноваций в коммуникации определяется степенью функциональности варианта или отдельной единицы, их востребованностью и семантическими возможностями, «полезностью» для отдельного носителя языка. Таким образом, процесс взаимодействия языков в рамках полилингвокультурной ситуации не только служит взаимообогащению

отдельных языков, но и обеспечивает адаптацию языка к новым коммуникативным условиям.

Список литературы

1. Авина Н.Ю. Региональные особенности русского языка: вопрос о нормативном статусе (на материале русского языка в Литве) / Н.Ю. Авина // Русский язык сегодня. Вып. 4. Проблемы языковой нормы. Сб. статей / Ин-т рус. яз. им. В.В. Виноградова РАН. – М.: 2006. – С. 4-13.
2. Богданович Г.Ю. Русский язык в аспекте проблем лингвокультурологии / Г.Ю. Богданович. – Симферополь: Доля, 2002. – 392 с.
3. Васильев А.Д. Слово в российском телеэфире: Очерки новейшего словоупотребления / А.Д. Васильев. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 224с.
4. Вахтин Н.Б. Русские языки / Н.Б. Вахтин, А.С. Мустайоки, Е.Ю. Протасова // INSTRUMENTARIUM OF LINGUISTICS: SOCIOLINGUISTIC APPROACHES TO NON-STANDARD RUSSIAN. – Helsinki, 2010. – С. 5-17.
5. Георустика. Первое приближение: Сб. науч. ст. / Под редакцией А.Н. Рудякова. – Симферополь: Антиква, 2010. – 152 с.
6. Журавлева Е.А. Прецедентные тексты начала XXI века (на материале прессы Казахстана): монография / Е.А. Журавлева, Ж.Д. Капарова; под общ. Ред. Е.А. Журавлевой. – М.: Флинта: Наука, 2007. – 256 с.
7. Косериу Э. Синхрония, диахрония и история (проблема языкового изменения). 2-е изд., стереотипное / Э.Косериу. – М.: Эдиториал УРСС, 2001. – 204 с.
8. Кравченко А.В. Знак, значение, знание. Очерк когнитивной философии языка / А.В. Кравченко. – Иркутск: Издание ОГУП «Иркутская областная типография № 1», 2001. – 261 с.
9. Манакин В.Н. Сопоставительная лексикология / В.Н. Манакин. – К.: Знання, 2004. – 326 с.
10. Миронова Е.А. Типологические особенности взаимодействия вариантов полинациоанльного языка (на материале французского языка): автореф. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.19 «Теория языка» / Е.А. Миронова. – Ульяновск, 2006. – 22 с.
11. Новикова Т. Ф. Регионализмы как единицы языка с национально-культурным компонентом значения / Т.Ф. Новикова // Фразеология и когнитивистика: материалы I Междунар. науч. конф. в 2 т. – Белгород: Изд-во БелГУ, 2008. – Т. 2. – С. 256 – 262.
12. Рождественский Ю.В. Принципы современной риторики / Ю.В. Рождественский. – 3-е изд. испр. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 176 с.
13. Рудяков А.Н. Язык, или Почему люди говорят (опыт функционального определения естественного языка) / А.Н. Рудяков. – К.: Грамота, 2004. – 224 с.
14. Солнцев В. М. Вариативность как общее свойство языковой системы / В.М. Солнцев // Вопросы языкознания. – 1984. – № 2. – С. 31-43.
15. Торохова Е.А. Региональный вариант русского литературного языка, функционирующий на территории Удмуртии (социолингвистический аспект): автореф. дис. на соиск. уч. степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Е.А. Торохова. – Ижевск, 2005. – 25 с.
16. Фрей А. Грамматика ошибок: Пер. с фр. / Вступ. ст. В.М.Алпатов / А.Фрей. – М.: Комнига, 2006. – 304 с. (Женевская лингвистическая школа)
17. Шелякин М.А. Язык и человек: К проблеме мотивированности языковой системы: учебн. Пособие / М.А. Шелякин. – М.: Флинта: Наука, 2005. – 296 с.

**FUNCTIONAL VARIABILITY OF LANGUAGE AS AN OBJECT
OF STUDY IN RUSISTIC**

Dorofeev Y.V.

In recent years the attention of the Crimean specialists in Russian philology has been focused on the analysis of trends in the development of the Russian language in Exoglossic situation. In this regard, particularly relevant are the studies on the analysis of the multilingual cultural situation in Crimea and the dialogue of cultures in education and the analysis of language as a functional system that provides communication and coordination of representatives of society. The problem of interaction of languages spoken on the territory of Crimea is of particular interest since, on the one hand, the listed studies raise a number of unresolved issues and, on the other hand, it opens clear prospects of "new territories" for linguists because of unprecedented sociolinguistic transformations in Crimea today.

In this connection, the purpose of the paper is to demonstrate on the example of nominative units features of interaction of the Russian language with some other languages from the standpoint of functional functionalism and relatively different sociolinguistic situations.

In this paper the functional approach has been adopted as the basis. It has been applied as the basis by the representatives of Crimean school of functional linguistics. Therefore, in contrast to the regulatory approach the process of interaction of languages will be examined not from the point of view of what should be as a result, but what we actually observe. The Crimean specialists in Russian philology primarily raised issues associated with stratification of language outside Russia, particularly in Ukraine and Crimea. In theory, the problem of correlation of the Russian language and its variants (such as territorial, social, regional and national) was formulated relatively recently in researches of scientists from different countries (E.A. Zhuravleva, V.Y. Mikhalchenko, V.V. Dubichinskiy, A.N. Rudiakov, etc.). In recent years, this problem has not lost its relevance, as evidenced by the researches on regional peculiarities of the Russian language in Russia and abroad. Activation of social contact and the need for the expression of a new picture of the world that is typical of population of selected administrative-territorial units makes the mutual influence of Russian and other languages more profound.

Thus, the result of the development of variant forms in language is nominative interregional conformity which has different semantic capacity and reflects the social, regional and cultural fragments of the picture of the world that is common to all speakers of a given language.

Similar processes are observed in the case of changing substantial side of the nominative units borrowed from another language as well as the words, correlated with certain cultural concepts. For example, the concept of Crimea is presented in different ways, firstly, in the minds of young people and older people, and secondly, in the minds of Russian speakers in Ukraine and Russia (the region's status is disputed by Ukraine, resulting in a certain rhetoric, including the use of the name "Autonomous republic of Crimea" and preservation of the organizations like "The Prosecutor's Office of the Autonomous republic of Crimea").

Thus, language interaction process is regarded not as opposition of systems and their introduction into one another but as language interference which is pragmatically caused by speech activity. As a result, language interaction and mutual influence is regarded as a problem that is functionally and pragmatically caused by native speakers' speech activity and therefore is not regulated by the rules which define the use of language means in the speech concerning requirements of grammar and the dictionary.

Key words: Russian philology, variant, the Russian language, interaction

УДК 821.111

СЕНСОРИКА В ТВОРЧЕСТВЕ ДЖАНЕТ УИНТЕРСОН

Еримизина Е. Н., Полховская Е. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: yerimizina@mail.ru*

В статье рассмотрена сенсорная лексика, выделены ее основные компоненты. Значительное внимание уделено различным способам передачи сенсорных ощущений в романах Джанет Уинтерсон, выделены наиболее часто употребляемые из них, показаны вспомогательные изобразительно-выразительные средства речи, помогающие передать необходимые образы.

Ключевые слова: сенсорика, Джанет Уинтерсон, образ, метафора, синестезия, стилистический прием.

ВВЕДЕНИЕ

Цель исследования – изложить особенности творчества Джанет Уинтерсон с точки зрения использования перцептивных образов в ее романах. **Научная новизна** работы заключается в первую очередь в мало изученности способов передачи сенсорных образов, а также в мало изученности творчества автора в целом. **Методы и подходы:** социально-культурный подход; метод стилистического анализа; метод структурного анализа; метод символической интерпретации.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

С самого рождения человек учится и привыкает использовать пять органов чувств для познания окружающего мира. Уже много столетий назад эти органы чувств стали соотноситься с определенными символами. Например, зрение было отождествлено с орлом, слух – с оленем, осязание – с ежом, вкус – с обезьяной, а обоняние – с собакой.

С течением времени и развитием литературы писателям и поэтам стало недостаточно таких ассоциаций. В поисках более ярких описаний они пришли к созданию интересных, выразительных символов, передающих процесс и результат работы каждого из пяти органов чувств.

В связи со все более частым использованием в языке и литературе средств выражения перцепции (сенсорики), из лингвистики выделяется такая наука как лингвосенсорика или сенсорная лингвистика. Данная отрасль предполагает исследование языковой передачи показаний пяти органов чувств: зрения, слуха, осязания, вкуса и обоняния. Лингвисты-сенсорики занимаются изучением языковых и речевых сенсорных сигналов в отрывках из произведений и классических и современных авторов, заслуживающих изучения, систематизации и лексикографирования [4].

Причиной использования языка сенсорики в художественном произведении является усиление эмоциональности и художественности текста, возможность сделать зрительные образы еще более зримыми при помощи синестезии – особого способа восприятия, при котором некоторые понятия, явления, состояния

наделяются дополнительными качествами: запахом, вкусом, цветом, текстурой, звуковой тональностью и так далее.

В зависимости от того, для описания какого из пяти органов чувств используется лексика, она подразделяется на лексику *зрения*, *слуха*, *осязания*, *обоняния* и *вкуса*.

Лексика зрения. В системе перцепции зрительный канал лидирует с большим отрывом. На зрительной информации базируется практически все познание человека, весь язык. Даже простейшая номинация (например, *здание*), любой фразеологизм вызывает у человека зрительный образ, а, следовательно, тоже работает на зрение.

К частям речи, относящимся к лексике зрения, принадлежат имена существительные, имена прилагательные, глаголы, числительные, наречия. Имя прилагательное служит наиболее ярким средством выражения перцепции. По данной причине их подразделили на прилагательные цвета, формы, размера, консистенции, расположения в пространстве и скорости.

Лексика слуха. В отличие от других видов сенсорной лексики, лексика слуха не ограничивается употреблением образных имен существительных, прилагательных, глаголов, наречий и фразеологизмов. Здесь также имеет место использование междометий и такого стилистического приема как звукоподражание, которые зачастую более эффективны в передаче слухового образа. К лексике слуха также относят слова, имеющие семантику молчания, так как в некоторых случаях тишина может сказать больше, чем слово.

Лексика осязания. Тактильные образы зачастую менее заметны, так как зрение, слух и вкус приглушают информацию, получаемую кожей, а передача тактильных ощущений считается наиболее сложным. Части речи, используемые для передачи тактильных образов: имена существительные, имена прилагательные, глаголы, наречия.

Лексика обоняния. Данный вид лексики является довольно немногочисленным, опорой ему служит язык стихий, в частности стихии воздуха. Так же как и в лексике осязания, здесь задействованы существительные, прилагательные, глаголы и наречия.

Лексика вкуса. В сенсорном списке вкус занимает далеко не первое место, тем не менее, художественная литература последнего периода нередко ставит трапезу в самый центр повествования, что послужило появлению довольно широкого спектра вкусовых образов [4].

Перцептивная лексика является активным предметом использования современными авторами. С ее помощью писатель увеличивает сенсорное напряжение восприятия, создает более точный образ.

Одним из ярких и оригинальных авторов современности является Джанет Уинтерсон, чьи произведения всегда богаты изобразительно-выразительными средствами, а тематика ее произведений вызывает неоднозначные оценки критиков.

Несмотря на расхождение читателей в их взглядах на творчество писательницы, следует сказать, что язык произведений Джанет Уинтерсон всегда насыщен

образами и зачастую образы эти являются сенсорными. Автор детально передает восприятие художественного мира каждым из пяти органов чувств.

Зрительный образ – наиболее часто встречающийся образ в творчестве писательницы. Она отходит от банальных описаний, а прибегает к явному эксперименту. Больше половины ее текстов активизируют воображение читателей, снабжая его необычными сочетаниями. Зрительные образы Джанет Уинтерсон не надо выискивать, они «бросаются» на читателя с каждой страницы книги. Рассмотрим несколько таких примеров зрительной перцепции в литературе Джанет Уинтерсон.

Salts – boarded-up, sea-lashed, ship-empty, harbour-silted, and one bright light. [1]. Сольт – небольшой провинциальный городишко, но автору недостаточно такого описания, она находит яркие эпитеты, обращая внимание на детали. Используемые эпитеты заслуживают особого внимания – все они окказиональны, многие из них являются причастиями, которые пишутся через дефис.

He felt thin and empty like a dredged shell. He looked in the mirror and saw a highly polished abalone, its inhabitant gone, the shell prized for its surface. He always dressed well [1]. Человек смотрит на себя в зеркало (индикатор – «смотрит» – лексика зрения) и видит красивую, но пустую ракушку, ту, которую все ценят только за ее вид. В данном случае на лицо метафора «обитатель ракушки – душа человека», главный герой представляется читателю красивым, статным человеком, но человеком бездушным, лишенным человеческих качеств. Метафора ракушки в творчестве Джанет Уинтерсон не единична. В своем романе “Written on the body” писательница отождествляет ракушку с браком, в очередной раз говоря о сбежавшем обитателе: *It’s flattering to believe that... without you, the marriage... would have thrived on its meagre diet and if not thrived at least not shrivelled. It has shriveled, lies limp and unused, the shell of a marriage, its inhabitants both fled* [2].

Книга «Письмена на теле» является исключительным образцом примеров сенсорики всех ее видов. Одна из глав романа так и называется «Органы чувств». В ней главный герой дает подробное описание каждого из органов чувств, начиная с формального биологического определения и заканчивая закрученными определениями с употреблением подлинных метафор и сравнений.

Так, например, в следующем отрывке читатель не только видит слова, складывающиеся в предложения, не только в его голове возникают образы, но и, кажется, он способен услышать то, о чем говорит главный герой:

Their ears, more powerful than those of their keepers, pick up sounds of cars and last-hour take-aways. They hear all the human noises of distress. What they don’t hear is the hum of the undergrowth or the crack of fire. The noises of kill [2].

Снова Уинтерсон не использует простые эпитеты, а заставляет человека прибегнуть к синестезии, активизировать как слуховое, так и зрительное внимание – говорит о звуках отчаяния и убийства, о треске огня. Можно заметить, что автор говорит о звуках практически противоположных в своем психологическом влиянии на человека: звуки отчаяния – шум подлеска, звуки убийства – треск огня. Первое вносит неприятие, негатив, другое – успокаивает. Посредством такого подхода читатель оказывается балансирующим на грани «приятно-неприятно».

Сенсорика обоняния может быть рассмотрена на следующем отрывке:

I can smell her coming down the hall towards me. She is a perfumier of sandalwood and hops... She is firm and ripe, a dark compound of sweet cattle straw and Madonna of the Incense. She is frankincense and myrrh, bitter cousin smells of death and faith [2]. Здесь Уинтерсон не говорит, что девушка чем-то пахнет, а говорит, что она сама и есть этот запах. В который раз удивляет выбор лексики повествования, поражает воображение читателя – не каждый человек сможет с точностью сказать, на что похож запах сандалового дерева, ладана или мирра. Броская лексика – не единственный способ передачи образа, автор также использует метонимию, персонификацию и сравнение.

Очень интересен следующий образ, для перцепции которого необходимо задействовать зрительные, осязательные и вкусовые ощущения: *My lover is an olive tree whose roots grow by the sea. Her fruit is pungent and green. It is my joy to get at the stone of her. The little stone of her hard by the tongue. Her thick-fleshed salt-veined swaddle stone [2].*

Итак, рассмотрим данный отрывок подробнее: метафора *my lover - an olive tree* – зрительный образ, *pungent* – вкусовой, *green, little* – снова зрительный (прилагательные зрения: цвет, размер), *hard* – осязательный (в данном случае восприятие признака происходит не посредством рук, а посредством языка), *thick-fleshed, swaddle* – зрительный образ и, наконец, *salt-veined* – опять вкусовой. Как можно заметить, практически каждое слово имеет большое значение в конечном формировании конечной картины образа.

В рассматриваемом произведении имеются весьма интересные примеры передачи осязательных образов. Как и в предыдущем отрывке, в последующем «исследовании» проводится также не руками – в который раз мы убеждаемся в оригинальности Уинтерсон, ее отказе от банальности: *The lining of your mouth I know through tongue and spit. Its ridges, valleys, the corrugated roof, the fortress of teeth. The glossy smoothness of the inside of your upper lip is interrupted by a rough swirl where you were hurt once [2].*

Как видим, работы Джанет Уинтерсон – поле для изучения стилистики английского языка.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, можно сказать, что автор насыщает свои тексты изобразительно-выразительными средствами речи, а также уделяет большое внимание передаче содержания ее произведений при помощи сенсорики, которая является неотъемлемым элементом ее творчества. Для усиления эмоционального эффекта Джанет Уинтерсон использует лексику перцепции каждого сенсорного органа, а также, как было уже сказано, различные вспомогательные приемы образности: метафору, метонимию, инвертированный эпитет, эллиптические предложения, перечисление, детализацию и другое.

Список литературы

1. Winterson J. *Lighthousekeeping* / J. Winterson. – Лондон. – 2006. – 252 с.
2. Winterson J. *Written on the Body* / J. Winterson. – Лондон. – 1992. – 190 с.
3. Полховская Е.В. Учебное пособие по стилистике английского языка / Е.В. Полховская, Е.Н. Мазина. – Симферополь. – 2009. – 80 с.
4. Харченко В.К. Лингвосенсорика: Фундаментальные и прикладные аспекты / В.К. Харченко. – М.: Книжный дом: «ЛИБРОКОМ», 2012. – 216 с.

SENSORY IMAGES IN THE WORKS OF JEANNETTE WINTERSON

Yerimizina Y.N., Polkhovskaya E.V.

The article deals with the sensory interpretation of the image in the novels of Jeanette Winterson, one of the most original writers of our time. Among sensory vocabulary one can single out vocabulary of sight, touch, taste, hearing and smell. Vocabulary of sight is the most common among the others. All the human knowledge is based on the information perceived by the eyesight.

Visual image is the most common in the works of Jeanette Winterson. She digresses from conventional descriptions and resorts to obvious experiment. Most of the writer's texts activate the readers' imagination providing it with unordinary combinations. There is no necessity to seek out Jeanette Winterson's visual images, they throw themselves on the readers from each page of the books.

The most outstanding examples of the use of sensory vocabulary of all types can be seen in the book entitled "Written on the Body". One of the chapters of the book has the corresponding title "Special Senses". The chapter gives readers a detailed description of each of the sense organs starting from formal biological definition and ending with complex descriptions with the use of genuine metaphors and similies.

All the foregoing makes Jeanette Winterson's works good material for learning of stylistic, theory of poetics and literary criticism.

Keywords: sensory image, Jeannete Winterson, image, metaphor, synesthesia, stylistic device.

УДК 811.161. 2'373

СЕМАНТИЧНІ ГРУПИ ІНШОМОВНОЇ ЛЕКСИКИ В ПОЕЗІЯХ ЛІНИ КОСТЕНКО

Мезенцева К. К.

*Таврійська академія Кримського федерального університету імені В. І. Вернадського, Сімферополь
E-mail: conny94@mail.ru*

Статтю присвячено вивченню іншомовної лексики в поезіях Ліни Костенко. Особливу увагу приділено лексико-семантичним особливостям запозичень. За допомогою описового та структурно-семантичного методів складена їх семантична класифікація, у якій виділено п'ять семантичних груп та підраховано кількість іншомовних слів у відсотковому співвідношенні.

Ключові слова: іншомовна лексика, запозичення, семантика, семантична класифікація, варваризм, калька, екзотизм, іншомовне слово, запозичене слово.

ВСТУП

Аналіз процесу засвоєння іншомовної лексики українською літературною мовою передбачає насамперед дослідження творчості українських письменників, оскільки «проблема творчості письменник є складовою частиною ширшої проблеми – значення художніх творів для розвитку літературної мови взагалі» [4, с. 107].

Проблема функціонування запозичень у поезії Ліни Костенко як характерних і досить виразних елементів поетичного мовлення ще не дістала свого комплексного висвітлення, чим зумовлюється **актуальність** вивчення особливостей індивідуально-авторського стилю Ліни Костенко.

Мета дослідження: проаналізувати вживання та семантику іншомовних слів у поезії Ліни Костенко. Поставлена мета передбачає такі **завдання**: виявити іншомовні запозичення в поезії Ліни Костенко; класифікувати іншомовні запозичення за семантикою. **Матеріалом** для дослідження стали дані картотеки обсягом понад 150 лексичних одиниць. Картотека створена на основі поезій Л. Костенко, вміщених у книзі «Вибране».

ОСНОВНА ЧАСТИНА

Лексичні запозичення та інтернаціоналізми загальномовного й термінологічного характеру, використані у поетичних творах Ліни Костенко, становлять семантичну систему, що накладає відбиток на індивідуальний стиль автора. Зв'язки їх зумовлені закономірностями взаємодії між поняттями та явищами описуваної дійсності. Вивченню іншомовних запозичень присвятили чимало праць українські, російські та іноземні дослідники: Б. Ажнюк, В. Виноградов, Ю. Жлуктенко, О. Муромцева, О. Пономарів, І. Огієнко, О. Б. Ткаченко, Л. А. Булаховський.

Лексика української мови формувалася протягом тисячоліть. Сучасна лексика української мови складається з питомих, незапозичених слів, створених нашими предками, і слів, запозичених у різні періоди з інших мов.

У сучасному мовознавстві розрізняють зовнішні та внутрішні причини появи запозичень. До зовнішніх причин належать контакти між народами, зумовлені як близькістю географічного розташування, так і потребами спільного розв'язання відповідних політичних, економічних питань, культурним та науковим обміном. Суто лінгвальними причинами запозичення є:

а) потреба у поповненні, а то й створенні певної лексико-семантичної групи, недостатньо представленої або відсутньої на певному етапі розвитку тієї мови, що запозичує;

б) потреба у семантичному обмеженні питомого слова, усуненні його багатозначності;

в) вищий ступінь термінологічної визначеності запозичуваного слова, яка склалася в мові-джерелі, порівняно з наявним відповідником у мові-реципієнті .

Запозичення – звук, морфема, слово або його окреме значення, фразеологізм, синтаксична конструкція, перенесені з однієї мови в іншу, а також сам процес подібного перенесення [6, с. 179–180].

Запозичення істотно збагачують словниковий склад мови. На думку І. Ющука, запозичення полягає в засвоєнні слів однієї мови іншою [8, с. 197]. А. Залізник визначає запозичення як процес, у результаті якого в мові виникає й закріплюється певний іншомовний елемент (перш за все слово чи повнозначна морфема).

Звичайно запозичуються слова й рідше синтаксичні і фразеологічні звороти. Запозичення пристосовуються до системи тієї мови, частиною якої вони стають і часто настільки нею засвоюються, що іншомовне походження таких слів не відчувається носіями цієї мови й встановлюється лише за допомогою етимологічного словника [3, с. 158].

Канали запозичень можуть бути як усні (на слух), так і книжні (письмові) (за літерами). При усному запозиченні слово зазнає більше змін, аніж при книжному запозиченні. Якщо слово входить до мови іншого народу з одночасним запозиченням нового предмета чи поняття, то значення цього слова не міняється; але у випадку входу нового слова у якості синоніма до вже існуючого у мові слова, між цими синонімами відбувається розмежування значень та спостерігаються зсуви у первісній семантиці. Такі запозичення іноді називають проникненнями. Шляхи руху слова з одної мови до іншої можуть бути прямими або непрямыми.

З поетичних творів Ліни Костенко дібрано понад 150 іншомовних слів. Ці запозичення не є поодинокими, а становлять семантичні блоки, співвідносні з певним простором у концептуальній і мовній картинах світу. Це слова, що називають явища й реалії з різних галузей і сфер життя.

Семантична диференціація лексики – це класифікація лексики за схожістю значення. Під семантичними запозиченнями розуміється запозичення нового значення, часто переносного, до слова, яке вже існує в мові.

Серед запозичень, залежно від їхньої семантики, розрізняють варваризми, екзотизми, запозичені слова, іншомовні слова, кальки.

Варваризми

Варваризм (грец. – чужоземець) — іншомовне або створене за іншомовним зразком слово чи зворот, що не стали загальноживаними, не відповідають нормам даної мови, зберігаючи своє національно-конотативне забарвлення [Ленець 2000: 59].

Варваризми – іншомовні слова, що у певному мовному середовищі зберігають свою іноземну структурно-граматичну природу, а тому суперечать нормам даної мови [1, с. 47].

Залежно від того, якого походження слово (зворот), розрізняють латинізми (з лат.), галліцизми (з франц.), германізми (з нім.), грецизми (з грец.), полонізми (з польс.) та ін. Варваризми вживаються переважно в описах життя й побуту інших народів для відтворення місцевого колориту, назв чужих реалій, звичаїв, специфічних понять:

Ішли музики із весілля.
Цимбали, бубон і скрипаль. [2, с. 47]
Наснився мені чудернацький базар... [2, с. 34]

Використовуються також при передачі мовлення персонажа-іноземця. Часто служать засобом створення комічного ефекту, висміювання зловживань іншомовними словами. Іноді варваризми називають лише ті слова, що трапляються у писемному мовленні в чужомовній графічній передачі. Уживаються також як заголовки літературних творів («Contra spem spero» Лесі Українки, «Personagrata» М. Коцюбинського) [Ленець 2000: 59]:

Раптом... «Хау кола!»
А це по-індіанськи: «Здрастуй, брат!» [2, с. 87]

Екзотизми

Екзотизм (грец. – чужий, іноземний) – слово або вислів, запозичені з маловідомої, найчастіше несвропейської мови і вживані для надання мові особливого колориту (наприклад: чурек, сакля, аул, рикша, кулі, гамарджоба, селям алейкум) [6, с. 156].

Екзотизми – слова для позначення екзотичних, незвичайних реалій, для яких у мові немає назв (наприклад: кімоно, чалма, сакля, аул, меджліс, хурал) [1, с. 65].

У творах художньої словесності екзотизми використовуються насамперед з метою створити незвичайну, екзотичну атмосферу, яка посилює емоційне враження, а також для передавання етнографічних особливостей тієї місцевості, про яку розповідається:

Танцой, танцой, дитино!
Життя – страшна корида,
На сотню *Мінотаврів* — один *тореадор*. [2, с. 45]

Іншомовні слова

Іншомовні слова – слова з іноземних мов, які, на відміну від запозичених слів, не засвоєні повністю мовою, що їх запозичила, усвідомлюються мовцями як чужорідні й зберігають ознаки свого походження. Це виявляється як у їхній формі, так і у семантиці [6, с. 213-214].

У формі іншомовні слова відрізняє:

- більший чи менший ступінь незасвоєності мовою, в яку вони увійшли;
- можливість збереження вихідної латинської графіки на письмі;
- наявність незвичних звукосполучень; невідмінюваність, яка, проте, поступово втрачається.

У семантиці іншомовні слова характеризуються незрозумілістю або недостатньою ясністю для значної частини носіїв мови, де вони вживаються, що й викликає потребу у створенні спеціальних, словників:

... ведмеді забивають *доміно*. [2, с. 51]

...заговорив шопенівський *ноктюрн*. [2, с. 58]

В українській, як і в інших мовах світу, що запозичують слова, відбувається безперервний процес їх засвоєння, через що нерідко дуже важко провести чітку межу між ними і запозиченими словами. Проникаючи насамперед у склад спеціальної лексики й термінології, іншомовні слова з часом у зв'язку з набуттям ними популярності засвоюються усіма носіями запозичаючої мови. Це поступово перетворює їх на запозичені слова. Коло мов-джерел іншомовних слів значно ширше, ніж у запозичених.

Крім латинської й грецької мов, а також сучасних європейських мов (англійської, французької, німецької, італійської, звідки запозичено багато іншомовних слів для творення термінів різних галузей науки, техніки, мистецтва), до складу іншомовних слів української мови входять слова з мов народів колишнього СРСР та інших мов світу:

«І не було на вербах *телефону*...» [2, с. 37]

Запозичені слова

Запозичені слова – іншомовні слова, цілком засвоєні мовою, що їх запозичила. Запозичені слова не сприймаються мовцями як чужорідний елемент і не потребують пояснень щодо форми і значення. На відміну від іншомовних слів, які розглядаються у спеціальних словниках, запозичені слова подаються у загальних словниках разом з питомою лексикою [6, с. 179].

Запозичені слова – слова, що вже повністю фонетично й граматично пристосувалися до української мови. Наприклад, у запозичених колись словах дріт, колір, папір, як і в незапозичених, відбувається чергування голосних; колишнє французьке слово пальто відмінюється, як і будь-яке українське: пальта, у пальті і т. д. Не відчуваємо іншомовного походження й у запозичених словах левада, лиман, базар, кавун [1, с. 66].

Найдавніша частина запозичених слів в українській мові сягає ще праслов'янського періоду і тому має відповідники в інших слов'янських мовах. Відомі запозичені слова цього періоду походять з готської або діалектів прагерманської мови чи запозичені через давні германські мови з латинської або грецької мови:

Опускаюсь на землю,
на сизий *глобус* капусти. [2, с. 43]

До пізніших запозичень належать слова, успадковані українською мовою із східнослов'янських протоукраїнських говірок, що мають, як правило, відповідники в російській і білоруській або в одній з цих мов. З давньоруського періоду в українській мові існує низка запозичених слів, що походять з церковнослов'янської, середньо грецької, тюркських або монгольської мов:

Наснився мені чудернацький *базар*... [2, с. 34]
Благословенна кожна мить життя... [2, с. 7]

Найголовнішим джерелом лексичних запозичень, пов'язаних з поняттями загальноєвропейської культури, науки, державного управління, права й політики, для української мови, як і всіх європейських, були та залишаються і досі мови латинська і грецька (театр, телеграма, техніка, політика). Крім німецьких, найбільше запозичених слів до української мови проникло з таких європейських мов, як з французької та з англійської:

І кожен *фініш* – це, по суті, *старт*... [2, с. 13]
Будую мовчання, як зал *філармонії*... [2, с. 62]

Калька

Калька (франц. – копія) — слово, його окреме значення, звороти, запозичені з інших мов шляхом буквенного перекладу (як правило, за частинами) [1, с. 227-228].

Калька – утворення нового фразеологізму, слова або нового значення слова шляхом буквального перекладу відповідної іншомовної мовної одиниці [3, с. 211].

Кальки виникають як реакція носіїв мови на різке збільшення кількості прямих запозичень. Співвідношення кальок і прямих запозичень у різних мовах різниться. У деяких мовах калькування чи не єдиний спосіб засвоєння іншомовної лексики.

Калькування – процес творення нових слів, словосполучень, фразеологізмів, при якому засвоюється лише значення та принцип організації іншомовної одиниці, що передається засобами (морфемами, словами) даної мови. Однослівні кальки поділяються на словотвірні і семантичні, утворені завдяки семантичному перенесенню за іншомовним зразком. Неоднослівні кальки формуються на основі:

- а) однослівних номінативних одиниць (словосполучень) мови;
- б) складних слів.

Існує багато фразеологічних кальок:

... лиш я світила вікнами в
бульвар.(з фр. boulevard) [2, с. 58]
... у хмарі, що як *профіль* і як лебідь. (з фр.profil) [2, с. 48]

В окрему групу об'єднують напівкальки — проміжний тип між запозиченнями і кальками, що поєднують у собі особливості перших і других. При цьому одна частина слова запозичується матеріально, а інша калькується:

... на білі *вальси* радісних беріз.(з фр. valse) [2, с. 51]
Наснився мені чудернацький *базар*...(з перс. bazar) [2, с. 34]

В українській мові кальки формувалися під впливом багатьох мов: давньогрецької (милозвучний, православний, Волопас, Мала Ведмедиця, Молочний Шлях), латинської (милосердя – Misericordia), німецької (буття – Sein, річ у собі – Dingansich), польської (вірогідний – wiarogodny) та ін. Багато словотвірних кальок виникло в українській мові під впливом російської ще в минулі століття, а особливо у радянський період.

ВИСНОВКИ

Найбільше багатство кожного суспільства – його мова, а в мові – її словниковий склад. Лексика української мови формувалася протягом тисячоліть. Вона і зараз перебуває в постійному процесі оновлення, поліпшення й удосконалення.

Широко використовує у своїх творах іншомовні слова Ліна Василівна Костенко. Її поезія досліджується вже багато років різними вченими. Пізнання творчості кожного великого письменника потребує розгляду його творів у різних аспектах. Стосується це і Ліни Костенко. Ми розглянули іншомовні слова, відібрані методом суцільної вибірки з поезій Ліни Костенко у таких аспектах: з погляду їх семантичного значення; з погляду їх походження.

Таким чином, ми встановили, що з погляду семантики запозичену лексику можна поділити на варваризми, екзотизми, запозичені слова, іншомовні слова, кальки. За допомогою кількісного методу ми встановили, що найчисленнішу групу становлять кальки – 45%. Отже, іншомовні слова є одним із важливих компонентів лексичного складу української мови. Адаптувавшись у мові поширення, збагачують її словесний арсенал.

У перспективі планується створити картотеку іншомовних слів, дібраних не тільки з поетичних творів, а й з прозових, тому що проза Ліни Костенко є взагалі малодослідженою, та розглянути такі мовні одиниці з точки зору функціонального та стилістичного аспектів.

СЕМАНТИЧНІ ГРУПИ ІНШОМОВНОЇ ЛЕКСИКИ
В ПОЕЗІЯХ ЛІНИ КОСТЕНКО

Список літератури

1. Великий тлумачний словник сучасної української мови [Електронний ресурс] / Режим доступу: <http://sum.in.ua/>
2. Костенко Л. Вибране / Ліна Костенко. – К. : Дніпро, 1989. – 671с.
3. Нечволод Л. І. Сучасний словник іншомовних слів / Любов Іванівна Нечволод. – Харків : ТОРСІНГ ПЛЮС, 2007. – 768 с.
4. Пилинський М. М. Мовна норма і стиль / Микола Пилинський. – К. : Наукова думка, 1976. – С. 107.
5. Словник іншомовних слів / уклад. С. М. Морозов, Л. М. Шкарпуга. – К. : Наук. думка, 2000. – 786 с.
6. Ткаченко О. Б. Запозичення / О. Б. Ткаченко // Українська мова : енциклопедія. – К., 2000. – С. 179–180.
7. Шмелев Д. Н. Очерки по семасиологии русского языка / Д. Н. Шмелев. – М., 2003. – 114 с.
8. Ющук І. П. Українська мова / Іван Пилипович Ющук. – К. : Либідь, 2003. – 640 с.

**СЕМАНТИЧЕСКИЕ ГРУППЫ ИНОЯЗЫЧНОЙ ЛЕКСИКИ
В ПОЭЗИЯХ ЛИНЫ КОСТЕНКО**

Мезенцева К. К.

Иноязычная лексика украинского языка на примере поэзий Лины Костенко. В начале основной части поданы теоретические сведения о заимствованных словах в украинском языке. Далее особое внимание уделено лексико-семантическим особенностям заимствований. Детально изучены семантические группы иноязычной лексики. С помощью описательного и структурно-семантического методов составлена их семантическая классификация, в которой выделено пять семантических групп и подсчитано количество иноязычных единиц в процентном соотношении.

Ключевые слова: иноязычная лексика, заимствование, семантика, семантическая классификация, варваризм, экзотизм, калька, иноязычное слово, заимствованное слово.

**SEMANTIC GROUPS OF FOREIGN LANGUAGE VOCABULARY
IN LINA KOSTENKO'S POETRIES**

Mezentseva C. K.

The article describes and analyzes foreign language vocabulary of the Ukrainian language by the example of Lina Kostenko's poetries. At the beginning of main part are served theoretical information about foreign words in the Ukrainian language. Next, special attention is paid to lexico-semantic peculiarities of borrowings. Studied semantic groups of foreign language vocabulary. Using descriptive, structural and semantic methods compiled their semantic classification, in which identified five semantic groups and counted the number of foreign language units in percentage.

Keywords: foreign vocabulary, borrowed word, borrowing, semantics, semantic classification, barbarism, exoticism, tracing paper, foreign word.

References

1. Kostenko L. V. *Favorites*, 671 p. (Kiev, Dnipro, 1989).
2. Nechvolod L. I. *Modern dictionary of foreign words*, 768 p (Kharkov, 2007).
3. Tkachenko A. S. *Borrowings*, p. 179-180 (Kiev, 2000).

УДК 811.161.1 '373.611

АДЪЕКТИВЫ НА *-МОРФНЫЙ*, *-ФОРМНЫЙ*, *-ОИДНЫЙ* СО ЗНАЧЕНИЕМ ПОДОБИЯ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Петров А.В.

*Таврическая академия Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского,
Симферополь
E-mail: liza_nada@mail.ru*

В статье исследуются семантическая структура имён прилагательных с формантами *-морфный*, *-формный* и *-оидный*, развивающие значение подобия; отмечается их связанность с терминосистемами; обосновывается периферийное положение адъективных производных в структуре семантического поля с инвариантом *похожий на...* Отрезки *-морфный*, *-формный* и *-оидный* являются суффиксоидами, поскольку производные единицы соотносятся с перифразой «такой, который похож, напоминает то, что названо первой основой». Суффиксоиды представлены морфемным комплексом, состоящим из заимствованных морфем корневого происхождения и исконного суффикса *-н-*. Терминологический характер адъективных производных обуславливает их функционирование в конструкциях с всеячим дефисом.

Ключевые слова: адъективы, суффиксоиды *-морфный*, *-формный*, *-оидный*; внутренняя валентность суффиксоидов, заимствованные и исконные основы, значение подобия, семантическая категория подобия, семантическое поле подобия, ядро и периферия семантического поля.

ВВЕДЕНИЕ

Исследование семантических категорий как универсальных категорий лежит в основе функциональной грамматики, развиваемой А. В. Бондарко и его школой. В систему основных семантических категорий входит и категория подобия, которая не получила достаточного описания в лингвистике. В исследованиях по функциональной грамматике русского и украинского языков единицы со значением подобия, как правило, рассматриваются в рамках функционально-семантического поля компаративности.

Анализ литературы. По мнению В. П. Мусиенко, «функциональная лингвистика в наши дни – это по преимуществу лингвистика семантических категорий и функционально-семантических полей» [15, с. 5]. Важной задачей является разработка методики функционального исследования словообразовательной системы языка. Значимый вклад в решение этой проблемы внесли Г. С. Зенков, Е. А. Карпиловская, Н. Ф. Клименко, И. И. Ковалик, Р. З. Мурясов, З. И. Резанова, однако основные направления в теории функциональной дериватологии пока только намечены. Функциональное описание словообразовательного яруса может быть достигнуто при условии установления приоритета деривационного значения и средств его выражения в производных различных частей речи.

Словообразовательные средства выражения семантической категории подобия специфичны для имён прилагательных, наречий, глаголов и существительных, дериваты образуются по различным словообразовательным моделям. Например, многие исследователи относят постпозитивные элементы *-видный*, *-образный*, *-подобный* к формальным показателям подобия в адъективах (ср.: *шаровидный*,

шарообразный, шароподобный) [1; 19; 24]. К этому ряду словообразовательных средств могут быть также причислены форманты *-формн(ый)* и *-оидн(ый)*, которые не подвергались специальному исследованию.

Цель статьи – исследовать семантическую структуру адъективов с формантами *-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)*, определить их место в семантическом поле с инвариантом *похожий на...*

В соответствии с поставленной целью необходимо решить следующие **задачи**:

1. Определить состав и статус морфемных комплексов *-морфный*, *-формный* и *-оидный*.

2. Выявить внутреннюю валентность адъективов и охарактеризовать специфику препозитивных основ композитов.

3. Установить синонимические связи морфемных комплексов *-морфный*, *-формный* и *-оидный*.

Картотека языковых фактов была составлена на базе словарей, справочников «Новое в русской лексике: Словарные материалы (1988–1993)» (НРЛ) и Интернет-источников.

1. СОСТАВ И СТАТУС ФОРМАНТОВ -МОРФНЫЙ, -ФОРМНЫЙ, -ОИДНЫЙ

В. Г. Гак сближает отрезки *-морфный* и *-формный* с русскими суффиксоидами. По его мнению, «в языках формируются словообразовательные средства для создания метафорических номинаций. Такими являются различные способы выражения сравнения, уподобления, например, в русском языке: *-образный*, *-видный*, *-морфный*, *-формный*... В таком языке, как французский, возможно использование заимствованных суффиксов уподобления: *-morphé*, *-forme*, но собственно французское словообразование подобных средств не использует, замещая их аналитическими конструкциями...» [3, с. 13].

Э. А. Григорян, исследуя переход корневых компонентов сложных слов в словообразовательные аффиксы, считает, что наиболее значимым признаком движения морфемы от корневой к аффиксальной является «семантическое отчуждение, частичная потеря полнозначной семантики» [5, с. 5]. Подчеркнём, что учёный проводил исследование на материале русского языка, полученные выводы не могут распространяться на все заимствованные словообразовательные средства, хотя предложенная методика применяется при анализе некоторых заимствованных морфем, например, морфемы *-оид-* [13].

Рассматриваемые нами в адъективах постпозитивные компоненты *-морфный*, *-формный*, *-оидный* имеют гибридную природу, представлены заимствованными, транслитерированными корневыми морфемами в единстве с исконным суффиксом *-н-*. Лексические единицы с позиций синхронного словообразования относятся к условно членимым.

К формантам *-морфн(ый)*, *-формн(ый)*, *-оидн(ый)* неприменим признак «семантического отчуждения». Мы относим названные морфемные комплексы к суффиксоидам на основании их семантического сближения с русскими функционально смешанными морфемами *-образный* и *-видный*, что подтверждается

лексикографической практикой и контекстами. В словарях иностранных слов основа «...морф, ...морфный [< гр. morphē форма] определяется как вторая составная часть сложных слов, обозначающая: относящийся к форме, виду, образу, напр.: *антропоморфный*» [22, с. 331], а *-formis* в конце слова употребляется в значении *-образный, -видный* и переводится русскими суффиксоидами *-видный, -образный*, а также через *подобный*: *Alaefórmis* – крылоподобный, *Digitofórmis* – пальцеобразный, *Cubifórmis* – кубовидный, *Crucifórmis* – крестообразный и др. [17, с. 97].

В контекстах транслитерированные образования на *-морфный* часто синонимизируются с композитами, имеющими в своём составе суффиксоиды *-видн(ый), -образн(ый)* и компонент *-подобный* (синоним отмечается в скобках, а также оформляется с помощью пояснительного союза *или*), и соотносятся с перифразой ‘такой, который похож, напоминает то, что названо первой основой, или подобен тому, что названо препозитивой основой’: *Большинство божеств имело антропоморфный облик; лишь у некоторых имелись **офиоморфные** (змеевидные) и **териоморфные** (зверовидные) черты*: //http://mesoamerica.narod.ru; **Орнитоморфная** металлопластика (*птицевидные* идола из меди и бронзы) получила широкое распространение в Урало-Западно-Сибирском регионе: //http://kulturologia.ru; *Падающий вниз (на добычу) сокол – это **орнитоморфная** (птицеобразная) стилизация трезубца, который до Владимира был более примитивным двузубцем*: //http://twow.ru; *Нагваль – в мифологии индейцев толтеков дух-хранитель, **териоморфный** двойник (звероподобный ангел-хранитель)*: //http://ramta-ezoterika.ru; *Изобразительные мотивы из фантастических и реальных зверей и птиц или отдельных частей их фигур (конских голов, оленьих рогов) образуют **зооморфный, или зверообразный, орнамент, известный в народном ткачестве и вязании. Антропоморфный, или человекообразный, орнамент состоит из женских и мужских фигур или полуфигур. Он чаще всего встречается в русской вышивке***: //http://allforchildren.ru.

В терминосистемах русского языка функционируют также аффиксы с формантом *-оидн-*, который состоит из адаптированной основы греческого слова *eidos* ‘вид, образ’ и исконного суффикса *-н-*. Следовательно, по своему происхождению *-оидн-* является корневой морфемой, называющей основание сравнения – компонент С логической схемы сравнения. При этом регулярное употребление корня в определённых значениях привело к обобщению значения. В русистике формант *-оидн-* принято рассматривать как суффикс². В украинистике

² Традиция относить производные с суффиксом *-оидн-* к дериватам со значением подобия восходит к Грамматике-70 [4, с. 120–141] и Грамматике-80 [21, с. 265]. И. Г. Милославский приводит данную модель как типичный пример выражения словообразовательного значения подобия [14, с. 90].

Е. А. Земская высказывает следующую точку зрения: «В русском языке имеется лишь один суффикс со значением подобия – заимствованный суффикс *-оидн-*, который обнаруживает активность в сфере специальной терминологии [6, с. 162].

он определяется как суффиксоид [9, с. 73]. В настоящем исследовании элемент -оидн- квалифицируется как суффиксоид, поскольку производные единицы соотносятся с перифразой 'такой, который похож, напоминает то, что названо первой основой'.

2. АДЪЕКТИВЫ С СУФФИКСОИДОМ -МОРФН(ЫЙ)

Как показывают наблюдения, суффиксоид *-морфн(ый)* сочетается с субстантивными и адъективными основами. При сочетании с субстантивными основами, как правило заимствованными, неосвоенными, реализуется «сравнительное» значение и суффиксоид синонимизируется с компонентами *-видный, -образный* или *-подобный*.

Ср.: *антропоморфный* [гр. anthrōpomorphos – человекообразный, уподобленный человеку] (*антропоморфные обезьяны* – человекообразные обезьяны), *ихтиоморфный* [гр. ichthys рыба] (*ихтиоморфные фигурки* – рыбообразные человеческие фигурки), *орнитоморфный* [< гр. ornīs (ornītos) птица] (орнитоморфная символика / фигурка; орнитоморфный код / мотив / орнамент / узор), *териоморфный* [гр. thērion зверь] (*териоморфные изображения* – звероподобные изображения), *астроморфный* [< гр. astron звезда]: **Астроморфный** характер планировки собора [Собора Парижской Богоматери]. Существует гипотеза, что прототипом при планировке собора послужило созвездие Ориона: [//http://blogs.privet.ru](http://blogs.privet.ru), *Красно- и чёрнофигурная вазопись античного периода свидетельствует о проявлении внимания к антропологии, а плакаты и упаковка эпохи модерна – об актуальности флороморфных мотивов*: [//http://stroibrus.ru](http://stroibrus.ru); *К невербальным знакам в дискурсе ландшафтного дизайна мы относим колороморфные, топоморфные и фитоморфные знаки*: [//http://dropdoc.ru](http://dropdoc.ru); *Например, дендроморфную структуру имеет наша с вами кровеносная система, нервные клетки, если брать “неживые“ предметы, например камни, то и в них встречаются древовидные рисунки и ещё многое-многое другое*: [//http://www.aworld.ru](http://www.aworld.ru), но *дракономорфный* [< гр. drakōn змей, основа освоена русским языком] (дракономорфные существа).

В сниженной разговорной речи наблюдается использование лексемы *дендроморфный* в значении «тупой»: так переосмысливается компонент *дендро-*, который переводится с греческого языка как дерево: *Забавно, но мне не так давно один дендроморфный собеседник утверждал о невероятной набожности Сталина*: [//http://kastyan76.livejournal.com](http://kastyan76.livejournal.com); *Как можно с таким дендроморфным бывшим военным вообще диалог вести?*: [//http://pravda-mlm.ru/index.php?topic=3251.390](http://pravda-mlm.ru/index.php?topic=3251.390).

Близкую семантику передаёт субстантив *дендроидность* в следующем контексте: *Если и после этого вы не услышите, ну что ж – это ваша проблема отрицания реальности... Или дендроидность?*: [//http://mir-cnc.ru/topic/135-вопрос-по-импорту-рельефа-в-...](http://mir-cnc.ru/topic/135-вопрос-по-импорту-рельефа-в-...)

При сочетании с адъективными и отчасти субстантивными основами суффиксоид *-морфн(ый)* актуализирует не сравнительное, а этимологическое значение корня 'имеющий вид'. Ср.: *ксероморфный* [< гр. xēros сухой] (ксероморфные признаки растений – «черты внешнего строения растений сухих

местообитаний, препятствующие избыточному испарению и потере воды» [//http://murman.ru/flora/vocabulary/sreda.shtml](http://murman.ru/flora/vocabulary/sreda.shtml)), *гигроморфный* [< гр. hygros влажный] (гигроморфные признаки растений); *мезоморфный* [< гр. mesos средний, промежуточный] (*мезоморфный тип – средний (и наиболее частый) тип телосложения человека*: [//http://dic.academic.ru](http://dic.academic.ru)); гидроморфный [< гр. hydōr вода, влага] (гидроморфные почвы); галоморфный [< гр. hals (halos) соль] (галоморфные почвы): *Гидроморфные почвы – это большая группа почв, формирующаяся в условиях избыточного увлажнения по сравнению с нормальным для плакорных пространств данной природной зоны увлажнения*: [//http://cozyhomestead.ru](http://cozyhomestead.ru); *Галоморфные почвы – группа почв, в образовании которых участвуют процессы, связанные с присутствием, миграцией и накоплением легкорастворимых солей*: [//http://pochvovedenie.academic.ru](http://pochvovedenie.academic.ru).

В «Обратном словаре русского языка» отмечены пять лексем с компонентом -морфный – *антропоморфный, зооморфный, диморфный, изоморфный и полиморфный*, последние три адъектива относятся к узкоспециальным терминам; лексические единицы на -формный не отражены в этом лексикографическом издании [18].

Исследуя лексем на -морфный, О. А. Лапшина отмечает, что «...образования с компонентом -морфный сочетаются с лексемами *узор, орнамент, символика* и т. п. С нашей точки зрения, в таких сочетаниях лексические единицы не имеют значения подобия, а обозначают ‘нечто включающее изображение или элементы того, что обозначено производным словом’» [12, с. 442].

Мы не разделяем предложенную точку зрения, поскольку при описании различных узоров и орнаментов композиты с суффиксоидом -морфн(ый) синонимизируются в контекстах с исконными единицами со значением подобия; ср.: *В течение последних пяти лет собираю картинки с изображениями сирен и “сиреноподобных” (а если ещё шире – орнитоморфных, “птицеподобных”) существ: хочется сравнить, как их представляли в различных мировых культурах*: [//http://kalinzar.livejournal.com](http://kalinzar.livejournal.com); *В зооморфном (зверообразном) орнаменте присутствуют стилизованные изображения животных*: [//http://myshared.ru](http://myshared.ru); *Существует несколько видов орнамента: геометрический, растительный, зооморфный (зверообразный), антропоморфный (человекообразный), геральдический*: [//http://solbiblfil2.ucoz.ru](http://solbiblfil2.ucoz.ru).

К тому же изображение животных, человека, растений в орнаменте является стилизованным, что подчёркивается в контекстах. Стилизация, в свою очередь, предполагает элементы подобия: *Зооморфный орнамент – декор, построенный на повторении изображений животных (реальных и фантастических), чаще всего стилизованных*: [//http://galamosaic.ru/ru/mediateka/detail.php](http://galamosaic.ru/ru/mediateka/detail.php); *Антропоморфный орнамент в качестве мотивов использует мужские и женские стилизованные фигуры или отдельные части тела человека*: [//http://ornament.su/blog/item/ornament.html](http://ornament.su/blog/item/ornament.html); *Антропоморфный, или человекообразный, орнамент состоит из женских и мужских фигур или полуфигур*: [//http://](http://)

Зафиксированы композиты, в которых формант сочетается с исконной основой: *Бросается в глаза его [Блока] фантастическая схожесть с изображениями Иисуса Христа, такие портреты так и называются – христоморфными. В то предельно политизированное время ни один скульптор не решился бы создать этот эффект искусственно. Он возник сам:* <http://ukrday.com/zdorove/novosti.php?id=98893>.

Часть адъективов относится к терминам геологии: *литоморфный* [< гр. lithos камень] 'подобный твердой глиняной породе' (литоморфный рельеф), *пелитоморфный* [< гр. pēlos глина] (пелитоморфные известняки); к философским терминам: *антропоморфный, космоморфный, натуроморфный, социоморфный, техноморфный* и др. Ср.: *Пять предфилософских моделей космоса – тератоморфная, фитоморфная, зооморфная, антропоморфная и техноморфная – не стоят друг от друга особняком:* <http://abuss.narod.ru>; *Живые организмы всё чаще рассматриваются в антропоморфных (уподобляющих человеку) и социоморфных (уподобляющих человеческому обществу) категориях:* <http://www.erudition.ru>; *Более высокая вера в Бога может возродиться, когда она станет более духовной и освободится от ложных космоморфных и социоморфных мифов о Боге, которыми проникнуто традиционное учение о Промысле:* <http://www.jourclub.ru>.

Терминологический характер производных обуславливает их функционирование в конструкциях с висячим дефисом. Ср.: *В вышивке Буковины сохранились архаические черты антропо-, зоо- и орнитоморфного орнаментов:* <http://free.msoffice.com.ua>; *В XV–XVI вв. время превращается в один из главных объектов философских рефлексий гуманистов, популярными становятся архаичные антропо- и зооморфные образы времени, актуализируется проблема борьбы со временем и т. д.:* <http://textfighter.org>; *Распространённый приём – флоро- и дендроморфное портретирование возлюбленной: нарциссы (глаза), тюльпаны (щеки), гиацинты и фиалки (кудри), шиповник (румянец на щеках), кипарис, самшит (стройный стан)...* <http://literary.ru>; *Двойственность первобытного сознания выразилась не только в двойственной антропо-зооморфной (или антропо-фитоморфной) природе упомянутых выше мифических образов, но и в том, что они объединили в себе начала жизни и смерти:* <http://aboriginals.narod.ru>; *В кубанской рушниковой вышивке, так же как и в украинской, центральное место занимают фитоморфные и растительно-орнитоморфные мотивы:* <http://www.experts.in.ua>.

Производные функционируют также в лингвистической терминологии при классификации метафор: *биоморфная / природоморфная / социоморфная метафора*. Ср.: *...здесь присутствуют практически все основные типы семантического переноса, за исключением машинной (технической) и социоморфной метафор: метафора биоморфная (антропо-, зооморфная и ботаническая), метафора реиморфная (предметная) – собственно «вещная», метафора пространственная и синестезия:* <http://www.gumilev.org>.

3. АДЪЕКТИВЫ С СУФФИКСОИДОМ -ФОРМН(ЫЙ)

В отличие от компонента *-морфн(ый)* суффиксоид *-формн(ый)* сочетается только синоязычными основами, что свидетельствует о недостаточной его освоенности. Адъективы относятся

а) к медицинским терминам: *шизофреноформный* ‘похожий по форме на шизофрению’ (шизофреноформное расстройство), *истероформный* и *истериформный* ‘похожий на истерический’ (истероформный синдром), *эпилептиформный* ‘похожий на эпилептический’ (эпилептиформный припадок): Как известно, *эпилептиформные* припадки довольно часто встречаются у представителей вида *Canis familiaris* (Собака домашняя): //http://taivest-kennel.ucoz.ru; Психоз *шизофреноподобный (шизоформный)* некоторыми своими проявлениями сходен с шизофренией (чаще всего имеется в виду галлюцинаторно-параноидная шизофрения): //http://vocabulary.ru; **Истероформный**, или *истероподобный*, синдром чаще в форме *аффективно-моторных* и *аффективно-вегетативных* припадков возникает вне связи с психотравмирующими факторами: //http://legalsvit.com.

Сочетание *истериформный* синдром имеет синонимичную образную номинацию – *гистриоформный* синдром – от лат. *histrionis* (histrionis) – актёр (в Древне Риме) [22, с. 136], что согласуется с характером его протекания: **Истероформный синдром** проявляется в эмоциональной неустойчивости, «театрализации» и демонстративности аффективных проявлений: //http://bekhterev.ru; В рамках *шизотипических* расстройств *гистриоформный (истериформный)* синдром характеризуется постепенным развитием и преобладанием негативных изменений, сопоставимых с *психопатоподобным* дефектом: //http://mydocx.ru;

б) к биологическим терминам: отряд клещи *паразитоформные* (Parasitiformes), надотряды клещей: *акариформные* [гр. *akari* клещ], *опилоакариформные*. Ср.: К *акариформным* клещам относятся *саркоптиформные* (Sarcoptiformes) (*панцирные* клещи, *амбарные*, *волосяные*, *перьевые*, *чесоточные* и др.) и *тромбидиформные* (Trombidiformes) (*паутинные* клещи, *водяные* клещи, *краснотелки*, *железницы*, *галловые* клещи и др.): //http://enc.lib.rus.

4. АДЪЕКТИВЫ С СУФФИКСОИДОМ -ОИДН(ЫЙ)

Носителям языка известна морфема *-оидн(ый)* и её синонимы, однако возникает проблема выбора из деривационного ряда того или иного форманта в конкретных случаях номинации, о чём свидетельствует фрагмент из одного форума любителей русской словесности (Раздел русского языка, июнь 2010 года). Для обсуждения предложена тема: «Как правильно употребить *овчароидный* или *овчаристый*?»

•«Морфема *-оидн(ый)* означает ‘подобный чему-то, похожий на что-то’, её можно заменить на *-видный* или *-подобный*, например, *монголоидный* – *монголови́дный*, т. е. по внешнему виду – как монгол. Таким образом, *овчароидный* – *овчароподобный*, *похожий на овчара*».

•«И всё же в разговорном языке я бы употребляла именно *овчаристый* (как *пуделистый*), а в литературном языке подобным прилагательным не пользовалась (*похож на овчарку*, и только): //http://rusforus.ru.

Таким образом, мнения участников форума разделились, при этом каждый обосновал свою точку зрения с опорой на синонимические преобразования. Важно отметить, что носители языка чувствуют стилевую дифференциацию анализируемых производных слов и предлагают использовать не то или иное слово, а описательное выражение.

От адъективов с формантом *-оидн-* необходимо отличать производные, которые образовались от существительного на *-оид-* при помощи суффикса *-н-*: *истероид* – *истероидный*, *онейроид* – *онейроидный*, *эпилептоид* – *эпилептоидный* и др. Ср.: **Истероид** (греч. *hystera* матка + греч. *eides* подобный, похожий). Обозначение *истериформных состояний*, внешне по клиническим проявлениям напоминающих *истерию*, но обусловленных другим заболеванием: //http://wiki.ru; Главная черта **истероидного** типа личности – эгоцентризм, ненасытная жажда внимания окружающих к своей особе, потребность вызывать удивление, восхищение: //http://bib.social; На первых этапах развития **онейроида** отмечаются нарушения сна, затем появляется бред инсценировки: //http://scorcher.ru; **Онейроидный синдром** – это разновидность психического расстройства, при которой человек путает реальность с галлюцинациями, подобными грёзам (в переводе с греческого языка термин «онейроид» означает «имеющий вид сновидения»): //http://prosindrom.com; **Эпилептоид** не в силах управлять своими вспышками агрессии. **Эпилептоид** боится всего, что предполагает излишнюю информационную нагрузку: //http://lie-emotions.com.ua; **Эпилептоидный** человек рисунком своего характера в чём-то напоминает больного эпилепсией: //http://bookap.info; Название «**эпилептоидный**» было дано на основании сходства с изменениями личности, которые наступают у некоторых больных эпилепсией: //http://e-reading.club.

В лексикографических источниках лексические единицы с формантом *-оидн-* переводятся при помощи суффиксоидов *-видн(ый)* и *-образн(ый)*, а также слова-компонента *подобный*: *Амебоидеус* – амебовидный, амебоподобный; *Дискоидеус* – дискообразный, *Остоидеус* – восьмиобразный, *Стилоидеус* – шиловидный, *Туреидеус* – щитовидный и др. [17].

Адъективы являются медицинскими и биологическими терминами: *астмоидный* (астмоидное состояние), *гриппоидный* (гриппоидный синдром), *лейкемоидный* [гр. *leukos* белый] (лейкемоидные реакции), *лихеноидный* [лат. *lichen* лишайник] (лихеноидный хронический дерматоз), *миелоидный* [гр. *myelos* (костный) мозг] (миелоидная реакция), *неврозоидный* (неврозоидный синдром), *остеоидный* [< гр. *osteon* кость] (остеоидная ткань), *полипоидный* (полипоидная опухоль), *амёбоидный* (амёбоидные животные), *зеброидный* (зеброидные отметины). Ср.: **Амёбоидный** – похожий на амёбу; такие животные, которые движутся и питаются подобно амёбам, поглощая пищу своим телом: //http://www.inslov.ru; Что понимается под **астмоидными** синдромами? Это состояния, по внешним проявлениям похожие на астматические приступы:

//http://medkarta.com; **Лейкемоидные** реакции – патологические изменения состава крови, сходные с картиной крови при лейкозах: //http://medn.ru; **Полипоидный** (Polypoid) – напоминающий по своему внешнему виду полип: //http://medinfa.ru; Мулица 2,5 года, 115 см в холке, саврасая с **зеброидными** отметинами, арабизированная голова, длинные ноги: //http://www.prokoni.ru; Рыба типичного «**зеброидного** строения»: //http://aquatek.narod.ru; **Фунгоидный микоз** – хронически текущая неоплазма кожи. Название заболевания закрепилось исторически и происходит от того факта, что в далеко зашедших случаях опухоль напоминает гриб, растущий над поверхностью кожи: //http://oncoportal.net>illness/seek/id/141.html; **Ревматоидный артрит** – очень актуальная проблема современной ревматологии. Это системное заболевание, поражающее соединительную ткань: //http://bezboleznej.ru; **Дискоидный мениск** – это аномалия развития, при которой мениск имеет дискоидную форму: //http://radiographia.ru.

Лексическая единица **дискоидный** входит в составной термин **дискоидная красная волчанка**. В то же время производное функционирует и вне медицинской сферы в значении ‘формой подобный диску’ (**дискоидные образования в атмосфере, дискоидные облака**): Наблюдали **дискоидные** облака в Горно-Алтайске: //http://pulse.webservis.ru; **Дискоидные** (линзовидные, лентиккулярные) облака – это термин, обозначающий довольно редкое природное явление, напоминающее пресловутую «летающую тарелку»: http://www.spletnik.ru.

Сфера употребления отдельных производных с формантом **-оидн-** охватывает также газетно-публицистический стиль: **фашистоидный** (**фашистоидные тенденции**), **дебилоидный** ‘подобный дебилу, ограниченный, недалекий (газ.-публ.)’ (НРЛ-91). В результате контаминации слов **фашизм** и **шизоидный** сниж. «шизофренический» [фа(шизм) + шизоидный] образовалось коннотативно окрашенное производное **фашизоидный** со значением ‘сочетающий в себе фашистские замашки с помрачением рассудка (газ.-публ.)’ (НРЛ-93): **фашизоидный проект / тип личности / уклон, фашизоидная психология / риторика, фашизоидные идеи / настроения / тенденции**; Термин **фашизоидный**, так же как и сам термин «авторитарная личность», принадлежит Фромму: //http://www.gumer.info. Прилагательное входит в окказиональное сочетание **фашизоидная оптика**: Нарисованная мной пессимистичная картина проимперского настоящего в современном искусстве, которую я называю **фашизоидной оптикой**, на самом деле, конечно, является достаточно закономерным этапом в развитии художественной и, прежде всего, социальной ситуации: //http://xz.gif.ru>numbers/73-74/parshikov/.

На базе адективов образуются абстрактные имена на **-ость**. Ср.: **Весь мир сейчас – сплошной оксюморон** Плюс «**дебилоидность**» обычного сюжета: **С довольной мордой раскрутить планету И наслаждаться видом похорон**: //http://stihi.ru; Известная «**фашизоидность**» как в самом режиме, так и в личности генерала **Пиночета**, несомненно, присутствовала: //http://profile.ru; **Тучные клетки обладают амебоидностью** движения. **Гистамин и гистарин** учувствуют в регуляции свертываемости крови: //http://oplib.ru>random/view/11011.

Производное *амёбоидность* на основе исходного значения ‘простейшее одноклеточное животное, способное при движении изменять форму тела’ развивает образное значение, связанное с ассоциативным фоном «простейший – примитивный» (о человеке): *Полная не конфликтность – признак амёбоидности – гордиться этим не стоит. Любой спор – это конфликт интересов, в нём, как известно, рождается истина: //http://k9-forum.ru>showthread.php?p=751425; Я никоим образом не осуждаю и не считаю бывших или настоящих наркоманов лучше или хуже кого-либо, но я не могу принять лени и жизненной амёбоидности: //http://forum.gorod.dp.ua>showthread.php?t=99990.*

Целью исследования является и установление места адъективов с суффиксоидами *-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)* в семантическом поле с инвариантом *похожий на...* При распределении производных слов внутри семантического поля мы используем принцип выделения центральных и периферийных словообразовательных схем, предложенный Г. П. Нешименко, которая считает, что «к центру системы относятся наиболее продуктивные схемы; к периферии – схемы с низкой воспроизводимостью, лишь ограниченно используемые при образовании новой лексики, а также СТ (*словообразовательные типы – вставка наша. – А. П.*), полностью утратившие продуктивность, т. е. не репродуцируемые при создании новообразований» [16, с. 68]. Анализируемые адъективы занимают дальнюю периферию поля, поскольку представляют схемы с низкой воспроизводимостью, имеют стилистическую прикреплённость – относятся к книжному стилю, функционируют в различных терминосистемах и не обладают способностью порождать производные [19].

Таким образом, в результате исследования мы пришли к следующим **ВЫВОДАМ.**

1. Форманты *-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)* являются составными, объединяющими заимствованный корень и исконный суффикс, имеют гибридное происхождение и отнесены к суффиксоидам. Основанием для этого является соотносённость с перифразой ‘такой, который похож, напоминает то, что названо первой основой, или подобен тому, что названо препозитивной основой’ и семантическое сближение с русскими суффиксоидами *-образный* и *-видный*, что подтверждается лексикографической практикой и контекстами. В контекстах транслитерированные образования на *-морфный* синонимизируются с единицами, имеющими в своём составе суффиксоиды *-видн(ый)*, *-образн(ый)* и компонент *-подобный*.

2. Форманты *-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)* сочетаются в основном с заимствованными основами, что свидетельствует о слабой их освоенности языком-реципиентом. Сферой распространения лексических единиц является преимущественно книжный стиль. Отдельные лексемы с суффиксоидом *-оидн(ый)* проникают в разговорный стиль и просторечие, развивают качественно-характеризующее значение по отношению к лицу и имеют сниженную окраску. Это приводит к намечающейся тенденции в развитии словообразовательных пар: адъектив на *-оидн(ый)* → субстантив на *-ость*.

3. Адъективы с формантами *-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)* занимают дальнюю периферию семантического поля с инвариантом *похожий на...*, характеризуются ограниченной сферой употребления, функционируя в различных терминосистемах русского языка.

Список литературы

1. Адливанкин С. Ю. Из истории прилагательных подобия в русском языке / С. Ю. Адливанкин // Проблемы структуры слова и предложения. – Пермь, 1974. – С. 88–93.
2. Арутюнова Н. Д. Тождество и подобие (Заметки о взаимодействии концептов) / Н. Д. Арутюнова // Тождество и подобие. Сравнение и идентификация. – М.: Наука, 1990. – С. 7–32.
3. Гак В. Г. Метафора: универсальное и специфическое / В. Г. Гак // Метафора в языке и тексте. – М.: Наука, 1988. – С. 11–26.
4. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н. Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.
5. Григорян Э. А. Суффиксоиды в системе современного русского языка (на материале сложения со вторым глагольным компонентом): автореф. дис. на соискание учёной степени канд. филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Э. А. Григорян. – М., 1981. – 24 с.
6. Земская Е. А. Словообразование как деятельность / Е. А. Земская. – М.: Наука, 1992. – 221 с.
7. Зенков Г. С. Принципы организации словообразовательных элементов в систему и возможности её описания: автореф. дис. на соискание учёной степени доктора филол. наук: спец. 10.02.01 «Русский язык» / Г. С. Зенков. – Краснодар, 1993. – 49 с.
8. Карпілівська Є. А. Конкурування варіантних номінацій як вияв тенденцій розвитку лексики: регулятори рівноваги / Є. А. Карпілівська // Функціонально-комунікативні аспекти граматики і тексту : Зб. наук. пр., присвяч. ювілею Загнітка А. П. – Донецьк : ДонГУ, 2004. – С. 122–132.
9. Клименко Н. Ф. Словотвірна морфеміка сучасної української літературної мови / Н. Ф. Клименко, Є. А. Карпілівська. – К., 1998. – 162 с.
10. Ковалик І. І. Вчення про словотвір. Вибрані праці / І. І. Ковалик. – Івано-Франківськ – Львів : Місто НВ, 2007. – 404 с.
11. Кондаков Н. И. Логический словарь: словарь-справочник / Н. И. Кондаков. – М.: Наука, 1971. – 656 с.
12. Лапшина О. А. Словообразовательная активность постпозитивного компонента *-морфный* в современном русском языке / О. А. Лапшина // Культура народов Причерноморья. № 142. Т. 1. – Симферополь, 2008. – С. 441–444.
13. Лапшина О. А. Словообразовательное значение производных слов с суффиксом *-оид* в современном русском языке / О. А. Лапшина // Вісник Дніпропетровського університету. Серія «Мовознавство»: в 2-х т. – Т. 2. – № 4. – 2007. – С. 136–143.
14. Милославский И. Г. О словообразовательном значении «подобия» в русском языке / И. Г. Милославский // Русский язык в школе. – 1977. – № 6. – С. 90–92.
15. Мусиенко В. П. Функциональная категория меры в русском языке / В. П. Мусиенко. – М., 1997. – 250 с.
16. Нешименко Г. П. О некоторых аспектах деривационного синтеза при сопоставительном изучении славянских языков (к проблеме центра и периферии при изучении словообразовательной категории) / Г. П. Нешименко // Сопоставительное изучение словообразования славянских языков. – М.: Наука, 1987. – С. 62–73.
17. Медицинский латино-русский и русско-латинский словарь / сост. С. И. Вольфсон. – М., 1951. – 286 с.
18. Обратный словарь русского языка. – М., 1974. – 944 с.
19. Петров О. В. Семантичні поля в ідеографічному моделюванні російського лексики: автореф. дис. на здобуття наук. ступеня доктора філол. наук: спеціальність 10.02.02 «Російська мова» / О. В. Петров. – К., 2013. – 40 с.
20. Резанова З. И. Функциональный аспект словообразования: Русское производное имя / З. И. Резанова. – Томск: Изд-во Томского ун-та, 1996. – 219 с.

22. Русская грамматика. – Т. 1. – М.: Наука, 1980.
23. Словарь иностранных слов. – М.: Рус. яз., 1988. – 624 с.
24. Теория функциональной грамматики: Качественность. Количественность / отв. ред. А. В. Бондарко. – СПб.: Наука, 1996. – 264 с.
25. Устименко И. А. Ономаσιологический класс сходства и подобия и его роль в ходе словообразовательного процесса имен прилагательных / И. А. Устименко // Проблемы ономаσιологии. Исследования проблемной лаборатории по ономаσιологии кафедры общего языкознания и истории языка Орловского государственного педагогического института: Научные труды. – Том 62 (155). – Курск, 1976. – С. 119–126.
26. Щепка О. А. Функционально-семантическое поле компаративности : автореф. дис. на здобуття наук. ступеня канд. філол. наук : спец. 10.02.01 «Українська мова» / О. А. Щепка. – Сімферополь, 2008. – 20 с.

**ADJECTIVES WITH THE SUFFIXOID -MORFNYY, -FORMNYY, -OIDNYY
(-МОРФНЫЙ, -ФОРМНЫЙ, -ОИДНЫЙ) WITH THE SIMILARITY MEANING
IN THE RUSSIAN LANGUAGE**

Petrov A. V.

The investigation of semantic categories as the universal categories is the basis of functional grammar, developed by A. V. Bondarko and his school. The basic system of semantic categories includes also a category of similarity that has not received a sufficient description in linguistics. In the survey works of the functional grammar in Russian and Ukrainian languages the units with the meaning of similarity, is usual, are considered as a part of a functional-semantic field of comparative.

An important task of the linguistic functionalism is the methodology of functional studies development of the formative system language. A significant contribution of solving this problem have been made by G. S. Zenkov, I. I. Kovalik, R. Z. Murzasov, Z. I. Rezanova, however the main directions of the functional theory of word formation were outlined. Functional description of the units of word formation can be achieved because of the foregrounding of the derivational meaning to the center of the system analysis and means of its expression in the derivatives of the various parts of speech.

Derivational means of expressing the categories of semantic similarity are very diverse, they are represented by the derivatives of different parts of speech: adjectives, adverbs, verbs and nouns, formed on various word-formation models.

A lot of researchers refer postpositive elements *-vidnyy, -obraznyy, -podobnyy* (*-видный, -образный, -подобный*) to the formal indicators of similarity in the adjectives (e.g. *sharovidnyy, sharoobraznyy, sharopodobnyy*) (*шаровидный, шарообразный, шароподобный*). Adjectives with the components *-formnyy* and *-oidnyy* (*-формный* and *-оидный*) have not fallen under the special investigation.

The aim of the article is to explore the semantic structure of the adjectives with the formants *-morfnyy, -formnyy* and *-oidnyy* (*-морфный, -формный* и *-оидный*) and determine their place in the semantic field with the invariant *pokhozhiy na...* (*похожий на...*).

In accordance with the given aim it is necessary to solve the following **tasks**:

1. To determine the composition and status of the formants *-morfnyy, -formnyy* and *-oidnyy* (*-морфный, -формный* и *-оидный*).
2. To identify the inner valence of the adjectives and characterize the specificity of the prepositional bases of the composites.
3. To establish the synonymous bonds of morphemic complexes *-morfnyy, -formnyy* and *-oidnyy* (*-морфный, -формный* и *-оидный*).

The card index of linguistic facts was formed on the basis of dictionaries, reference books «Novoe v russkoy leksike: Slovarnye materialy (1988–1993)» (NRL) and on the internet sources.

In a result of research, we came to the following conclusions.

1. The formants *-morfn(yu), -formn(yu)* i *-oidn(yu)* (*-морфн(ый), -формн(ый)* и *-оидн(ый)*) are composites, have a hybrid origin and are attributed to suffixoid. The reason for this is the relatedness with the euphemism «one that is similar, similar to what is called the first base, or similar to what is called the first foundation» and the semantic affinity with the Russian suffixoids *-obraznyy* and *-vidnyy* (*-образный* и *-видный*), that is evidenced by the lexicographical praxis and contexts. In the context the transliterated

formation with *-morfnyy* (*-морфный*) are synonymous with units, having in its composition suffixoids *-vidnyy*, *-obraznyy* (*-видный* and *-образный*) and the component *-podobnyy* (*-подобный*).

2. The formants *-morfn(yu)*, *-formn(yu)* i *-oidn(yu)* (*-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)*) are combined mainly with borrowed bases, that indicates about their weak language-recipient acquisition. The incidence of lexical units is primarily a book style. The separate lexical item with suffixoids *-oidn* (*-оидн*) penetrate to the conversational style and colloquial language, develop the quality-characterizing meaning in the relation to the person and have a reduced coloring. It contributes to the emergence of trends in the development of derivational pairs: adjective on *-oidn(yu)* (*-оидн(ый)*) → substantive on *-ost'* (*-ость*).

3. The adjectives with formants *-morfn(yu)*, *-formn(yu)* i *-oidn(yu)* (*-морфн(ый)*, *-формн(ый)* и *-оидн(ый)*) occupy the further periphery of the semantic field with invariant *pokhozhiy na...*, (*похожий на...*) that are characterized by the limited area of usage, functioning in the various system of linguistic terms in the Russian language.

Key words: adjectives, suffixoids *-morfnyy*, *-formnyy* and *-oidnyy* (*-морфный*, *-формный* и *-оидный*); inner valence of the suffixoids, borrowed and original bases, meaning of similarity, semantic category of similarity, semantic field of similarity, the core and the periphery of the semantic field.

References

1. Adlivankin S. Yu. Iz istorii prilagatel'nykh podobiya v russkom yazyke / S. Yu. Adlivankin // Problemy struktury slova i predlozheniya. – Perm', 1974. – S. 88–93.
2. Arutyunova N. D. Tozhdestvo i podobie (Zametki o vzaimodeystvii kontseptov)
3. / N. D. Arutyunova // Tozhdestvo i podobie. Sravnenie i identifikatsiya. – M. : Nauka, 1990. – S. 7–32.
4. Gak V. G. Metafora : universal'noe i spetsificheskoe / V. G. Gak // Metafora v yazyke i tekste. – M. : Nauka, 1988. – S. 11–26.
5. Grammatika sovremennogo russkogo literaturnogo yazyka / [otv. red. N. Yu. Shvedova]. – M. : Nauka, 1970. – 767 s.
6. Grigoryan E. A. Suffiksoidy v sisteme sovremennogo russkogo yazyka (na materiale slozheniya so vtorym glagol'nym komponentom) : avtoref. dis. na soiskanie uchenoy stepeni kand. filol. nauk : spets. 10.02.01 «Russkiy yazyk» / E. A. Grigoryan. – M., 1981. – 24 s.
7. Zemskaya E. A. Slovoobrazovanie kak deyatel'nost' / E. A. Zemskaya. – M. : Nauka, 1992. – 221 s.
8. Zenkov G. S. Printsipy organizatsii slovoobrazovatel'nykh elementov v sistemu i vozmozhnosti ee opisaniya : avtoref. dis. na soiskanie uchenoy stepeni doktora filol. nauk : spets. 10.02.01 «Russkiy yazyk» / G. S. Zenkov. – Krasnodar, 1993. – 49 s.
9. Karpilovs'ka E. A. Konkuruivannya variantnikh nominatsiy yak viyav tendentsiy rozvitku leksikonu: regulyatori rivnovagi / E. A. Karpilovs'ka // Funktsional'no-komunikativni aspekti gramatiki i tekstu : Zb. nauk. pr., prisvyach. yuvileyu Zagnitka A. P. – Donetsk : DonGU, 2004. – S. 122–132.
10. Klimenko N. F. Slovtvirna morfemika suchasnoï ukrains'koï literaturnoï movi / N. F. Klimenko, E. A. Karpilovs'ka. – K., 1998. – 162 s.
11. Kovalik I. I. Vchennya pro slovtvir. Vibrani pratsi / I. I. Kovalik. – Ivano-Frankivs'k – L'viv : Misto NV, 2007. – 404 s.
12. Kondakov N. I. Logicheskii slovar' : slovar'-spravochnik / N. I. Kondakov. – M. : Nauka, 1971. – 656 s.
13. Lapshina O. A. Slovoobrazovatel'naya aktivnost' postpozitivnogo komponenta *-morfnyy* v sovremennom russkom yazyke / O. A. Lapshina // Kul'tura narodov Prichernomor'ya. № 142. T. 1. – Simferopol', 2008. – S. 441–444.
14. Lapshina O. A. Slovoobrazovatel'noe znachenie proizvodnykh slov s suffiksom *-oid* v sovremennom russkom yazyke / O. A. Lapshina // Visnik Dnipropetrovs'kogo universitetu. Seriya «Movoiznavstvo» : v 2-kh t. – T. 2. – № 4. – 2007. – S. 136–143.
15. Miloslavskiy I. G. O slovoobrazovatel'nom znachenii «podobiya» v russkom yazyke / I. G. Miloslavskiy // Russkiy yazyk v shkole. – 1977. – № 6. – S. 90–92.

16. Musienko V. P. Funktsional'naya kategoriya mery v russkom yazyke / V. P. Musienko. – M., 1997. – 250 s.
17. Neshchimenko G. P. O nekotorykh aspektakh derivatsionnogo sinteza pri sopostavitel'nom izuchenii slavyanskikh yazykov (k probleme tsentra i periferii pri izuchenii slovoobrazovatel'noy kategorii) / G. P. Neshchimenko // Sopostavitel'noe izucheniye slovoobrazovaniya slavyanskikh yazykov. – M. : Nauka, 1987. – S. 62–73.
18. Meditsinskiy latino-russkiy i russko-latinskiy slovar' / sost. S. I. Vol'fson. – M., 1951. – 286 s.
19. Obratnyy slovar' russkogo yazyka. – M., 1974. – 944 s.
20. Petrov O. V. Semantichni polya v ideografichnomu modelyuvanni rosiys'kogo leksikonu : avtoref. dis. na zdobuttya nauk. stupenya doktora filol. nauk : spetsial'nist' 10.02.02 «Rosiys'ka mova» / O. V. Petrov. – K., 2013. – 40 s.
21. Rezanova Z. I. Funktsional'nyy aspekt slovoobrazovaniya : Russkoe proizvodnoye imya / Z. I. Rezanova. – Tomsk : Izd-vo Tomskogo un-ta, 1996. – 219 s.
22. Russkaya grammatika. – T. 1. – M. : Nauka, 1980.
23. Slovar' inostrannykh slov. – M. : Rus. yaz., 1988. – 624 s.
24. Teoriya funktsional'noy grammatiki: Kachestvennost'. Kolichestvennost' / otv. red. A. V. Bondarko. – SPb. : Nauka, 1996. – 264 s.
25. Ustimenko I. A. Onomasiologicheskiy klass skhodstva i podobiya i ego rol' v khode slovoobrazovatel'nogo protsessa imen prilagatel'nykh / I. A. Ustimenko // Problemy onomasiologii. Issledovaniya problemnoy laboratorii po onomasiologii kafedry obshchego yazykoznaniya i istorii yazyka Orlovskogo gosudarstvennogo pedagogicheskogo instituta: Nauchnye trudy. – Tom 62 (155). – Kursk, 1976. – S. 119–126.
26. Shchepka O. A. Funktsional'no-semantichne pole komparativnosti: avtoref. dis. na zdobuttya nauk. stupenya kand. filol. nauk: spets. 10.02.01 «Ukraïns'ka mova» / O. A. Shchepka. – Simferopol', 2008. – 20 s.

УДК 821.161.1

ДЕКОДИРОВАНИЕ АКТУАЛЬНОГО СМЫСЛА СЛОВА В СТРУКТУРЕ ТЕКСТА

Петрова Л. А.

*ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», Симферополь
E-mail: nlla@mail.ru*

В статье рассматриваются языковые средства дешифровки композиционного кода художественного текста. Под кодом понимается способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов и правил их комбинации.

В ходе анализа определено, что декодирование актуального смысла слова позволяет выявить сведения лингвокультурологического характера как на уровне последовательности сюжетно-композиционных частей текста, так и на уровне интертекстуальных связей.

Ключевые слова: лингвокультурный код, художественный текст, композиция, лексическое значение, семантическое пространство.

ВВЕДЕНИЕ

Универсальный характер мышления в то же время предполагает освоение окружающего мира особым для каждого лингвокультурного сообщества способом. Бесспорным признается факт, что культурно-языковая специфика выявляется в результате языкового кодирования при описании реалий окружающей действительности, отражающих сущность бытийных и познавательных моделей, принятых коллективом-носителем языка. Процесс определения лингвокультурологических парадигм учитывает социально-психологические особенности не только языковой личности, но и всего лингвокультурного сообщества.

Проблема эстетической категоризации мира связана с представлением о том, что на определенном этапе познания действительности система языка и система мышления рассматриваются как два взаимно предполагающих и дополняющих друг друга кода. Под кодом обычно понимается способ обработки, передачи и хранения информации при помощи некоторой системы элементов и правил их комбинации. Кодирование – это преобразование информации в код (обращение объекта познания в соответствующую конфигурацию условных обозначений согласно правилам, допускающим обратный переход: от конфигурации условных обозначений к представляемому объекту).

Анализ литературы. Анализируя коды культуры, ученые интерпретируют их как «сетку», которую культура «набрасывает» на окружающий мир, членит, категоризует, структурирует и оценивает его» [5, с. 232]. Под лингвокультурным кодом понимается система культурно-языковых соответствий, обслуживающих коммуникативные нужды членов лингвокультурного сообщества [3, с. 22]. Код отдельно взятого текста индивидуален, тем не менее существуют инвариантные способы его дешифровки: «в художественных текстах, несомненно, существуют фрагменты разной протяженности, которые помогают увидеть смысловую дополнительную нагрузку в самом этом тексте или ведут нас в другой текст,

переключки с которым также открывает для нас дополнительные смысловые пространства» [4, с. 41].

Семантическая структура текста в современной лингвистике представляется как ментальное пространство, имеющее определенную специфику, которая закрепляется термином «семантическое пространство текста». Семантическое пространство текста Л.Г. Бабенко и Ю.В. Казариным интерпретируется как «ментальное образование, в формировании которого участвует, во-первых, само словесное литературное произведение, содержащее обусловленный интенцией автора набор языковых знаков – слов, предложений, сложных синтаксических целых (виртуальное пространство); во-вторых, интерпретация текста читателем в процессе его восприятия» [1, с. 52]. Подобная бинарность семантического пространства обусловлена характером соотносительности внешней материальной структуры (означающего) и внутреннего содержания (означаемого) текста. Между планом выражения (линейное вербальное пространство) и планом содержания (ментальное семантическое пространство) нет однозначного соответствия, поскольку ментальное семантическое пространство текста способно выражать не только явные, непосредственно эксплицированные смыслы, но и неявные, имплицитные. Как считают ученые, денотативно-референциальный компонент ментального пространства в большей степени эксплицируется, в то время как концептуальная информация преимущественно выводится, так как чаще всего она имплицитна. Очевидно, в связи с этим появилась необходимость в новой методике исследования языка, позволяющей рассматривать его как репрезентант лингвокультурного кода.

Цель статьи – выявить языковые средства дешифровки композиционного кода в стилистике художественного текста.

ИЗЛОЖЕНИЕ ОСНОВНОГО МАТЕРИАЛА

Композиционный код текста – это «система сигналов содержательно-фактуальной и содержательно-концептуальной информации, репрезентирующих ее благодаря особому композиционному развертыванию текста» [2, с. 72]. Авторские интенции должны быть понятны адресату, поэтому они эксплицируются в тексте разными языковыми единицами. По наблюдениям В.А. Лукина, та часть текста, в которой излагается авторский замысел, занимает фиксированное положение (в начале текста) и является элементом его композиции [6, с. 26]. Именно эта композиционная часть может включать информацию, определяющую всю систему ментального пространства художественного произведения. Например, название рассказа И.А. Бунина «Баллада» придает ему романтический характер и вводит в литературный дискурс. Заглавие «Дело корнета Елагина» соотносит рассказ с судебным производством, возбужденным в связи с криминальной историей убийства молодой актрисы Марии Сосновской ее любовником Александром Елагиным. Однако референтная область модифицирует художественное воплощение переданных событий, разрушая общепринятые нормы композиции.

Так, согласно жанру баллады, в первом рассказе И.А. Бунина нет масштабных, преувеличенных образов, кочующих из быliny в быlinу, что характерно для

эпического повествования. В центре произведения – история из жизни странницы Машеньки, *«седенькой, худенькой и дробной, как девочка»*. Традиционно ее судьба логично вплетена в сюжет. Однако в нем нет драматических действий, участвуя в которых герои погибают. Название рассказа соотносится со старинным преданием о давно прошедших днях, фигурирующих в воспоминаниях Машеньки.

Композиционно рассказ распадается на две части: беседа повествователя с героиней, в которую включена история о Господнем волке. Кольцевая структура текста сохраняет переплетение реальных и фантастических, невероятных, сверхъестественных событий – одну из главных особенностей жанра баллады.

В первой части действие статично (единственное событие – упавшая свеча) и ограничено рамками места и времени: господская усадьба, поздняя ночь в большие зимние праздники. Закрытый характер этого хронотопа создает ощущение таинственности, необычности: *деревенский дом являл картину странную; в доме водворялась полная тишина, благоговейный и как бы ждущий чего-то покой, как нельзя более подобающий ночному священному виду икон, озаренных скорбно и умирительно*. Уподобление дома храму – доминантный образный компонент семантического пространства рассказа, выводящий его на уровень эстетической объективации мира. Состояние мистического бытования усиливается цветовой антитезой, имплицитно соотносящейся с древним ликом образа в серебряном окладе: *в верхние, чистые стекла окон, густо обмерзших снизу серым инеем, чернела ночь и близко белели отягощенные снежными пластами лапы ветвей в палисаднике*. Концептуальное значение колоративов распространяется на все прилагательные, функционирующие в определений и сопровождающиеся косвенной авторской семантизацией: *грозная ночь* (– Почему *грозная?* – А потому, что *потаянная, когда лишь алектор, петух, по-нашему, да еще ночной вран, сова, может не спать*).

Анимистический мотив, характерный для баллады, связан с преданием о злодеянии старого князя, впавшего в грех соблазна молодой снохи. Озвученный устами пожилой женщины в темноте грозной ночи, рассказ изобилует фигурами фольклорного повествования: формула сказочного зачина (*Ведь когда это было? Уж так давно, – все царства-государства прошли, все дубы от древности рассыпались, все могилки сравнялись с землей*); сформировавшийся в древнерусской литературе прием обращения к авторитету (*про любовь недаром поется*); использование в функции обращения к слушателю устаревшей лексики *сударь*; традиционные сравнения (*кричит, как орел; снегов в степи выше роста человеческого*). Наконец, центральный образ второй композиционной части – фантастический волк *с глазами, как огонь красными и с сияньем округ головы*.

Композиционный код данного произведения определяет и семантику существительного *баллада*. Употребленное странницей Машенькой, это слово кажется неуместным в существующей речевой ситуации, не соответствующим нормам языка и потому не понятным читателю (слушателю). Поэтому рассказчица дает объяснение: *Баллада, сударь. Так-то все наши господа говорили, любили эти баллады читать. Я, бывало, слушаю – мороз по голове идет*. Контекст показывает, что в структуре лексики актуализируются дифференциальные признаки 'история',

'выдуманная', 'ненастоящая', 'написанная', 'страшная'. В развязке собеседник заключает: *Ах, какие страсти, Машенька... Истинно баллада!* Возвращение слову нормативного значения усиливает эстетический эффект всего произведения.

ВЫВОДЫ

Композиционный код художественного произведения является одним из ключей к пониманию авторского замысла, его дешифровка опирается на осознание и писателем, и читателем возможности (и/или необходимости) разрушения кодовой нормы, приводящего к синергетической определенности текста. Декодирование актуального смысла слова позволяет выявить сведения лингвокультурологического характера как на уровне последовательности сюжетно-композиционных частей текста, так и на уровне интертекстуальных связей.

Список литературы

1. Бабенко Л.Г. Лингвистический анализ художественного текста. Теория и практика: Учебник. Практикум / Л.Г. Бабенко, Ю.В. Казарин. – 2-е изд. – М.: Наука – Флинта, 2004. – 496 с.
2. Болотнова Н.С. Коммуникативная стилистика текста. Словарь-тезаурус / Н.С. Болотнова. – М.: Наука – Флинта, 2009. – 384 с.
3. Иванова С.В. Лингвокультурологический аспект исследования языковых единиц: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.19 «Теория языка» / С.В. Иванова. – Уфа, 2003. – 41 с.
4. Ключи нарратива / [отв. ред. Т.М. Николаева]. – М.: Индрик, 2012. – 160 с.
5. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология / В.В. Красных. – М.: Гнозис, 2002. – 284 с.
6. Лукин В.А. Лингво-семиотические свойства художественного текста, его компоненты и параметры типологического определения: автореф. дис. ... докт. филол. наук: 10.02.01 «Русский язык» / В.А. Лукин. – Орел, 2006. – 36 с.
7. Одинцов В. В. Стилистика текста / В. В. Одинцов. – М.: Эдиториал УРСС, 2004. – 264 с.

DECODING OF AN ACTUAL MEANING OF THE WORDS IN THE STRUCTURE OF THE TEXT

Petrova L.A.

The article deals with the language means of decoding a composite code of a literary text. The code can be also called a method of processing, storage and transmission of information with the help of some system elements and the rules for their combination. The indisputable fact is recognized that the cultural and linguistic specificity is detected as a result of coding language when describing the environmental realities of reality, reflecting the essence of the existential and cognitive models adopted by native speakers. The process of determining the lingua-cultural paradigms takes into account the socio-psychological characteristics of not only the native speaker, but also completely lingua-cultural community.

Coding is a transformation of the information into the code (conversion of the object of knowledge into an appropriate conventional sign configuration according to the rules, permitting the reverse transition: from the configuration of signs to the objects of representation).

The article proves that the composite code of the literary work is one of the keys to understanding the author's intention, its decoding is based on the awareness as the writer, and as well as the reader capabilities (and / or necessity) the destruction of the code standards, leading to a synergistic clearness of the text. Decoding of the actual meaning of the word allow to reveal lingua-cultural details of the character of both the level of plot sequence and composite parts of the text, and on the level of the intertextual relations.

Keywords: lingua-cultural code, literary text, composition, lexical meaning, semantic space.

УДК 8.81.33

АББРЕВИАЦИЯ КАК ОДИН ИЗ СПОСОБОВ ОБРАЗОВАНИЯ ОНКОТЕРМИНОВ

Шеремет Д. В.

*Институт иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального
университета имени В. И. Вернадского, Симферополь
E-mail: sheremet.nina@mail.ru*

В статье рассматриваются основные способы образования медицинских терминов в сфере онкологии, отмечаются наиболее распространенные виды аббревиатур, составляющих данную категорию медицинской лексики. Результаты исследования позволяют провести сравнительный анализ отаббревиатурного терминообразования со способами номинативной деривации в общеупотребительной лексике.

Ключевые слова: онкотермины, лексические и буквенные аббревиатуры, инициальные аббревиатуры, слоговые аббревиатуры.

ВВЕДЕНИЕ

В онкологической терминологии широко представлена аббревиация – особый способ словообразования, направленный на создание более коротких по сравнению с исходными структурами (словосочетаниями или сложениями) синонимичных им номинаций. Распространению в терминологии этого «молодого» способа словообразования («всплеск» аббревиации датируется в основных европейских языках началом 20 века) способствуют следующие особенности научного стиля речи:

1. большое количество терминов – словосочетаний и терминов-словосложений;
2. высокая частотность, упорядоченность, регламентированность употребления таких терминов в научных (научно-популярных) текстах;
3. удобство использования терминов-аббревиатур в речи (особенно – в письменной) в качестве анафуров, которое аналогично удобству использования таких типично анафорических слов, как местоимения, частицы, именные группы со значением определенности [3, с. 113-114].

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

В качестве антецедента – линейно предшествующего (реже – последующего) элемента, анафорическая отсылка к значению которого входит в состав значения аббревиатуры, – выступает, естественно, ее производящая база – исходное словосочетание (гораздо реже – исходное сложное слово). Наиболее широко представлены звуковые и буквенные аббревиатуры инициального типа: СОД (суммарная очаговая доза, термин лучевой терапии онкобольных); МАИР (Международное агентство по изучению рака); МРТ (магнитно-резонансная томография, термин онкодиагностики); МРЛ (мелкоклеточный рак легкого); МРА (муциноподобный раковый антиген, опухолевый маркер); ТПА (тканевый полипептидный антиген, опухолевый маркер); АОС (антиоксидантная система); ЭПР (электро-парамагнитный резонанс, метод диагностики); ЭАС

(электронакцепторные соединения – препараты лучевой терапии); МДС (миелодиспластический синдром); ОМЛ (острый миелобластный лейкоз); НИИОМР (научно-исследовательский институт онкологии и медицинской радиологии; ЭРХПГ (эндоскопическая ретроградная холангиопанкреатография, метод диагностики); АКА (аппарат компрессионного анастомоза); ПКР (почечно-клеточный рак); ОПК (оксипрогестерона капронат, название онкопрепарата); ЗМС (закрытый массаж сердца) и др. [1, с.72-74].

Как видим, аббревиация характерна для самых различных тематических групп терминов онкологии (эпидемиологии, диагностики, терапии, классификации, реабилитации; названий препаратов, онкомаркеров, технических средств и т. д.).

В отличие от общеупотребительной лексики, онкотермины обнаруживают достаточно много случаев усечения до начального звука (буквы) корней сложных слов (как самостоятельных терминов, так и терминологических элементов). Высокая продуктивность аббревиации вообще и аббревиации в медицинской (онкологической в частности) терминологии – явление интерлингвальное. Анализируемый в данном исследовании материал русскоязычных специальных текстов содержит немало заимствованных (и исконных) аббревиатур, приводимых в латинской транскрипции: JRSGC (Japanese Research Society For Gastric Cancer – Японское общество изучения рака желудка); ESMO (European society of medical oncologists – Европейское общество медицинских онкологов); CD (cluster of differentiation – кластер дифференцировки, термин диагностики онкозаболеваний); IPI (International prognostic index – международный прогностический индекс, показатель, необходимый для индивидуализации лечения агрессивных лимфом); CVR – (схема лечения по первым буквам латинских названий препаратов: циклофосфан, винкристин, преднизалон) [2, с. 3-5; 4, с. 2-3].

Особенность таких аббревиатур как анафорических слов заключается (в контексте восприятия их носителями русского языка) в том, что исходные структуры выступают по отношению к ним как «двойные», «дублетные», «мерцающие» антецеденты (независимо от степени владения реципиента английским, латинским языками).

Интересны примеры инициально-слоговой аббревиации в сочетании с основосложением. Например, канцерогенные токсические соединения афлатоксины названы так потому, что образуются плесенью гриба *Aspergillus flavus*. Поскольку слово токсин не входит в состав какого-либо трехсловного термина-антецедента с жестким порядком слов, можно утверждать, что оно участвовало в образовании термина афлотоксин(ы) как определяемый компонент (экспликандум) словосложения [5, с. 23-25].

Слоговая аббревиация в сфере онкологии встречается в двух разновидностях: а) чистая: вирусы группы *папова*, терминологический элемент *папова*: вирусы *папиллом*, вирус *полиомы*, *вакуолизирующий* вирус; *Имифос* – препарат, назначают при резистентности к радиоактивному фосфору. Внутренняя форма: *имитатор фосфора*. *Миелосан* – противоопухолевый препарат, показан при *санации* больных хроническим *миелолейкозом*; б) в сочетании с суффиксацией.

Винбластин – алкалоид, полученный из растения барвинок розовый (*Vinca rosea*, Linn). Используется при лимфогранулематозе, хорионэпителиоме, ангиосаркоме, раке молочной железы, т. е. при различных **бластомах** – опухолях, состоящих из новообразующихся клеточных элементов.

Оливомицин – антибиотик, получаемый путем выделения из культуры лучистого гриба (*Actinomyces olivoreticuli*), обладает выраженным противоопухолевым действием при тератобластоме, лимфоэпителиоме, ретикулосаркоме.

Инициально-слоговая (слоγο-звуковая) аббревиация в сочетании с суффиксацией **винкристин** – алкалоид, полученный из растения барвинок розовый (*Vinca rosea*, Linn).

ВЫВОД

Онкотерминология предоставляет богатый материал для исследования аббревиатурного и отаббревиатурного терминообразования, для их сопоставления с такими же способами номинативной деривации в общеупотребительной лексике.

Список литературы

1. Балишин С. И. О сокращении в подязыке медицины (на материале английского языка) / С. И. Балишин // Разновидности и жанры научной прозы. Лингвостилистические особенности. – М., 1989. – С. 71-90.
2. Васина М. В. Акцентное оформление терминологических словосочетаний в английском медицинском дискурсе: автореф... канд. фил. наук / М. В. Васина. – Иваново: ИвГУ, 2004. – 10 с.
3. Зубова Л. Ю. К вопросу об особенностях и трудностях перевода английских медицинских сокращений / Л. Ю. Зубова // Вестник ВГУ. Вып. 2. – Воронеж: ВГУ, 2005. – 311 с. – С. 113-117.
4. Рудинская Л. С. Современные тенденции развития гематологической терминологии (на материале английского языка): автореф... канд. фил. Наук / Л. С. Рудинская. – М., 1997. – С. 6.
5. Sager J. C. Term Formation / J. C. Sager // Terminology Management. Vol. 1 Basic Aspects of Terminology Management. – Amsterdam, 1996. – 31 p.

ABBREVIATION AS A WAS OF FOMRATION FOR ONCOLOGICAL TERMS

Sheremet D. V.

The article examines the main ways of formation for the medical terms in the oncological sphere, the most common types of abbreviations composing the given category of the medical vocabulary. The results of study make it possible to compare the word formation of abbreviated terms with that of nominative derivation in the active language.

Key words: oncological terms, lexicalisms and initialisms, syllabic abbreviation.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

- Аблаева
Урие Талятовна магистрант кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Алиева
Васфие Николаевна кандидат филологических наук, доцент кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Баклажова
Александра Ивановна студентка кафедры украинской филологии филологического факультета ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
- Бахича
Эльнара Арифовна аспирантка кафедры русской филологии ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
- Васильев
Александр Дмитриевич доктор филологических наук, профессор, профессор кафедры общего языкознания Красноярского государственного педагогического университета имени В. П. Астафьева, г. Красноярск
- Голота
Светлана Сергеевна магистрант кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
- Гуменюк
Ольга Николаевна кандидат филологических наук, доцент кафедры украинской филологии филологического факультета ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь

Даниленко Юлия Игоревна	магистрант кафедры украинской филологии факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Дорофеев Юрий Владимирович	кандидат филологических наук, доцент, проректор по научной работе ГБОУ ДПО РК «Крымский республиканский институт постдипломного педагогического образования», г. Симферополь
Еримизина Екатерина Николаевна	студентка факультета иностранной филологии Института иностранной Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Кашина Наталья Константиновна	доктор филологических наук, профессор кафедры социально-гуманитарных дисциплин Костромского государственного университета имени Н. А. Некрасова, г. Кострома
Мацько Дмитрий Сергеевич	кандидат педагогических наук, доцент, доцент кафедры английской и восточной филологии Луганского университета имени Тараса Шевченко, г. Луганск
Мезенцева Констанция Константиновна	студентка 4 курса факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Насибуллаева Элина Расимовна	аспирантка кафедры русской филологии, преподаватель кафедры английской филологии ГБОУВО РК «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
Орехов Владимир Викторович	доктор филологических наук, профессор ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь

Петренко Даниил Александрович	кандидат филологических наук, доцент, заведующий кафедрой немецкой филологии Института иностранной филологии Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский Федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Петров Александр Владимирович	доктор филологических наук, профессор, заведующий кафедрой русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Петрова Луиза Александровна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой русской филологии ГБОУ ВО «Крымский инженерно-педагогический университет», г. Симферополь
Полховская Екатерина Васильевна	кандидат филологических наук, доцент кафедры английского языка и литературы Института иностранной филологии Таврической академии Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского
Серебрянская Екатерина Алексеевна	магистрант кафедры русского, славянского и общего языкознания факультета славянской филологии и журналистики Таврической академии ФГАОУ ВО «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», г. Симферополь
Смеюха Виктория Вячеславовна	доктор филологических наук, профессор, заведующая кафедрой «Массовые коммуникации и прикладная лингвистика» Гуманитарного факультета Ростовского государственного университета путей сообщения, г. Ростов-на-Дону

Шеремет
Дарья Владимировна

преподаватель кафедры иностранных языков
№4 Института иностранной филологии
Таврической академии ФГАОУ ВО
«Крымский Федеральный университет имени
В. И. Вернадского», г. Симферополь

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРИЯ, ИСТОРИЯ, СТРАТЕГИИ РАЗВИТИЯ СОЦИАЛЬНЫХ КОММУНИКАЦИЙ

Орехов В. В. Национальный имидж как результат межкультурной коммуникации	3
Смеюха В. В. Трансформация женской прессы в начале XX в.	13

ЛИТЕРАТУРОВЕДЧЕСКИЙ ДИСКУРС

Аблаева У. Т. Кримськотатарський світ у художньому нарисі Михайла Коцюбинського «В путах шайтана»	23
Баклажова О. І. Шевченківські традиції художнього освоєння фольклору у творчості Василя Голобородька.....	30
Голота С. С. Жіночі постаті в ліриці Лесі Українки та Ірини Жиленко.....	36
Гуменюк О. М. Морський пейзаж в художній структурі кримськотатарської фольклорної лірики (на прикладі пісень «Къара денъиз» та «Денъиз далгъасыз олмаз»)	43
Кашина Н. К. Невербальные составляющие образа в художественном дискурсе	49

СОЦИОЛИНГВИСТИКА, ЭТНОЛИНГВИСТИКА, ПСИХОЛИНГВИСТИКА КАК СОСТАВЛЯЮЩИЕ ЛИНГВОКУЛЬТУРНЫХ ЗНАНИЙ

Бахича Э. А. Лингвокультурологический концепт революция в языковой матрице идиостиля А. Аверченко (на примере памфлета «Поэма о голодном человеке»).....	55
Васильев А. Д. Опыт анализа текста политического выступления.....	61
Мацько Д. С. Особенности научного дискурса иностранной филологии	70
Насибуллаева Э. Р. Наименование лиц женского пола по профессии в английском языке	77

<i>Петренко Д. А.</i>	
Категория социальной роли и речевое общение.....	82
ФУНКЦИОНАЛЬНО-КОММУНИКАТИВНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КАРТИН МИРА	
<i>Алиева В. Н., Серебрянская Е. А.</i>	
Языковые средства выражения эмоциональной тональности текста (на материале рассказов А. П. Чехова)	89
<i>Даніленко Ю. І.</i>	
Опозиція «білий» – «чорний» в українській та російській фразеології.....	96
<i>Дорофеев Ю.В.</i>	
Функциональная вариативность языка как объект исследования в русистике	100
<i>Еримизина Е. Н., Полховская Е. В.</i>	
Сенсорика в творчестве Джанет Уинтерсон.....	108
<i>Мезенцева К. К.</i>	
Семантичні групи іншомовної лексики в поезіях Ліни Костенко	113
<i>Петров А. В.</i>	
Адъективы на -морфный, -формный, -оидный со значением подобия в русском языке.....	120
<i>Петрова Л. А.</i>	
Декодирование актуального смысла слова в структуре текста	134
<i>Шеремет Д. В.</i>	
Аббревиация как один из способов образования онкотерминов	138
СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ	140